

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

ХАБАРШЫ

«Халықаралық өмір және саясат»
сериясы
№3 (30), 2012 ж.

Шығару жиілігі – жылына 4 нөмір.
2002 ж. бастап шығады.

Бас редактор:
ҚР ХҒА акад., тар.ғ.д., проф.
Е.А. КУЗНЕЦОВ

Бас ред. орынбасары:
з.ғ.д., ассоц. проф. А.А. Сабитова

Редакция алқасы:
проф. Victor Pou (Испания),
з.ғ.д., проф. Р.Ф. Мамедов (Әзірбайжан),
з.ғ.д., проф. Л.Д. Тимченко (Украина),
з.ғ.д., проф. Barbara Janusz-Pawletta
(Германия),
саяси ғ.д., доц. Ж.К. Симтиков,
саяси ғ.д., доц. А.К. Құрманғали,
саяси ғ.к., доц. Т.Н. Чумаченко,
К.И. Исағалиев
(ҚР еңбегі сіңген дипломат),
з.ғ.д., проф. Р.М. Валеев (Ресей),

Жауапты хатшы:
ага оқытушы А.Қ. Көлбаев

© Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, 2012

Қазақстан Республикасының мәдениет және ақпарат министрлігінде 2009 жылы мамырдың 8-де тіркелген №10105 - Ж

Басуға 11.01.2012 қол қойылды.
Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 13 е.б.т.
Таралымы 300 дана. Тапсырыс 8.

050010, Алматы қаласы,
Достық даңғылы, 13.
Абай атындағы ҚазҰПУ

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің

М А З М Ү Н :
С О Д Е Р Ж А Н И Е :

ӘЛЕМДІК САЯСАТ ПЕН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҢ
ЖАҢА ГЕОСАЯСИ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН

КАЗАХСТАН В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕАЛИЯХ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Кузнецов Е.А., Сабитова А.А. Регулирующие механизмы развития человеческого потенциала: национальный и международный аспект.....	3
Симтиков Ж.К. Новый государственный праздник независимого Казахстана.....	14
Victor Pou, Tanganelli D. Commercial diplomacy in action to ensure a micro-state's international competitiveness during years of economic and political turmoil: the case of Andorra.....	17
Theodor Schilling 1What rights ought international organisations have to participate in the opinion-forming and decision-making of other international organisations of which they are members?.....	25
Асылбекова Ж.М.-А. Форсированное индустриально-инновационное развитие Республики Казахстан и подготовка индустриальных кадров.....	31
Сембинов М.К. Проблемы эффективности миротворческих операции ООН в современном мире.....	34
Сабитова Ш.А. Демократизация современного газетного дискурса Республики Казахстан.....	41
Nurgalym K.S. Development of democratic institutions in the process of political system modernization in the Republic of Kazakhstan.....	44
Чумаченко Т.Н. Сотрудничество в водно-энергетической сфере государств Центральной Азии в начале XXI века (на примере Казахстана и Кыргызстана).....	47
Kossov Y. Some aspects of privatizing of state enterprises (On experience of separate countries).....	52
Дакенов М., Бисембаева З.У., Рсалдина Г.Т. Қоғамды экологизациялау техногенді өркениеттің тұрақты және орнықты дамуының негізі ретінде.....	56
Barbara Janusz-Pawletta Environmental impact assessment as a tool for the sustainable management of transboundary watercourses in Central Asia.....	59
Сылкина С.М. Правовые основы энергетической интеграции государств-членов ЕврАзЭС.....	62
Кульбаев А.К., Мирхамитов М.П. О сущности проявления религиозного экстремизма в Казахстане на современном этапе и о путях ее преодоления.....	67
Тлеужанова А.И. Формирование единого экономического пространства стран СНГ: проблемы и перспективы.....	71

Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Международная жизнь и политика», №3 (30), 2012 г.

«Ұлағат» баспасы
Казахский национальный педагогический
университет имени Абая

ВЕСТНИК

Серия
«Международная жизнь и политика»
№4 (30), 2012 г.

Периодичность – 4 номера в год.
Выходит с 2002 года.

Главный редактор:
Акад. МАН ВШ, д.и.н., проф.
Е.А. КУЗНЕЦОВ

Зам. гл. редактора:
д.ю.н., ассоц. проф. А.А. Сабитова

Члены редколлегии:
проф. Victor Pou (Испания),
д.ю.н., проф. Р.Ф. Мамедов (Азербайджан),
д.ю.н., проф. Л.Д. Тимченко (Украина),
д.ю.н., проф. Barbara Janusz-Pawletta
(Германия),
д.полит.н., доц. Ж.К. Симтиков,
д.полит.н., доц. А.К. Курмангали,
к.полит.н., доц. Т.Н. Чумаченко,
К.И. Исағалиев
(заслуженный дипломат РК),
д.ю.н., проф. Р.М. Валеев (Россия),

Ответственный секретарь:
ст.преп. А.К. Кульбаев

© Казахский национальный
педагогический университет
им. Абая, 2012

Зарегистрировано
в Министерстве культуры и информации
Республики Казахстан
8 мая 2009 г. № 10105-Ж

Подписано в печать 11.01.2012.
Формат 60x84 1/8. Объем 13 уч-изд.л.
Тираж 300 экз. Заказ 8.

050010, г.Алматы,
пр.Достык, 13. КазНПУ им. Абая

Издательство «Ұлағат»
Казахского национального
педагогического университета имени Абая

Жабелова Т.Е. Этникалық азшылық мәселелерінің саяси және халықаралық-құқықтық қырлары.....77
Байтурбаева А.Т. Мировая политика и международные отношения.....81
Tolegenov T., Zakiyeva N. Aral sea disaster is a global problem.....83
Сабитов К.А., Мауленов К.С. Решение экономических проблем использования космоса и их международно-правовые основы.....89
Бастаубаева А. Energetically strategy of the Republic of Kazakhstan.....97
Ергалиев Д. Арабский мир и права человека.....100

**ӘЛЕМДІК САЯСАТ ПЕН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҢ
ЖАҢА ГЕОСАЯСИ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН
КАЗАХСТАН В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

УДК 327 (574)

**РЕГУЛИРУЮЩИЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ**

Е.А. Кузнецов – д.и.н., проф., зав. кафедрой международных отношений, КазНПУ им. Абая,
А.А. Сабитова – д.ю.н., ассоц. проф., зав. кафедрой международного права, КазНПУ им. Абая

В современном мире условием прогресса любого общества является развитие человеческого потенциала, без которого невозможны никакие изменения в жизни и деятельности его членов. Человеческий фактор оказывает глубокое воздействие на все общественные процессы, причем столь глубокое, что он становится в известном смысле решающим при выборе стратегии дальнейшего развития. Возникла необходимость пересмотреть сложившиеся представления о том, как следует решать вопросы о развитии человеческого потенциала.

Неотъемлемой стороной его является идея Президента РК Н.А. Назарбаева о создании интеллектуальной нации.

В настоящее время в международной практике разработаны комплексные индикаторы, включающие в себя экономические, социальные, демографические показатели, способные в своей совокупности наилучшим образом охарактеризовать уровень развития человеческого потенциала. В мировой практике в качестве альтернативного критерия общественного прогресса, дополняющего показатель среднедушевого ВВП, наиболее успешной попыткой оказался разработанный М.Десай и А.Сеном индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) [1].

В числе ведущих показателей, определяющих индекс развития человеческого потенциала, выделяют три: ожидаемая продолжительность жизни; уровень образования; реальный душевой валовой внутренний продукт (ВВП). Взятые вместе они отражают три главных качества: здоровую жизнь, знания, достойный человека уровень жизни.

Международный опыт показывает, что в современных условиях на развитие человеческого потенциала конкретной страны оказывают сильное воздействие существующие в ней объективные факторы риска.

Ведущими факторами, создающими угрозы для человеческого потенциала, являются:

- неблагоприятное состояние и негативные тенденции изменения продолжительности жизни и смертности населения;
- снижение уровня физического и психического здоровья под влиянием социально-экологических факторов среды жизнедеятельности;
- ухудшающееся положение детей, семьи, молодежи как важнейших составляющих человеческого потенциала будущих поколений;
- некоторые тенденции, связанные с практическим использованием научно-технических достижений;
- новое состояние культурного и образовательного пространства развития молодых поколений.

Несмотря на широту и разносторонность рассмотрения проблем развития человеческого потенциала, здесь по-прежнему остается множество нерешенных вопросов, требующих серьезного внимания, как с теоретической, так и с практической сторон. Нет единого мнения по поводу методологических подходов к оценке развития человеческого потенциала, многие вопросы, касающиеся механизмов воздействия на развитие человеческого потенциала в трансформационных условиях еще недостаточно исследованы.

Во второй половине 80-х годов идеи о переосмыслении роли человека в общественном развитии, о том, что люди и их развитие являются важнейшей целью общественного прогресса, реализовались в концептуальном подходе, получившем название «развитие человеческого потенциала», или концепции «человеческого развития».

Анализ теоретических подходов позволил сделать вывод о необходимости комплексного подхода к проблемам человеческого развития. Говоря о расширении выбора, в ней отмечается, что на любом этапе развития человечества остаются три ключевые проблемы, три потребности: прожить долгую и здоровую жизнь; приобрести знания; иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни.

Понятие человеческого потенциала в системе количественных и качественных параметров развития населения, подчеркивается, что современной литературе оно используется как более полное и объемлющее, чем такие понятия, как человеческие ресурсы, человеческий капитал, человеческий фактор, уровень жизни, качество жизни, качество населения, каждое из которых дополняло и последовательно сменяло друг друга на протяжении длительного времени. При этом главным аргументом здесь выступает тот факт, что понятие человеческого потенциала позволяет дать комплексную характеристику социально-экономических, социокультурных, экологических, психологических, социально-демографических и пр. аспектов существования человека, а также реализации его возможностей.

Концепция развития человеческого потенциала объединяет решение вопросов производства и распределения товаров и услуг с решением вопросов формирования и использования способностей и возможностей людей, которые являются во многом взаимосвязанными и взаимодополняющими друг друга.

В этой связи первостепенное значение приобрела проблема определения качественных критериев жизнедеятельности человека, путей его формирования и развития. Теоретические исследования необходимы, прежде всего, для того, чтобы раскрыть, как общие закономерные черты проявляют себя в конкретных условиях трансформирующихся стран, и, в частности Республики Казахстан, какие особенности при этом находят свое отражение.

Существующая точка зрения о том, что развитие человеческого потенциала может трактоваться и как совершенствование возможностей человека, его способностей достигать поставленные и значимые цели, и как «процесс расширения стоящего перед человеком выбора». Причем эти трактовки развития человеческого потенциала (как расширение выбора и как совершенствование возможностей и способностей) не противоречат друг другу и являются взаимодополняющими.

В концепции развитие человеческого потенциала рассматривается как двусторонний процесс. С одной стороны, это формирование человеческих способностей: укрепление здоровья, приобретение знаний, совершенствование профессиональных навыков. С другой стороны, это реализация приобретенных способностей для производительных целей или для отдыха, культурной, политической деятельности. В этом и заключается коренное отличие концепции развития человеческого потенциала от концепций «человеческого капитала», «человеческих ресурсов» и др., сводящих конечную цель к единственному аспекту – формированию ресурсов для производственной деятельности. Если в центре внимания концепции человеческого развития находится «человеческий потенциал», то центральной категорией, характеризующей процесс развития человеческих ресурсов, является понятие «человеческий капитал».

Не менее важным аспектом является и проблема неравенства имеющихся возможностей у мужчин и женщин. В целях учета разницы в продолжительности жизни, грамотности, образовании и заработках между мужчинами и женщинами был разработан индекс развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ), т.е. скорректированный с учетом проблемы равенства полов.

Выявляя приоритеты и основные направления развития человеческого потенциала, следует указать, что основополагающим для человека являются качественные параметры жизнедеятельности: долгая и здоровая жизнь, приобретение знаний, то есть необходимость быть образованным, иметь материальные ресурсы, обеспечивающие достойный уровень жизни. При этом уровень жизни, образование и состояние здоровья являются не только основными параметрами, характеризующими человеческий потенциал, но и важнейшими факторами, способствующими его формированию и развитию.

Как показывает международный опыт, неотъемлемым условием этого является экономический потенциал страны.

Казахстан продолжает последовательно развиваться согласно стратегии «Казахстан-2030». Казахстан завершил период восстановления своего социально-экономического потенциала. Сегодня на повестке дня стоит новый этап развития, нацеленный на усиление конкурентоспособности страны на внешней арене. И здесь главный акцент делается на инвестиции в человеческий капитал и формирование индустриально-инновационной экономики, на основе которой обещает возникнуть качественно новая инновационная нация.

Казахстан перешагнул первый 15-летний рубеж стратегии «Казахстан-2030», предложенной Главой государства в октябре 1997 года. Если вспомнить, долгосрочная стратегия Казахстана состоит из трех последовательных десятилетних этапов, каждый из которых имеет свои стратегические цели и идеологию развития.

Первый десятилетний стратегический план, принятый в 2000 году, был посвящен преодолению последствий реформенного периода и восстановлению социально-экономического потенциала, формиро-

ванию устойчивых основ экономики для долгосрочного развития страны. Из ключевых ориентиров данного периода можно отметить удвоение объема ВВП, борьбу с бедностью и безработицей, повышение уровня благосостояния населения, обеспечение быстрых темпов восстановления экономики и позиций Казахстана в мировом сообществе.

В этот период были закреплены успехи предыдущих рыночных реформ, стабилизирована и кардинально улучшена ситуация в социальной сфере, успешно решены большинство острых социальных проблем. Экономика страны получила значительный импульс, усовершенствован госаппарат. В целом в прошедшее десятилетие заложены фундаментальные основы комплексного развития, которые определяют перспективы развития страны на многие годы вперед.

По индексу человеческого развития в 2009 году Казахстан достиг группы стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. За десятилетие удалось не только решить острейшие проблемы, но и значительно улучшить социальное самочувствие граждан. За 10 лет минимальный размер заработной платы вырос более чем в 5 раз, пенсии и социальные пособия выросли более чем в 3 раза, стипендии – в 6 раз.

Как отметил Президент РК Н.А. Назарбаев в своей интерактивной лекции 5 сентября 2012 года «Казахстан на пути к обществу знаний»: «За годы независимости, то есть в рамках только одного поколения, Казахстан превратился из развивающейся страны в страну со средним уровнем дохода и растущей экономикой [2].

Качество жизни улучшилось в разы, потому что мы изначально взяли курс на высокие стандарты жизни казахстанцев. Например, уровень бедности за последние 10 лет сократился в 4 раза, экономика выросла в 16 раз.

Все это положительно сказалось и на медико-демографических показателях развития страны.

Несмотря на мировой финансовый кризис, страна накопила значительные сбережения. Активы Национального фонда увеличились в 40 раз – с 660 млн. долларов в 2001 году до 27 млрд. долларов в 2010 году. Валовые международные резервы увеличились с 2000 года более чем в 13 раз – до 27,7 млрд. долларов. С 1993 года привлечено более 100 млрд. долларов прямых иностранных инвестиций. Это соразмерно с объемом экономики Казахстана.

Безусловно, в будущем будет возрастать роль качества человеческих ресурсов. Конкурентоспособность страны сегодня в большей степени, чем когда-либо, зависит от инновационного и научно-технического потенциала.

Ни одно государство не может считаться устойчивым без крепкого и перспективного экономического фундамента и высокого качества человеческого потенциала.

Изменяется роль государства в социально-экономических процессах. Государство должно стать активным инициатором и координатором преобразований, направленных на модернизацию экономики и социальной сферы.

Согласно Стратегическому плану развития страны до 2020 года, Казахстан в 2020 году должен стать страной, обладающей:

- мощной и эффективной экономикой;
- конкурентоспособным, уникальным человеческим капиталом;
- высокими стандартами качества жизни.

Безусловным национальным приоритетом развития в предстоящем десятилетии станет достижение высоких стандартов качества жизни казахстанцев. Планируемые шаги к новому качеству жизни требуют обновления формата социальной политики, перенастройки от стабилизационных и защитных мер к повышению возможностей и потенциала населения, каждого гражданина страны.

Социальная политика должна обеспечить создание возможностей для продуктивной занятости и устойчивых источников средств к развитию человеческого потенциала. Государство намерено поощрять работодателей, которые будут заниматься подготовкой и переподготовкой кадров. В рамках новой трудовой политики важно усилить взаимосвязь рынка труда и образования. При этом не стоит преуменьшать значимость миграционных процессов в повышении качества трудового ресурса страны.

В итоге к 2020 году доля высококвалифицированной рабочей силы в составе занятого населения должна превысить 50 процентов. Одновременно государство будет стимулировать трудоспособное население к активному социальному поведению, трудовой мобильности.

В отношении категорий населения, обладающих недостаточной конкурентоспособностью на рынке труда: инвалидов, женщин, пожилых людей, молодежи, будут применяться специальные программы

интеграции. Это, в свою очередь, потребует модернизации институтов рынка труда. Государством будут осуществляться меры по поддержанию уровня жизни пенсионеров и инвалидов в условиях роста стоимости жизни.

Важное значение в человеческом развитии придается системе здравоохранения. Кардинальное улучшение состояния здоровья казахстанцев будет обеспечено за счет внедрения здорового образа жизни и перехода на принципы профилактической медицины. Здоровью нации также будет способствовать в определенной степени устранение факторов риска для здоровья, связанных с высокой смертностью и заболеваемостью, низкой продолжительностью жизни; повышение эффективности и конкурентоспособности медицинского сектора страны; улучшение стандартов качества предоставления медицинских услуг, приведения их в соответствие с лучшими международными стандартами; расширение возможностей населения, особенно в сельской местности, в получении качественной и своевременной медпомощи.

Результатом реформирования здравоохранения станет модель функционирования системы здравоохранения, обеспечивающая общедоступность качественной медицинской помощи.

В своей программной лекции «Казахстан на пути к Обществу к Знаний» Н.А. Назарбаев отметил «Страна движется к постиндустриальному миру, в котором правит триада «образование-наука-инновации».

В рамках новой десятилетней стратегии уже начата реализация Государственной программы форсированного индустриально-инновационного развития, которая должна обеспечить выход отечественной экономики на новый уровень развития.

Инновации перестали быть прерогативой исключительно развитых государств мира. Инновационная тематика становится популярной и востребованной в большинстве регионов и государств мира, включая многие развивающиеся страны. Инновациями охватываются не только новые государства, но и новые сферы экономики, социального развития и управления.

Пример Финляндии, Голландии, Дании и других стран показывает, что страны и с малой экономикой и малочисленным населением могут стать мировыми технологическими лидерами.

По мнению большинства экспертов, очередной этап научно-технологической революции наряду с информационно-коммуникационными технологиями самым непосредственным образом будет связан с развитием нано- и биотехнологий. Так, по оценкам авторитетной компании Lux Research, только объем нанотехнологического рынка к 2015 году вырастет более чем в 2 раза и достигнет порядка 4 трлн. долларов. Это диктует актуальность ориентации отечественной инновационной системы на мировой рынок технологических инноваций.

Высокая стоимость научных исследований заставляет страны самым внимательным образом относиться к выбору научных приоритетов и механизмам эффективного обеспечения научно-технического прогресса. Требуя формирования единой национальной научной политики, а не конъюнктурного заказа случайных работ, направленных на обслуживание текущих потребностей отдельных госорганов и поддержку устаревшей научной инфраструктуры.

Как показывает международный опыт, сами по себе зарубежные технологии не всегда приводят к технологической компетентности бизнеса. Развитие производств исключительно на базе покупки зарубежного оборудования чревато технологическим отставанием.

В этой связи необходимы национальные системы, способные осуществлять совершенствование зарубежных технологий и ноу-хау. Без собственных усилий отечественных компаний в создании и применении новых технологий импортируемые иностранные технологии могут не привести к желаемому росту производительности труда и конкурентоспособности на мировых рынках. Это особенно актуально для Казахстана, характеризующегося в качестве нетто-импортера инноваций и технологий.

Поэтому необходимо более активно, масштабно и целенаправленно развивать инновационный потенциал, в связи с чем, особого внимания в предстоящий период потребуют вопросы формирования национальных инновационных систем и кластеров, которые интегрируют творческие усилия науки и направят их на потребности реального сектора экономики, бизнеса.

Актуальным представляется также переход к активной конкурентной политике – развитию и адвокации конкуренции, обеспечению свободы входа на рынок и др. Это предполагает не только борьбу с доминантами и концентрацией на рынке, но и содействие выходу на рынок новых конкурентов, свободное создание start-up компаний. В этом случае срабатывает механизм рыночной саморегуляции (снижение цен, рост качества).

Президент РК Н.А. Назарбаев в программной статье «Социальная модернизация Казахстана: Двадцать

шагов к Обществу Всеобщего Труда» на первый план выдвинул идею перестройки сознания граждан Казахстана, когда каждый должен понимать, что необходимо отходить от позиции социального иждивенчества и своим трудом приносить пользу обществу [3].

Определена масштабная идея Общества Всеобщего Труда, в основе которой лежит реальный производительный труд. Инициатива Нурсултана Назарбаева по социальной модернизации указывает на необходимость стимулирования труда и профессионализма, а акцент сделан на общей ответственности.

Казахстан за годы независимости добился многих успехов в самых разных сферах жизни. И одной из главных ценностей, являются наши интеллектуальные ресурсы. Ведь природные богатства когда-нибудь могут быть исчерпаны, а ум и трудолюбие народа будет существовать всегда. В мире много примеров, когда интеллект нации, помноженный на труд, служит успешному развитию государства. И в нашей стране, как отметил Президент, также нужно делать ставку на усиление интеллектуального потенциала нации.

У молодежи сегодня есть все возможности для самореализации, при этом важная задача обеспечить подрастающее поколение высококачественным образованием. Успешное обучение и воспитание молодежи – это важнейшие ресурсы модернизации казахстанского общества.

В связи с этим, одно из главных идей формирования интеллектуальной нации, как показывает международный опыт, является образование.

Объективной необходимостью в условиях современного образования становится создание инновационной модели общего среднего образования, сочетающей лучшие традиции казахстанской и мировой образовательных систем, позволяющей уже в стенах школы приобщать учащихся к научно-исследовательской и экспериментальной деятельности, воспитывать высокообразованную личность с активной жизненной позицией, способной конкурировать на международном уровне. Для воспитания интеллектуальной личности требуются изменения сложившейся структуры школы, системы взаимоотношений, проектирования содержания образования, методик обучения, принципов оценивания учебных достижений.

Модернизация современного общества предполагает его переход от индустриального к информационному, в котором процессы образования и распространения знаний становятся ключевыми. В связи с этим возникает потребность в людях интеллектуально развитых, талантливых, способных выдвигать идеи, направленные на прогрессивные изменения в различных сферах деятельности человека. Поэтому сегодня в условиях социально-экономических изменений актуализирована потребность Общества в формировании высокообразованной творческой личности, активно влияющей на развитие государства и повышение его конкурентоспособности. Особое место в формировании такой личности занимает работа с одаренными детьми.

Согласно данным, опубликованным 4 ноября 2003 года Корейским институтом здравоохранения и социальных проблем, более 56% средств, которые ежемесячно тратит средняя южнокорейская семья, идет на оплату расходов по воспитанию, образованию и содержанию детей. Чадолубие корейцев поразительно. Интересно, что, как и в Японии, в Корее ребенок считается божественным созданием до семилетнего возраста. Отношение меняется, когда он начинает готовиться к поступлению в школу. С этого момента потакание капризам малыша сменяется новым воспитательным стилем – суровым, ориентированным на воспитание уважения к учителям. В соответствии с традиционным канонам, уважительное отношение к родителям считается высшей из человеческих добродетелей.

В Японии первый учитель малыша – мать. Считается, что семья – главный источник самопознания, социализации, нравственного становления личности. В ходе массового опроса в 1994 года около 64% родителей утверждали, что им пренадлежит главная роль в воспитании, остальные респонденты вообще сочли, что оно должно быть полностью делом семьи. Однако и со стороны государства уделяется большое внимание воспитанию детей.

Японская система непрерывного образования пропагандирует три основных жизненных принципа, отражающих духовно-нравственные ценности японского общества. Первый – «учись думать, принимай решения самостоятельно, ищи и находи лучшие пути решения проблемы». Второй – «понимай красоту, воспитывай в себе чувство прекрасного, будь красив душой, добр сердцем, будь способен к сочувствию». Третий – «будь здоров, вынослив, силен».

Родители являются активными участниками жизни школы. Они систематически исполняют различные поручения, такие как проведение учебных экскурсий, праздников, спортивных состязаний, благотворительных акций. Координируют такую деятельность родительские советы и собрания.

В Казахстане, очевидно, одним из наиболее выраженных проблем современного воспитания является осознаваемая на социально-педагогическом уровне потребность объединения усилий семьи и учрежде-

ний образования в создании единого воспитательно-образовательного пространства для развития личности ребенка при неготовности к удовлетворению этой потребности.

Для повышения эффективности взаимодействия семьи и школы по воспитанию детей, на наш взгляд, необходимо создание при Министерстве образования и науки РК научно-исследовательского института, занимающегося проблемами педагогического сопровождения семьи и совместной деятельности семьи и учреждения образования.

С 2007-2008 года, в рамках реализации культурного проекта «Триединство языков», в 33 школах для одаренных детей внедряется обучение на трех языках: казахском, русском и английском. Для реализации общенационального проекта «Интеллектуальная нация-2020» в Казахстане проводятся более 20 различных интеллектуальных соревнований, олимпиад, конкурсов, в которых за время функционирования центра «Дарын» приняли участие более двух миллионов школьников.

В 2008 году по инициативе Главы Государства был запущен проект «20 интеллектуальных школ естественно-математического направления для одаренных и талантливых детей».

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 13 мая 2008 года №452, с целью реализации данного проекта, создания и обеспечения деятельности сети интеллектуальных школ и внедрения инновационных технологий в образовательной сфере, создано акционерное общество «Өркен».

В соответствии с постановлением Правительства Республики Казахстан от 7 июня 2010 года №532 акционерное общество «Өркен» переименовано в акционерное общество «Назарбаев Интеллектуальные школы» (далее – Общество) [4].

В настоящее время их опыт поэтапно будет распространяться на всю систему среднего образования.

Существенную роль в модернизации отечественного образования принадлежит, созданному по инициативе и прямой поддержке Главы государства – Назарбаев университет.

Уникальный ВУЗ, распахнувший свои двери для первых студентов осенью 2010 г., призван выполнять поистине великую миссию, ведь в его аудиториях получают знания молодые люди, которым завтра продвигать Казахстан на первые позиции в мире, а в научных лабораториях будут совершаться открытия, которые принесут славу казахстанской науке. Именно в этом университете, который должен стать моделью для казахстанских вузов, воплотится триединство образования, науки и производства, которое обеспечит стране стабильное и устойчивое развитие.

«Образование – это ценность и основа успеха как отдельного человека, так и страны в целом. Я верю, что новый университет осуществит прорыв в подготовке новой элиты – поколения ученых – специалистов XXI века, которое изменит облик Казахстана». Эти слова были произнесены Президентом Нурсултаном Назарбаевым на лекции «Инновационная индустрия науки и знаний – стратегический ресурс Казахстана в XXI веке», прочитанной в Назарбаев Университете в декабре 2010 года.

Составной частью программы по созданию интеллектуальной нации, как свидетельствует международный опыт, является выявление одаренных детей и целенаправленная работа с ними.

Еще в античный период одаренные дети были выделены как особый субъект образовательного процесса. Такие дети получали элитарное образование под руководством известных ученых-философов: Сократа, Аристотеля, Конфуция и других. Например, Платон наиболее часто советовал достойно поддерживать «золотых детей».

В каждом цивилизованном обществе одаренные дети рассматриваются как национальное достояние, имеющее право рассчитывать на особые социальные права.

В Соединенных Штатах Америки, начиная с 1970-х годов, создаются специальные образовательные программы для одаренных детей. Так, широко применяются в школах программы известного педагога и ученого Дж.Рензулли, которые имеют нестандартные количественные и качественные параметры, например такие как: выход за рамки базисной программы, учет специфики интересов учащихся, соответствие их стилю усвоения знаний, проблемность и исследовательские подходы в обучении и другие.

Особое место проблема одаренных детей занимает в социально-педагогической практике Великобритании. Еще в начале 1970-х годов в Англии набирало силу движение «в защиту одаренности», в котором приняли активное участие родители «способных учащихся», педагоги, представители деловых кругов и широкой общественности. Была создана специальная ассоциация, которая ставила перед собой цель привлечения всеобщего внимания к проблемам одаренных детей, проведения соответствующих теоретических исследований, экспериментов, составления специальных программ.

В Великобритании с 1997 года действует специальная программа поддержки одаренных детей «Национальная программа развития образования одаренных и талантливых учеников».

Однако до настоящего времени в Англии специальных школ для одаренных детей не существует, кроме музыкальных и балетных. Обучение таких детей осуществляется в различных типах школ на основе дифференциации – деления учащихся на «потоки» и «группы». В методическом плане так же, как и в школах Соединенных Штатах Америки, в обучении одаренных детей широко применяются технические средства, проблемные и исследовательские методы, интегрированные спецкурсы, самостоятельная разработка проектов.

В школах Германии и Франции действуют особые консультационные службы по обучению одаренных детей, специальные классы и гимназии.

Примечателен в этом плане и пример Сингапура, являющегося сегодня одним из преуспевающих государств.

Успех этой страны обусловлен действенной политикой в организации государственной службы, в основу которой положен принцип меритократии (в переводе с латинского языка – достойный, удостоенный власти), то есть продвижение по службе в этой стране зависит только от способностей и таланта человека. Для реализации этого принципа в 1984 году в Сингапуре была введена программа обучения одаренных детей, целью которой являлось обеспечение одаренных сингапурских детей образованием, наиболее соответствующим их склонностям и способностям.

Инициатором программы выступило Министерство образования Сингапура, поддерживающее новую систему образования, которая предусматривала предоставление каждому ученику соответствующих условий и возможности учиться именно в том ритме, который больше всего ему подходит. Одаренным ученикам были предоставлены особые условия обучения.

Успех этой программы очевиден. Результаты международных исследований по оценке математического и естественно-научного образования, проведенного Международной ассоциацией по оценке учебных достижений в 1995 году, показали, что у школьников Сингапура наилучшие результаты.

В Японии принцип «Развивая детей – развиваем Японию!» – главное правило управления страной, аналог аксиомы «что посеешь – то пожнешь». И в этой стране неумолимо в течение столетий сеют зерна интеллекта каждому подрастающему поколению и частные фирмы, и государство. [5].

Международные отношения Республики Казахстан со странами мира, нынешние политические условия, а также геополитическое положение страны обеспечивают основу для успешной реализации проектов Общества в образовании в сотрудничестве с ведущими зарубежными организациями.

В Казахстане имеется определенная законодательная база, позволяющая обеспечивать международную деятельность в сфере образования.

Анализ международного опыта создания аналитических и научно-исследовательских структур в образовании показал, что во многих странах существуют Центры, осуществляющие работу по оценке и анализу деятельности всех уровней системы образования на основе передового опыта с разработкой обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию функционирования организаций образования.

Изучение опыта работы ряда Центров (Исследовательский центр в области образования в Ирландии, исследовательский образовательный центр при университете Висконсина-Мэдисон в США, Международный центр педагогических исследований во Франции, Центр образовательных исследований и политики в штате Массачусетс в США, Центр образовательных исследований и инноваций при ОЭСР во Франции и другие) показало, что их деятельность связана с разработками в области:

- приоритетов образовательной политики;
- содержания образования;
- методик и технологий преподавания предметов;
- методик преподавания языков;
- содержания учебных пособий и учебников, в том числе электронных;
- профессионального развития учителей;
- применения ИКТ;
- направлений, инструментария и технологий оценки качества образования;
- тренингов.

Исходя из этого, необходимо постоянно проводить аналитическую деятельность, образования по следующим направлениям:

1. Анализ, выбор содержания образования и подготовка рекомендаций по внедрению и реализации образовательных программ;

2. Анализ методологического обеспечения учебного процесса и разработка предложений и рекомендаций по его совершенствованию с учетом международного опыта;

3. Анализ состояния кадровой политики и разработка предложений и рекомендаций по повышению ее эффективности с учетом международного опыта;

4. Анализ международного опыта выявления одаренных детей и разработка системы конкурсного отбора учащихся, способных к изучению естественно-математических наук;

5. Анализ международного опыта построения систем мониторинга качества образования и разработка системы мониторинга, оценки и контроля деятельности Интеллектуальных школ;

6. Анализ международного опыта по обеспечению жизнедеятельности организаций образования, разработка предложений и рекомендаций по его совершенствованию на основе научных исследований;

7. Подготовка ежегодного аналитического доклада о состоянии образования в сопоставительном аспекте с организациями образования для одаренных детей в стране и в мире.

Казахстан официально присоединился к Болонской декларации и стал 47-м участником Болонского процесса, что свидетельствует о высокой оценке проводимых реформ в сфере образования.

Такое изменение понятия и роли образования и обучения в социально-экономическом развитии государства вызвало существенный рост инвестиций в человеческий капитал по всему миру, а также повышение расходов на образование со стороны самих граждан.

Насколько будет высок уровень интеллекта, образованности и здоровья каждого гражданина, настолько будет высока и конкурентоспособность государства. Для того чтобы оставаться конкурентоспособными, критически важно усиливать опережающими темпами качество человеческих ресурсов, т.е. уровень интеллектуальной, профессиональной, физической и духовной подготовленности казахстанцев.

Данный принцип является императивом стратегии развития нашей страны в предстоящем десятилетии.

Предполагается обеспечить 100-процентный охват дошкольным воспитанием и обучением как в городской, так и в сельской местности, увеличить сеть дошкольных организаций, внедрить разнообразные формы обучения.

В условиях, когда человеку в течение всей жизни необходимо постоянно повышать свой образовательный уровень и квалификацию, особенно актуальным в проекте программы является введение системы электронного обучения (e-learning).

В высшем образовании импульс получит университетская наука через создание исследовательских университетов, организацию сети национальных лабораторий, инжиниринговых, проектно-конструкторских компаний, в том числе при ведущих университетах; консолидация успешных научных организаций с университетами в консорциумы с целенаправленной подготовкой кадров для проектов индустриально-инновационного развития страны.

В целом основной задачей системы высшего образования страны является кардинальное улучшение качества обучения высококвалифицированных кадров, исправление наблюдающейся деформации в подготовке специалистов с гуманитарно-экономическим и инженерно-техническим образованием.

Таким образом, созрела необходимость модернизация отечественного образования. Успешное и своевременное развитие системы образования является необходимым и неотъемлемым компонентом политики государства для качественной реализации Стратегического плана развития страны на период до 2020 года. При этом необходимо широко использовать опыт международных организаций в первую очередь ЮНЕСКО.

Вместе с тем, анализ реальных событий в образовательной сфере в мире, в отдельных регионах и странах показывает, что в течение второй половины XX столетия деятельность ЮНЕСКО была направлена на решение острых проблем образования – от начального до высшего как в целом, так и в конкретных регионах и отдельных категорий населения. Можно выделить два направления в образовательной политике и деятельности ЮНЕСКО в этот период: ликвидация неграмотности, поскольку более одного миллиарда взрослых людей в мире являются неграмотными и около 100 млн. детей не посещают школу. Второе направление было связано с деятельностью ЮНЕСКО, особенно проявившейся в 90-е годы, в разработке концепций и конкретных программ по их реализации с целью подготовки кадров специалистов как ответ на вызовы XXI века.

На Всемирном форуме по образованию в апреле 2000 г. (Дакар, Сенегал) были определены конкретные задачи ЮНЕСКО на международном, региональном и субрегиональном уровне. В частности, получили положительную оценку усилия девяти наиболее населенных стран (Бангладеш, Бразилия,

Египет, Индия, Индонезия, Китай, Мексика, Нигерия, Пакистан) в области образования для всех, в которых проживает 50% населения планеты и на которые приходится 72% неграмотных всего мира и свыше половины детей, не охваченных школьным образованием.

На фоне этого, впечатляющим фактом является приведенные Президентом РК Н.А. Назарбаевым в своей лекции «Казахстан на пути к Обществу Знаний» данные, что в течение последних трех лет Казахстан находится в четверке лидеров по Индексу развития образования ЮНЕСКО среди 129 стран мира.

Постоянно возрастающая роль международного сотрудничества в области образования в условиях современного мира затрагивает самые широкие слои населения всего земного шара. В этом процессе образование играет исключительно важную роль в социально-экономическом и технологическом прогрессе, развитии человеческого потенциала, прежде всего, в решении проблем всеобщей грамотности, подготовке специалистов для будущего и формировании поколения людей в духе мира, взаимопонимания, толерантности и демократии.

Современная система образования по своему значению и влиянию на другие сферы социально-экономической и социокультурной жизни является одной из наиболее важных и приоритетных. Сложившаяся образовательная система выполняет широкий спектр функций как своих основных, практических, так и опосредованных структур в функционировании и воспроизводстве всех общественных институтов и процессов.

Политика специализированных международных организаций в области образования включает стратегию образовательной деятельности, её законодательно-правовую базу и образовательную практику, что в совокупности даёт возможность интегрировать образовательные процессы как на национальном, так и международном уровнях.

Так, на примере ЮНЕСКО, которая была учреждена в ноябре 1945 г. и стала функционировать после утверждения ее устава в ноябре 1946 г. Основные цели и задачи ЮНЕСКО состоят в осуществлении международного сотрудничества на основе принципов Устава ООН и своего Устава. Но если для ООН международное сотрудничество относится к сфере безопасности, то ЮНЕСКО – к области образования, социальных и естественных наук, культуры и информации.

В Казахстане функционируют представительства специализированных учреждений системы ООН: Программа развития ООН (ПРООН), ЮНИСЕФ, ЮНИФЕМ, ЮНЕП, ЮНФПА, ЮУВКБ, а также многие международные неправительственные организации и объединения, учебного и научного направления.

В этом сотрудничестве проблемы образования увязываются с современными тенденциями социального развития, которые показывают, что, наряду с такими позитивными явлениями, как прекращение холодной войны и завоевание политической свободы народами различных стран, в мировом сообществе нарастают процессы дезинтеграции, бедности и нищеты, происходит деградация окружающей среды, возрождаются национализм, расизм, религиозный фанатизм и экстремизм.

В преодолении этих негативных факторов развития важная роль принадлежит интеллектуальной и нравственной солидарности человечества посредством образования, воспитания толерантности и взаимопонимания.

Политика и деятельность специализированных международных организаций нацелены на реализацию основных функций образования как в практическом плане, т.е. при решении конкретных задач образования (борьба против дискриминации, ликвидация неграмотности, разработка систем образования для развивающихся стран, подготовка преподавательских кадров, модернизация образования с учетом вызовов XXI века).

Эти цели приобретают особую актуальность в условиях глобализации мировой экономики и информационных технологий.

Для Казахстана предстоит решить многие задачи в области образования, связанные с его доступностью, внедрением различных систем обучения с помощью современных информационных технологий, обеспечение структуры непрерывного образования.

В своей интерактивной лекции «Казахстан на пути к Обществу Знаний» Н.А. Назарбаев привел один из главных слоганов Гарвардского университета, который гласит: «Обучение в течение всей жизни, уже не альтернатива, а насущная необходимость». «В связи с этим, – обращаясь к студентам, – качественное образование, которое вы получаете, обратился Глава государства к студентам, является лишь стартовым интеллектуальным потенциалом. Вам нужно непрерывно работать над собой, повышать свое образование, профессиональную компетенцию» [6]. Этот призыв Главы государства должен стать аксиомой для всей молодежи Казахстана.

Таким образом, что в современных условиях модернизации системы образования в Казахстане опыт деятельности специализированных международных организаций представляет значительный интерес.

Одновременно исследование исторического опыта развития мирового образовательного процесса и участие в нем специализированных международных организаций является актуальным и необходимым для понимания сложных явлений современной эпохи.

В их деятельности среди широкого спектра гуманитарных, социальных и культурных проблем, формирования личности и защиты прав человека ведущее место занимают вопросы образования: ликвидация неграмотности, образование взрослых, создание национальных систем образования в независимых государствах, профессиональная подготовка и высшее образование в условиях научно-технологической революции и глобализации мировой экономики.

Важными источниками являются официальные документы ООН и ряда международных форумов универсального характера. Особое значение имеют официальные акты ЮНЕСКО и материалы конференций, проведенных по ее инициативе, в которых представлены данные о развитии образования: Всемирные доклады по образованию; Программы по реализации принятых конвенций; Доклады о выполнении принятых конвенций и рекомендаций; Мобилизационные проекты; Среднесрочные планы; Утвержденные Программы и бюджет на очередные два года; Международные обзоры грамотности; Международный проект по развитию технического и профессионального образования (ЮНЕВОК).

На основе анализа различных аспектов политики и деятельности специализированных международных организаций, в частности ЮНЕСКО, можно сделать вывод о том, что Организация с участием крупных специалистов в области образования разрабатывает принципы политики, нормотворческой базы и основные направления их реализации. При этом учитывает интересы регионов и отдельных стран, потребности различных категорий населения.

Отсюда следует, что образование в течение всей жизни стало постоянным и обязательным спутником развития человека, т.е. образование должно давать людям возможность жить в непрерывно изменяющемся мире.

Проблемы образования занимают центральное место в этой деятельности, как по объёму финансовых средств, так и по количеству, масштабности и географии проведённых мероприятий по инициативе и при активном участии этой Организации в области образования.

Для реализации политики и практических мероприятий ЮНЕСКО в области образования сформирована целая система международного сотрудничества в составе сектора образования, Центра документации и информации, Международного бюро просвещения (Женева), Института ЮНЕСКО по образованию (Гамбург), Международного института планирования образования (Париж) и т.д.

В этом направлении сложилась целая система взаимодействия структур системы ООН, государств-членов ЮНЕСКО на политическом, нормотворческом и практическом уровнях. При всей значимости политики, нормотворческой деятельности и практического сотрудничества ЮНЕСКО в области образования на многосторонней и двусторонней основе главная роль в реализации национальных программ в образовательной сфере принадлежит государствам-членам ЮНЕСКО.

Таким образом, образование играет исключительно важную роль в социально-экономическом и технологическом прогрессе, развитии человеческого потенциала, в том числе формирования интеллектуальной нации, прежде всего, в решении всеобщей грамотности, подготовке специалистов для будущего и формировании поколения людей в духе мира, взаимопонимания и толерантности.

Важным аспектом политики специализированных международных организаций в области образования является проблема коммерциализации образования.

В этих материалах обращается внимание на то, что ежегодно на образование в мире расходуется два триллиона долларов или 5% ВВП. Из этой суммы 20% приходится на частный сектор.

Одной из главных причин того, что во многих странах не только активно обсуждается проблемы образовательных учреждений, но и происходит процесс коммерциализации, являются серьёзные недостатки государственной системы образования, лучшее знание деловым сообществом потребностей рынка в специалистах определённого профиля.

Из этого верного посыла не всегда делается правильный вывод, т.е. внимание акцентируется не на усилении роли государства в области образования, увеличении финансовых и материальных средств на его развитие, а на расширении рыночных отношений в образовательной сфере.

В политике и практической деятельности специализированных учреждений ООН важное место занимает забота о кадрах образования – учителях школ, преподавателях высших и средних специальных

учреждений. Грядущий мир, в котором будут жить наши дети, в значительной степени зависит от того, какими мы их воспитаем. Учителям предстоит сыграть решающую роль в достижении цели, которая была одобрена международным сообществом в Джомтьене в 1990 г. и вновь подтверждена в Копенгагене в 1995 г. Эта цель состоит в том, чтобы сделать образование доступным для всех людей мужского и женского пола, где бы они ни жили, независимо от социально-экономических условий, расы или убеждений. Учителя являются выразителями наших надежд на то, что общество, в котором мы живём, станет более социально справедливым, более устойчивым, более мирным и терпимым.

Учителя и преподаватели в целом несут основную ответственность за образование и профессиональную подготовку, и в значительной степени на их плечах лежит ответственность за воспитание каждого нового поколения. По мере нашего ускоренного продвижения к основанной на знаниях экономике, учителям предстоит сыграть немаловажную роль в деле оказания помощи нашему обществу в решении задач, связанных с обеспечением непрерывного обучения и изменением возможностей в сфере занятости. Таким образом, преподаватели выступают главными партнёрами в формировании будущего общества всеобщего обучения и грамотности.

Одной из важных задач является не только подготовка высококвалифицированных специалистов, но и патриотическое воспитание молодежи.

Известный психолог Роберт Чалдини утверждает, что одним из психологических принципов формирования жизненных устремлений молодежи является принцип подражания. В связи с этим очень важным фактором становится влияние ярких личностей, которые играют роль маяков на жизненном пути взрослых граждан страны. Многие поколения воспитывались на примерах жизни известных людей.

Безусловно, таким примером для сегодняшних молодых казахстанцев является яркая личность Президента Нурсултана Назарбаева. Вся наша молодежь выросла в годы руководства Лидера Нации страной и воочию видела, как благодаря его политике Казахстан возродился из руин тоталитаризма и превратился в государство, уважаемое на мировой арене, имеющее современную политическую систему и экономику, развивающуюся столь динамично, что даже мировой кризис не смог серьезно затормозить этот процесс.

И такие личностные качества Лидера Нации, как четкое видение проблем и путей их решения на годы и десятилетия вперед, политическая воля и твердость духа, умение обязательно добиваться поставленных целей, забота о казахстанцах, активно привлекают мысли и действия многих молодых граждан. И очень важно, что личность нашего Президента является для молодежи ярким примером беззаветного служения своему Отечеству. Поэтому думаю, что далеко не случайно ежегодно растет количество молодых людей, желающих принять участие в восхождении на пик «Нурсултан» высотой 4376 метров.

Социологический опрос на тему: «Патриотические настроения молодых граждан Казахстана: оценки, тенденции, проблемы и перспективы» показали, что 69,2% молодых граждан считают себя истинными патриотами своей страны. Эти данные подтверждаются исследованиями украинского Института Горшенина, которые подтвердили, что уровень патриотизма студентов Казахстана (68,2%) выше, чем у студентов Украины (55,4%), России (66,5%) и Польши (61,9%).

Многие международные эксперты отмечают общемировую тенденцию снижения политической активности молодежи. К Казахстану это неприменимо. Подтверждение тому – самое активное участие молодежи в президентских и парламентских выборах. Молодые граждане Казахстана еще раз, и очень массово, продемонстрировали глубокое доверие и поддержку курса Главы государства.

1. *Monitoring Environment Progress. World Bank. WDC, 2004.*

2. *Казахстанская правда, 05.09.12 г.*

3. *Казахстанская правда от 10 июля 2012 г.*

4. *Стратегия развития автономной организации образования «Назарбаев интеллектуальные школы» до 2020 г., от 29.11.11 г.*

5. *Стратегия развития автономной организации образования «Назарбаев интеллектуальные школы» до 2020 г., от 29.11.11 г.*

6. *Казахстанская правда, 05.09.2012 г.*

Түйін

Бұл мақалада адам әлеуетінің дамуын реттейтін механизмдердің ұлттық және халықаралық аспектілері қарастырылады және осы үдеріске талдау жасалды.

Резюме

В данной статье рассматриваются национальные и международные аспекты регулирования механизмов развития человеческого потенциала и дается анализ этому процессу.

Summary

In this article are risen national and international aspects of the regulation mechanisms of human development and provides an analysis of the process.

УДК 327 (574)

НОВЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК НЕЗАВИСИМОГО КАЗАХСТАНА

Ж.К. Симтиков – *д.полит.н.*

В этом году вся страна впервые отмечает День Президента. Для нас, казахстанцев, это очень значимое событие. Дата 1 декабря символична. Именно в этот день в 1991 году состоялись первые в истории суверенной республики всенародные выборы Президента страны. И даже более того, этот день имеет значение и для международного сообщества. Мы можем уверенно утверждать так потому, что Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев внес большой вклад в региональную и глобальную безопасность, является авторитетной личностью для всего мира.

Накануне празднования Дня Первого Президента можно положительно вспомнить действия граждан США, которые в знак благодарности президенту Джорджу Вашингтону, много сделавшему для американской нации и оставшемуся в памяти народа, благодаря в том числе и строительству новой столицы США, объявили день его рождения общенациональным праздником. Каждый третий понедельник февраля в США празднуется «День Президентов» ([англ. Presidents' Day, Washington's Birthday](#) – «Президентский день», «День рождения [Вашингтона](#)»), посвященный должности [Президента Соединенных Штатов Америки](#). Традиционно праздник приурочен к дню рождения Джорджа Вашингтона. С 1880 года отмечался 22 февраля как день рождения [Джорджа Вашингтона](#) – героя [Войны за независимость](#) и первого президента Соединенных Штатов. Помимо этого, в большинстве штатов отмечалось 12 февраля – день рождения [Авраама Линкольна](#), который был президентом в период [Гражданской войны 1861-1865 гг.](#) В 1970-е годы [Конгресс](#) объявил об учреждении единого праздника в честь всех бывших президентов США. День президентов отмечается в третий понедельник февраля. Впрочем, во многих штатах этот праздник по-прежнему известен как день рождения Джорджа Вашингтона. В этот день в американских школах проходит урок посвященный истории Президентов Соединенных Штатов, особенно Вашингтону и Линкольна. На сегодняшний день этот праздник известен также как день распродаж.

Или другая страна – Япония, которая чтит своих правителей и древние традиции, отмечая день рождения императора Тенно Танджоби: 23 декабря объявлен национальным праздником японского народа.

Так же 14 мая – день рождения пятого Президента Исландии Олафура (Улафура) Рагнара Гримссона ([Ólafur Ragnar Grímsson, р. 1943](#)), праздник, который считается в стране флаг-днем (флаг-дни – праздники и памятные даты, в честь которых в установленных законодательством местах поднимается государственный флаг). Даже африканская Ботсвана третий понедельник июля посвящает своим президентам.

А у нас день Первого Президента характеризует важнейший этап государственной идентичности казахского народа. Ведь народ искренне гордится своим Президентом.

Президентская форма правления и практика двадцати лет независимости показала: она оказалась наиболее приемлемой для системы, которая была практически в разрушенном состоянии, и позволила определить основные векторы внутренней и внешней политики нашей страны. Первый президент Республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев является основателем нового независимого государства, обеспечившим единство Казахстана, защиту Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Глава государства выстроил четкую властную вертикаль, укрепил государственность, сформировал социально ориентированную рыночную экономику. Казахстанцы стали свидетелями тщательно выверенного плана масштабных экономических и политических преобразований. Сегодня наша страна находится в тройке самых быстрорастущих экономик мира. Если в начальный период независимости ВВП на душу населения составлял не более 700 долларов, то в текущем году этот показатель достигнет 12 600 долларов.

Как справедливо заметил известный английский ученый Джонатан Айткен в книге «Казахстан.

Сюрпризы и стереотипы»: «В кругах геополитических деятелей, мировых лидеров и международных экспертов Нурсултан Назарбаев – фигура каноническая». Уважение к нему принесли его международные инициативы, решительные действия во время бурных 90-х годов XX века и активная позиция по наиболее актуальным вопросам современности.

В годы, когда только распался Советский Союз, на вопрос журналистов: «Кого из руководителей этих молодых государств Вы считаете лидером, которому можно доверять?», американский президент Джордж Буш-старший, долго не раздумывая, ответил: «Это Назарбаев. Он способен предвидеть будущее». Известный политический деятель Ли Куан Ю отмечал: «Президент Назарбаев – восходящая звезда в советской политике, крупная фигура среди различных республик. 50-летний Лидер Казахстана – в меру жесткий, практичный, быстрый и решительный человек, обаятельный, талантливый и настойчивый, который признан Лидером и другими республиками Союза. Если Назарбаев будет у руля республики, у Казахстана будет значительно больше шансов на успех».

Именно в 90-е годы появился термин «феномен Назарбаева», означающий динамизм, стремление к реформам, уникальное сочетание прагматизма и высокой эффективности управления. «Феномен Назарбаева» – это стабильное развитие, межэтническое и межконфессиональное согласие, национальное единство. Приверженность этим базовым ценностям стала объединяющим фактором казахстанского социума, обеспечивающим общественную стабильность и благополучие, успешность реформ, реализацию национальных интересов в глобальной политике.

Сегодня можно с полным основанием утверждать, что за годы независимости Казахстан под руководством Президента Н.А. Назарбаева состоялся в качестве региональной державы и влиятельного фактора мировой политики, делающего акцент на многовекторность стратегических ориентиров с акцентом на европейские ценности при одновременном учете национальной специфики и многообразия его геополитического окружения.

Позиция Н.А. Назарбаева такова: «Замкнувшись в себе, невозможно овладеть всеми идеями и знаниями, накопленными в мире. Борьба только лишь за экономическую самодостаточность, защита ложно понятых национальных интересов оборачивается тяжелыми последствиями и может привести к фактической утрате государством своего реального суверенитета». Чтобы этого не произошло, Казахстану необходимо активное сотрудничество, нужна открытая, эффективная внешняя политика.

Такое понимание места Казахстана в мире позволяет Астане поступательно совершенствовать содержание казахстанской внешней политики, постоянно оптимизируя внешнеполитическую стратегию страны.

Казахстан является активным участником процесса реформирования институтов СНГ. Говоря о проблемах Содружества, казахстанский Президент неоднократно высказывал мнение о том, что в его составе со временем могут остаться одно или два межгосударственных объединения. Он считает, что создаваемые сегодня союзы, такие, как ЕЭП, Евразийское экономическое сообщество, «когда-нибудь придут в нормальное состояние». Тем самым конструктивная инициатива во внешнеполитической сфере очевидно остается за Президентом Казахстана, который своими инициативами придал новое качество идее евразийского взаимодействия.

Съезды лидеров мировых религий, подлинные межрелигиозные форумы, проводимые в Астане, стали фирменным внешнеполитическим брендом Казахстана и его столицы и выражением принципиально нового подхода к межрелигиозному диалогу в современном мире.

Президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев вывел отношения с Западом за рамки политических и экономических вопросов. Он нашел «болеву точку» всего западного общества – непонимание религиозной составляющей в отношениях Восток-Запад и неумение эту составляющую выстроить. Казахстан, будучи примером межэтнической и межрелигиозной гармонии, стал центром и проводником межрелигиозного диалога, на котором только и можно сегодня строить политические соглашения и договоренности с мусульманскими странами.

Благодаря вышеназванным факторам Казахстан сегодня – одна из наиболее перспективных и быстро набирающих силу стран, которая на глазах растет, приобретает необходимую устойчивость, иммунитет к кризисам и начинает эффективно влиять на политику, как Запада, так и мусульманского мира.

По своей внешнеполитической сути Казахстан является реальным мостом между Востоком и Западом. Имея часть территории в Европе, Казахстан может себя с полным правом называть европейским государством, как это делает Турция.

Отношения между Казахстаном, Россией и Европейским союзом обретают новое содержание и

качество. Особого внимания заслуживают в этой связи сотрудничество в энергетической сфере, проблемы визовой поддержки. Говоря об инициативах Казахстана, нельзя не упомянуть об идее энергетической безопасности и Евразийском пакте безопасности энергопоставок, предложенных Президентом Н.А. Назарбаевым с трибуны ООН.

По мнению многих авторитетных экспертов, Казахстану, России и странам Европейского союза необходимо выработать общие подходы в сфере безопасности, энергетики и транзита. В этом контексте следует особенно высоко оценить взвешенную политику Астаны по гармонизации отношений и налаживанию бесконфликтного сотрудничества в энергетической сфере между Казахстаном, Россией и странами ЕС.

Казахстан как один из учредителей Таможенного союза выводит тем самым свои экономические отношения с Европейским союзом на новый уровень. Теперь граница Беларуси с Европейским союзом становится внешней экономической границей Казахстана.

За годы своей независимости Казахстан стал одним из признанных лидеров евразийского пространства. Современным динамичным государством, которое достойно противостоит глобальным вызовам, эффективно опирается на уже достигнутые результаты и способно продвигаться на качественно новые позиции.

С полным основанием можно утверждать, что доказавшая свою эффективность стратегия Казахстана во внешнеполитической сфере сохранит свое позитивное содержание. По существу сложившемуся курсу Президента Н.А. Назарбаева на многовекторность и многосторонний формат взаимоотношений объективно нет альтернативы.

Следует подчеркнуть особо - успешная реализация внутренней и внешней политики страны по всем ее векторам и форматам является несомненной заслугой выдающегося политического деятеля – Первого Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева.

Прямым результатом признанного в мире «казахстанского пути» стал высокий международный авторитет Казахстана. Глобальные антиядерные инициативы, созыв Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, проведение съездов лидеров мировых и традиционных религий, председательство Казахстана в 2010 году в ОБСЕ и ОИК в 2011 году нашли широкую поддержку мирового сообщества. Еще одним подтверждением высокого международного авторитета нашей страны стала победа казахстанской заявки на проведение Международной специализированной выставки «ЭКСПО-2017» в Астане. Все это – свидетельства реальных успехов казахстанской внешней политики, формируемой под руководством общенационального лидера Нурсултана Назарбаева.

Встречая в этом году впервые День Президента, мы должны в полной мере отдать должное внешнеполитической стратегии Лидера нации. Ведь именно она является опорой для устойчивого национального развития Казахстана в глобальном мире XXI века.

Түйін

Бұл мақалада автор тәуелсіз Қазақстанның жаңа мейрамы – Тұңғыш Президент күнін енгізудің маңыздылығы мен ролін көрсетеді.

Резюме

В данной статье автор показывает значимость и роль введения нового государственного праздника независимого Казахстана – дня Первого Президента.

Summary

The author shows the importance and the role of the introduction of a new public holiday, the date of the independent Kazakhstan First President.

COMMERCIAL DIPLOMACY IN ACTION TO ENSURE A MICRO-STATE'S INTERNATIONAL COMPETITIVENESS DURING YEARS OF ECONOMIC AND POLITICAL TURMOIL: THE CASE OF ANDORRA

*Professor Víctor Pou – Universitat Internacional de Catalunya (UIC),
IESE Business School, University of Navarra, Spain,*

In cooperation with Professor David Tanganelli – Universitat Internacional de Catalunya (UIC)

Abstract:

This case study discusses the Andorran Government's diplomatic response to ensure the country's international competitiveness and continuity in the European regional economic bloc throughout the recent financial crisis imperatives and external threats that led to their immediate economic and political environment after 2009. After a short revision of the commercial diplomacy literature, we briefly describe the characteristics of micro-states, particularly of Andorra. This section is followed by an explanation of the extremely critical situation in Andorra in 2009. We have analyzed the country's diplomatic and governmental responses. During the two years following 2009, Andorra saw an unprecedented acceleration of international policy signing, which included over 18 bilateral agreements to exchange tax information. These agreements ensured Andorra's ability to maintain its position in the international economic arena as well as its most important commodity, full sovereignty as a normalized country. Simultaneously, Andorra substantially changed its internal tax structure and has prepared future negotiations with the European Union to join in the coming years the European Economic Area. All these actions were adopted in the face of threats and unprecedented international pressures from neighboring countries and international organizations.

Keywords: Micro-states; Andorra; Commercial Diplomacy; Government; Diplomacy; Tax Information Exchange Agreements; European Economic Area (EEA); Tax Havens; International Trade and Investment.

Introduction.

In this case study, we analyze the response of Andorra, a European micro-state, to serious threats from an adverse economic and external political environment between 2009 and 2011. During these years, the full inclusion of Andorra in the European and global international trade framework was seriously threatened. This paper is a case study on economic diplomacy. In particular, it discusses Andorra's governmental and diplomatic responses to ensure the country's international competitiveness and its continuity in the European economic region throughout strong financial crisis imperatives and serious external political threats that led to its immediate economic and political environment after 2009. As Wolfe (1998) states, governments work to remove political impediments to increase trade, and they try to improve the general tenor of transnational commercial relations. The case of Andorra shows how economic diplomacy takes prominence when acceleration in globalization and the emergence of new items on the trade and financial agenda are not accompanied by yet agreed upon rules. New opportunities abound, but so do threats. In a precarious and highly competitive international economic environment, firms turn to their governments for support (Coolsaet, 2004). As we show in this case study, commercial diplomacy is defined as the application of the tools of diplomacy to remove barriers to trade and investment and to resolve policy conflicts arising from the globalization of the world economy (Procassini, 2000).

The methodology used to elaborate this case is based on interviews of key players involved in the process, including the Andorran Prime Minister, Andorran cabinet members, Andorran economic and business leaders and spokespersons for Andorran and international private and public associations. We also used several media declarations, official press notes and news excerpts from specialized press. Some studies have employed similar methodology (Miller, 2009). We organize the paper in six parts. First, we define commercial diplomacy and present a brief review of the literature on commercial diplomacy. Second, we reveal some key aspects of micro-states, Andorra in particular. Third, we present the context of the Andorran crisis in late 2008. The two sections that follow are the central part of this case study, detailing the economic and political environment in Andorra 2009 and the diplomatic and governmental responses. Finally, we present the conclusions and limitations of the study.

Commercial diplomacy: a brief literature review.

Commercial diplomacy plays a significant role in global trade, investment and research and development activities (Kostecki and Naray, 2007). There are different approaches to defining the concept of commercial diplomacy in the literature. Some look at economic diplomacy from a macro level and others view economic diplomacy from a micro level (Koop, 2004). Saner and Yiu (2003) consider commercial diplomacy to be part of economic diplomacy, which is concerned with economic policy issues (macro level). Potter (2004) states that commercial and economic diplomacy are highly complementary but are not the same. Commercial diplomacy is the work of diplomatic agents in support of a country's business and finance sectors, including the promotion of inward and outward investment, as well as trade (Berridge and James, 2001). Lee (2004) defines commercial diplomacy as "the work of a network of public and private actors who manage commercial relations using diplomatic channels and processes". Mercier (2007) considers commercial diplomacy to be "the art and science of helping a country's enterprises trade abroad and convincing foreigners of the advantages of investing in the home country. This task is usually pursued through a network of public and private actors that include governmental staff, business leaders, chambers of commerce and other associations". Naray (2008) asserts that commercial diplomacy is an activity conducted by state representatives with diplomatic status to promote business between home and host countries. Commercial diplomacy aims to encourage business development through a series of business promotion and facilitation activities. Commercial diplomacy is a governmental service to the business community, aiming to develop socially beneficial international business ventures. The term covers two different types of activities: (i) activities relating to trade policy making and (ii) business-support activities (Curzon, 1965; Saner and Yiu, 2003). Kostecki and Naray (2007) state that, "commercial diplomacy is commonly employed in the literature to describe business support functions performed by the members of diplomatic missions, their staff and the related agencies". They argue that the alternative term "business diplomacy" is ambiguous because it often refers to corporate activities that are widely known as public relations, public affairs or corporative-government affairs. We support the Kostecki and Naray (2007) definition of commercial diplomacy.

Some studies in the literature have considered commercial diplomacy mainly in the context of export promotion (Seringshaus, 1986; Seringshaus and Roson, 1990, 1991; Kotabe and Czinkota 1992; Rose 2005) and commercial issues (Rana, 2000; Koop, 2004). Mercier (2007) analyzes the structure and processes of commercial diplomacy. Several works also include reviews of the status and primary functions of commercial diplomacy (Carron de la Carrière, 1998; Rana, 2001; Saner and Yiu, 2003; Koop, 2004; and Rose 2005). Particularly, Rana (2001) and Rose (2005) show the tendency of diplomatic missions to undertake more technical and specialized business-assistant functions. Kostecki (2005) confirms the activities of diplomatic staff related to searching for investment partners, promoting investments, transferring technology and promoting trade. Other studies concentrate on the role of commercial diplomacy in international business and its managerial implications (Stopford and Strange, 1991; Carnoy, 1993; Saner, Yiu, and Sondergaard, 2000; Kostecki and Naray, 2007; and Miller, 2009). Finally, several commercial diplomacy studies refer only to particular foreign services: a French study (Commissariat du Plan, 1994); a paper analyzing the role of commercial diplomats of the United States of America in Asia (Garten, Zoellick, and Shinn, 1998); a Canadian work (Potter, 2004); a United Kingdom study (Lee 2004); a Belgian case (Coolsaet, 2004); a paper analyzing the economic diplomacy in India (Rana, 2004); a paper comparing the contemporary commercial diplomatic structures, processes and practices of Canada, the United Kingdom and the United States of America (Mercier, 2007); and a case study of the United States of America discussing the role of several technology corporations in aiding internet-based censorship in China (Miller, 2009).

Micro-states and the Principality of Andorra.

General characteristics of micro-states.

There is no commonly accepted definition in the literature regarding what constitutes a small state or micro-state (Armstrong and Read, 1998; Dózsa, 2008). Moreover, there is no clear consensus on whether population, geographical area, level of economic activity (e.g., GNP) or some other variable should be used to distinguish micro-states from other states (Armstrong and Read, 2000). Some studies characterize micro-states as countries with a population of less than one million (Ovum and Indepen, 2005). Other studies use a higher threshold, a population of three million (Armstrong and Read, 2003). Some studies have favored different conceptualizations (Crowards 2002 reviews others contributions). Recently, an analysis defined micro-states as countries with a population of less than two million (Endegnanew, Amo-Yartey, and Turner-Jones, 2012). In addition to population, there appears to be a wide consensus in the literature that very small size is what defines a country as a

micro-state. According to Armstrong and Read (1998), small economies possess several key characteristics that affect their economic performance: extremely small domestic market size, limited resource base, narrowness of output and exports, openness to trade, high transport costs and lumpiness of investment, vulnerability, strong social cohesion, identity and social capital. We define micro-states as countries that possess these characteristics and that have an average population of less than one million. We combine this definition with the definitions of Armstrong and Read (1998) and Ovum and Indepen (2005). Finally, it is important to stress the long-standing recognition that these states face formidable challenges. Their small size and high degree of openness make them particularly vulnerable to various external forces (Armstrong and Read, 2000). The political and strategic vulnerability of micro-states has been recognized in several studies (Harden, 1985; Hintjens and Newit, 1992 among others).

The Principality of Andorra.

In the context of the European Union (EU), the Principality of Andorra belongs to a specific category of European micro-states along with Monaco, San Marino and Liechtenstein. All of these micro-states constitute a specific group, not only because of their size and population, but also because their peculiar legal and economic structures with which they have been able to take advantage of their extremely small size (Dózsa, 2008). All these aspects allow these European micro-states to develop very flexible financial and commercial regulations, acting as tax heaven countries and attracting large amounts of foreign capital. The main commodity that they have been trading is what they have obtained and had been trying to maintain: their sovereignty (Cooley, 2003). Andorra, Monaco, San Marino and Liechtenstein have strong links with the EU but remain formally outside it. At the bilateral level, these European micro-states have been successful in achieving several asymmetric and non-reciprocal trade concessions from larger countries and regional trade blocs, outside the regulatory framework of international trade. The EU has been particularly generous with these bilateral concessions to European micro-states. The relationship of the EU with these European micro-states reveals the factors that have been taken into account in their bilateral relations. These have not only been size but also the unique historical contexts.

Andorra is located in the southwestern part of Europe on a rocky land area, the Pyrenees Mountains, between the northeast of Spain and the northwest of France. Andorra has an area of 468 square kilometers and had roughly 78,000 inhabitants in 2011, of which 33,500 (43%) had Andorran nationality. The other three large groups are Spaniards (28%), Portuguese (15%) and French (5%). The official language of Andorra is Catalan, which is spoken by approximately seven million people. It is also the co-official language of Catalonia, a rich, autonomous territory located in the northeastern of Spain. The GDP per capita of Andorra was estimated in 2011 to be 37,200 US dollars. The economy of Andorra is strongly export oriented, and the main industries are services: banking and tourism (particularly skiing) account for over 80% of Andorra's gross domestic product. There are also other important industries such as furniture manufacturing, cattle production, and tobacco farming. Andorra's official currency is the euro, following a common practice of micro-states to adopt the currency of a larger neighboring state. From 1278 to 1993, Andorrans lived under a unique co-principality ruled by French and Spanish leaders. From 1607 onward, it was ruled by the French chief of state and the Spanish Bishop of the city of Seu d'Urgell. By 1993, this system changed into a parliamentary democracy, with a democratically elected Prime Minister. The co-titularity of the two co-princes as Heads of State, however, remained.

For decades, Andorra enjoyed status as a tax heaven. It was a small refuge of fiscal and banking freedom and benefitted from Spanish and French tourists who were attracted to the country's duty-free shopping. The absence of direct taxes in the Principality of Andorra provided a strong incentive for individuals and companies to establish themselves in the country and attempt to evade corporate, personal income and other direct taxes. For these reasons, Andorra was included on the Organization for Economic Cooperation and Development's [1] (OECD) list of uncooperative tax heavens. After some EU pressure, an agreement on the taxation of saving interest income was signed between the European Union and Andorra in 2004. Nonetheless, the procedure for the exchange of information could be avoided by sacrificing a percentage of the interest by paying a withholding tax. Thus, the problem of tax evasion remained. This situation changed in 2010 when Andorra started to tax foreign investment, changed its legal framework in order to abandon the status of tax heaven and introduced both a new internal tax scheme and a battery of new international bilateral agreements to effectively exchange tax information. How did Andorra reach this new policy position? Why did it decide to enact all these reforms?

The international economic environment at the moment of the case study: globalization, the economic and financial crisis and Andorra's competitiveness.

The last few decades have experienced increasing globalization of markets, integration regional economies and expansion of international business. In this context, a country's international agreements, commercial or economic activity and degree of integration into a consolidated economic region are all key factors in determining the country's international competitiveness, particularly for micro-states. Each trade and investment agreement can change the terms and conditions under which local and foreign managers make their trade and investment decisions. A firm's international strategy is determined on not only a country level but also the global level. As intermediaries between local and global factors, regional considerations play an important role (Arregle, Beamish, and Hébert, 2009). Trade and investment agreements expand the scope of the market and may enhance efficiency through economies of scale and the transfer of technologies and managerial skills that accompany international investment. Managers may face new business opportunities, so these agreements and their maintenance are essential for both business and country competitiveness. Because of their small size, few resources and other peculiarities, micro-states should consider some important factors to their survival, such as being fully integrated into the globalization of markets and being attractive to international business as well as sharing the benefits of regional trade agreements while maintaining their character. Several studies confirm the role of geographic regions in explaining the location of business (Ghemawat, 2003; Buckley and Ghauri, 2004; Rugman and Verbeke, 2007; and Casas and Tanganelli, 2010).

Recently, the financial and economic crisis has posed serious problems for European countries. A government's role in responding to and managing these problems is crucial. A government's role is particularly important for micro-states because of their peculiar legal and economic structures that they are able to capitalize on because of their extremely small size. Conversely, their small size makes their sovereignty and survival vulnerable. The actions and measures taken by governments in these areas always require a previous and subsequent diplomatic task. Diplomacy has always been interconnected with trade and international business. By 2008 and the beginning of 2009, the economic and financial crisis was at a high point in the USA and Europe. High-level international discussions about the reform of key aspects of the financial markets were taking place.

Andorra enjoyed a privileged international status until 2008. First, the small independent country was a tax heaven and a refuge for fiscal and banking freedom. Because of the absence of direct taxes, individuals and firms had strong incentives to establish themselves in Andorra and evade taxes on personal and corporate income. Second, Andorra had a special status in the European economic bloc. Their position with the European Union had been attained gradually through many steps (Pou, 2010). The first was the 1990 agreement between the European Union (at that time European Economic Community or EEC) and Andorra. It was a customs union for industrial products. The agreement also mentioned that Andorra's agricultural products could be exported free from import duties into the EEC but not the contrary. This asymmetrical agreement was justified by the exceptional situation of Andorra. In 2005, two more agreements were approved. The first set out several areas of cooperation between the parties: environment, communication, information and culture, education, social and health issues, trans-European networks, transport and regional policy. The second agreement was related to the taxation of saving income in the form of interest payments. Nevertheless, considerable shortcomings and loopholes of the agreement made it easy to avoid the procedure of exchanging information. Finally, a third phase involved establishing preliminary works in order to sign a monetary agreement. Several technical meetings took place in 2008 in order to analyze the adaptability of Andorran financial laws to European directives. At the beginning of 2009, the negotiations between Andorra and the EU were opened and followed the same technical analysis of adaptability of norms but went very quickly.

In summary, the situation of Andorra at the beginning of 2009 was that of a small country that enjoyed many of the benefits of being a micro-state, including special and unique links with the European Union that allowed it to share its large market in asymmetric form and a lack of direct taxes that provided strong incentives for individuals and corporations to establish themselves and attempt to evade those taxes. For this reason, Andorra was considered a tax heaven country and was included in the OECD's grey list of uncooperative countries.

The Case Study: overview of facts.

On February 5th, 2009, an unprecedented crisis occurred in the Andorran state: President Nicolas Sarkozy, co-Prince of Andorra and Head of State, warned that he may resign from his post if the country failed to meet a level of fiscal transparency comparable to other modern states. This strong message was a trigger for the events that took place in the next two years that affected the national and international politics of Andorra (Pou, 2012).

Eight days later, on February 13th, Sarkozy sent his high personal representative, Christian Frémont, to Andorra to strengthen his stern warning and give a very clear and alarming message. Gordon Brown, the British Prime Minister, joined the call for strong action against tax havens. His hopes were that the next G20 [2] meeting, scheduled for April 1-2 in London, would take action in this area, including sanctions. The Andorran Prime Minister, Jaume Bartomeu, later would evaluate the visit of Sarkozy's personal envoy, Christian Frémont, as a really very hard. In addition, on February 25, 2009, the High Level Group on financial supervision in the European Union published a report stating that the international community should deal with countries that do not cooperate in the exchange of information and should implement measures to prohibit financial institutions from doing business with entities in those jurisdictions. This report was another international alarm that could not be ignored.

In summary, in February 2009, a serious institutional crisis and international threat had begun to loom in Andorra.

The Case Study: Analysis of Andorra's response and sizeable and swift diplomatic and governmental action.

Immediately after Frémont's visit, on February 14th, the Prime Minister of Andorra, Albert Pintat, made an announcement declaring that his government would speed up tax reforms in order to make further bilateral double taxation agreements with exchanges of information up to par with OECD standards. Three days later, Albert Pintat announced that he would not run for reelection in April. He decided to focus his time and efforts on preparing for the removal of Andorra from the list of tax havens. He also sought to avoid punitive measures on Andorra at the next G20 summit in April for being a non-cooperating tax haven country.

On March 10th, 2009, just one month after Sarkozy's warning, the Andorran Prime Minister traveled to Paris to sign a unilateral declaration. He did this in the presence of Christian Frémont, personal representative of the French co-prince; Yohann Bénard, the tax advisor of the French Prime Minister Francois Fillion; and Meritxell Mateu, the minister of foreign affairs of Andorra. The Government of Andorra agreed to pass a bill that would lift banking secrecy in cases where the exchange of information within the framework of previous bilateral tax information exchange is carried out with other countries. This bill was to be passed before November 15th, 2009. Simultaneously, other countries such as Singapore, Hong Kong, Austria and Luxembourg took similar measures on fiscal transparency, cooperation and the exchange of tax information. The Secretary General of the OECD, Angel Gurría, said that, "all these advertisements mean a fundamental change and an important moment in the history of international tax cooperation".

The G20 summit on April 1-2, 2009, in London included in its final resolution the agreement to take action against uncooperative authorities, including action against tax havens and the application of sanctions if necessary [3]. The era of banking secrecy was over. Andorra was able to avoid great consequences because of its quick reaction. However, it was not able to avoid being included in a gray list of tax havens compiled by the G20.

Andorran parliamentary elections were held in April 2009. Because the Prime Minister resigned, the new chief executive was social democrat Jaume Bartomeu. In his inaugural address, he announced as his top priority a plan to move toward full financial transparency and fulfill all the commitments made to the OECD by the previous government. He proposed to meet European and international standards. Andorra was not left out of the economic recovery and could continue to provide new opportunities for entrepreneurs and professionals in the country.

A few months later, on September 7, 2009, a law was passed authorizing the exchange of tax information upon request. This law met the criteria demanded by the OECD and would allow for the signing of international agreements to exchange information. Andorra was beginning to make clear its wish to maintain normal relations with its European neighbors. In the words of Andorra's Prime Minister, Jaume Bartomeu, the country was looking for a "positive relationship with Europe".

Between September 2009 and February 2010, the Andorran government signed six bilateral tax information exchange agreements (TIEA). These agreements were first signed with Spain, France and Portugal. These three agreements were called quality agreements by the OECD Secretary-General because they were three states with which Andorra had an important economic and financial relationship. Andorra also signed agreements with Austria, Belgium, Netherlands, Denmark, Sweden, Finland, Norway, Iceland, Liechtenstein, San Marino, Monaco, Argentina, Faroe Islands and Greenland. Andorra signed five of these international agreements in one week in September.

The external political pressures remained high, however. On January 19, 2010, the OECD published a paper

stating that because of the economic crisis, the expectations of global public opinion were high, and the tolerance for non-compliance in matters of transparency, information exchange and combating tax evasion was zero; the institution had to do its job correctly (OECD, 2010).

As a result of quick political and diplomatic action, by February 2010, Andorra had signed the twelve TIEA agreements required to meet the OECD criteria. On February 25, 2010, the OECD finally excluded Andorra from the gray list of tax havens created at the G20 London Summit during the previous April 2009. The OECD now ranks Andorra on the white list, which contains all the states that have substantially implemented the internationally agreed upon tax standards. The Prime Minister of Andorra declared that the country had left its place of exceptionality and moved toward positive normality.

In July 2010, the co-Prince of Andorra and co-Head of Andorra's State, Nicolas Sarkozy, visited Andorra. He congratulated the government for sticking to its goals of fiscal transparency and offered to help the Principality find a new place in the European Union. Sarkozy acknowledged that being removed from the OECD gray list gave more international credibility to Andorra. He also recognized the substantial undertaking that the country took to stop being a tax haven. "I respect your Constitution, but I want to see Andorra assume their full responsibilities, which includes membership in the international community." These words were corroborated in the following months. In November, Andorra signed a TIEA with Germany and held advanced negotiations on this topic with the United States, Britain, Australia, Italy, Poland and Czech Republic.

The external threat from Sarkozy in February 2009 had not only international political consequences, as evident in the signing of the eighteen TIEAs in a few weeks, but also significant internal consequences. We have highlighted the failure of Prime Minister Albert Pintat to run for reelection and the change of the government of his political party in the April 2009 elections. The winner was the social democrat Jaume Bartomeu. Additionally, two more events took place: first, the profound, radical and unpopular internal tax reform of Andorra and, second, the fall of the new social democrat government, in the middle of its term. These events led to new elections by February 2011 and a new political party running the government. Antoni Martí was appointed as new Prime Minister. It was a time of dramatic change for Andorra.

Certainly, tax reform has been pending for decades in Andorra. On December 29, 2010, three crucial laws confirmed Andorra's desire to work transparently and harmoniously: the income tax for nonfiscal residents, the corporate tax and the income tax on economic activities. A valued added tax (VAT) is still pending. In February 2011, the president of the Business Confederation of Andorra declared that, "tax reform is the road to full normalization and the completion of the connection with Europe, but all we are doing is incomplete without the VAT". In 2010, the Andorran Banking Association recognized that the government remained willing to make Andorra a country with tax arrangements comparable to those of European Union and OECD states.

In the summer of 2010, Andorra worked on the VAT law thoroughly. In October 2010, the Prime Minister, Jaume Bartomeu, said that the government will pursue the necessary legislative changes to corporate benefits and economic activities taxes that take effect January 1, 2012. The casting of all indirect taxes in a single VAT will enter into force on January 1, 2013. Moreover, he announced that the ministry of finance should prepare a bill to introduce a tax on the income of individuals, which would take effect during the current term. However, politics progresses at its own pace. Given the hurdles to passing the VAT law and the general budget of the current and past year due to lack of an absolute majority, on February 16, 2011, the chief of the executive, Jaume Bartomeu, dissolved the parliament and called early general elections for April 3, 2011. A coalition of liberal and reformist parties won the elections by a large majority, 20 out of 28 seats. The social democrats only received 6 seats, compared to the 14 they had received previously. The new executive is the third executive since the threat from Sarkozy in February of 2009.

Finally, to end these two years of convulsion and feverish international activity, Andorra signed a Monetary Agreement with the European Union on June 30, 2010, culminating a long process that began in 2002 (Pou, 2010). Andorra was the only country using the euro as its official currency without having previously established a monetary agreement with the European Union. The acceleration of the agreement took place in November 2010 when Andorra received a threatening letter from the European Union's Economic Affairs Commissioner, Oli Rhen. The letter stated that if no progress was made on the monetary agreement, it must be relinquished.

Again, an external stimulus facilitated Andorra's progress. Since the letter was received, various technical meetings were held until the signing of the final text of the imminent agreement on February 2011, two months before the new Andorra general elections. The agreement includes an annex with fifty European provisions to be incorporated into the legal body of Andorra within a time period of between eighteen months and six years after its entry into force. These provisions fall into five areas: prevention of money laundering, fraud and forgery

prevention, banking and financial legislation, statistical information topics, and the adherence of Andorra to the multilateral agreement of International Organization of Securities Commissions (IOSCO) on the consultation, cooperation and information exchange. The agreement was formally signed in Brussels on June 30, 2011. After this agreement, economic relations could be reformulated with the member states of the European Union. Despite being primarily concerned with banking, the agreement is a good first step to accessing the internal market of the European Union and will open up new avenues and opportunities for Andorra.

Main contributions and lessons learned for governance, conclusions and limitations of the study.

This case study provides several contributions. First, it studies the action of commercial diplomacy in the context of micro-state or very small states. Andorra, having less than 80,000 people, belongs to this subcategory of very small states. We contribute to the literature by showing how a micro-state managed its commercial diplomacy to overcome a threat to its existence. Second, this case study provides insights for practitioners and academics on how diplomatic agents, policy makers and business leaders interact together to solve critical international crises with strong economic and political consequences. Economic diplomacy, both at macroeconomic and microeconomic levels, plays a key role, not only for Andorran firms, but also for the competitiveness and sovereignty of the country. Third, the paper shows us the importance for a micro-state to act very quickly in the international arena in order to solve an unprecedented international economic and political crisis and to vigorously maintain (following Dózsa, 2008) their main commodity: their sovereignty.

In summary, this paper analyzes the diplomatic and governmental response of Andorra in the midst of unprecedented threats by other countries and an international financial crisis. Andorra's response was to quickly adopt several international and bilateral treaties, pass exceptional internal tax laws, prepare an open environment to international investment and begin the process of joining the EU market. The case demonstrates that because of the complexity of trade (and financial) policy agendas and the expansion of globalization, foreign ministers are actually key actors as gatekeepers and coordinators in the management of their countries' international economic, commercial and (financial) relations (Potter, 2004). We have added the term "financial" in Potter's statement. In addition, the case study shows us the high political cost for Andorra to conduct this enormous political effort: three different governments in the period of two years. The case shows the importance of swift action to create an effective and credible international response and save a country from a serious international threat. Such a response may ensure that a micro-state, such as Andorra, continues to participate in international trade, finance and investment as a sovereign, first-order country. Moreover, Andorra remained within the sphere of the European economic region and maintained certain peculiarities that make it an attractive country for receiving foreign investment and international business opportunities. That supports the conclusion of Armstrong and Read (1998) regarding the importance of the constituent region for small countries.

This paper has several limitations. The most important limitation concerns the methodology. We primarily used interviews of the key protagonists, most of whom were politicians, and used several media declarations and official press notes. These methods make present some political bias. The second limitation concerns the high level of specificity of the analysis: the case shows us how some government members of one micro-state acted in one specific moment to solve one particular international problem. It would be difficult to generalize Andorra's response in formulating guidelines for other countries if they were not micro-states.

1. Armstrong, H.W. and Read, R. (1998) 'Trade and Growth in Small States: The Impact of Global Trade Liberalisation', *The World Economy*, Vol. 21 No. 4, – pp. 563-585.

2. Armstrong, H.W. and Read, R. (2000) 'Comparing the Economic Performance of Dependent Territories and Sovereign Microstates', *Economic Development and Cultural Change*, Vol. 48 No. 2, – pp. 285-306.

3. Armstrong, H.W. and Read, R. (2003) 'Small states, Islands and Small states that are also Islands', *Studies in Regional Science*, Vol. 33 No. 1, – pp. 237-260.

4. Arregle, J-L, Beamish, P.W. and Hébert, L. (2009) 'The regional dimension of MNEs' foreign subsidiary localization', *Journal of International Business Studies*, Vol. 40 No. 1, – pp. 86-107.

5. Berridge, G.R. and James, A. (2001) *A Dictionary of Diplomacy*, Palgrave, Basigstoke.

6. Buckley, P.J. and Ghauri, P.N. (2004) 'Globalization, economic geography and the strategy of multinational enterprises', *Journal of International Business Studies*, Vol. 35 No. 2, – pp. 81-98.

7. Carnoy, M. (1993) 'Multinationals in changing world economy: whither the nation state?', in Carnoy, M., Castells, N., Cohen, S. and Cardoso, F.H (Eds.), *The New Global Economy in the Information Age: Reflections in our Changing World*, – The Pennsylvania State University Press, University Park.

8. Carron de la Carrière, G. (1998) *La Diplomatie Économique: le Diplomate et le Marché*, Economica, – Paris.

9. Casas, J.B. and Tanganelli, D. (2010) 'La globalización como motor de procesos de regionalización económica: el caso de la Euroregión del Arco del Mediterráneo (EURAM)', in Tanganelli, D. (Ed.), *Globalización y Procesos de Internacionalización*, Thomson Civitas, – Pamplona, – pp. 181-209.
10. Commissariat du Plan. (1994) *Rapport du Groupe Intelligence Économique et Stratégie des Entreprises*, La Documentation Française, – Paris.
11. Cooley, A. (2003) 'Thinking Rationally about Hierarchy and Global Governance', *Review of International Political Economy*, Vol. 10 No. 4, – pp. 672-684.
12. Coolsaet, R. (2004) 'Trade and Diplomacy: The Belgian case', *International Studies Perspectives*, Vol. 5 No. 1, – pp. 61-65.
13. Crowards, T. (2002) 'Defining the category of small states', *Journal of International Development*, Vol. 14 No. 2, – pp. 143-179.
14. Curzon, G. (1965) *Multilateral Commercial Diplomacy*, Michael Joseph, – London.
15. Dózsa, D. (2008) 'EU Relations with European Micro-Sates. Happily Ever After?', *European Law Journal*, Vol. 14 No. 1, – pp. 93-104.
16. Endegnanew, Y., Amo-Yartey, C. and Turner-Jones, T. (2012) *Fiscal Policy and the current account: are microstates different?. IMF Working Paper*, International Monetary Fund, – Washington.
17. Garten, J., Zoellick, R. and Shinn, J. (1998) *Riding the tigers: American commercial diplomacy in Asia*, Council on Foreign Relations, – New York.
18. Ghemawat, P. (2003) 'Semiglobalization and international business strategy', *Journal of International Business Studies*, Vol. 34 No. 2, – pp. 138-152.
19. Harden, S. (1985) *Small is Dangerous: Micro states in a Macro World*, Pinter, – London.
20. Hintjens H.M. and Newitt M.D. (1992) *The Political Economy of Small Tropical Islands: The Importance of Being Small*, – University of Exeter Press, Exeter.
21. Koop, H.W. (2004) *Commercial Diplomacy and the National Interest*, American Academy of Diplomacy and the Business Council for International Understanding, – Washington.
22. KostECKI, M. (2005) *Business Advocacy in the global Trading System: How business Organizations may shape trade policy*, ITC, – Geneva.
23. KostECKI, M. and Naray, O. (2007) *Commercial Diplomacy and International Business*, Discussion Papers in Diplomacy, Clingendael Institute, The Hague.
24. Kotabe, M. and Czinkota, M.R. (1992) 'State government promotion of manufacturing exports: a gap analysis', *Journal of International Business Studies*, Vol. 23 No. 4, – pp. 637-658.
25. Lee, D. (2004) 'The growing Influence of Business in U.K. Diplomacy', *International Studies Perspective*, Vol. 5 No. 1, – pp. 50-54.
26. Mercier, A. (2007) 'Commercial diplomacy in advanced industrial states: Canada, the UK and the US', *Discussion Papers in Diplomacy*, Clingendael Institute, The Hague.
27. Miller, J. (2009) 'Soft power and state-Firm diplomacy: Congress and IT Corporate Activity in Chin', *International Studies Perspectives*, Vol. 10 No. 3, – pp.285-302.
28. Naray, O. (2008) 'Commercial diplomacy: a conceptual overview'. 7th World Conference of TPOs, The Hague.
29. OECD. (2010) *Promoting Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes*. (online)
<http://www.oecd.org/dataoecd/26/28/44431965.pdf>
30. Oven and Indepen. (2005) *Applying the EU Regulatory Framework in Microstates: a report to the CYTA, EPT and Maltacom*, report elaborated jointly by Oven and Indepen consultancy firms.
31. Potter, E.H. (2004) 'Branding Canada: The Renaissance of Canada's Commercial Diplomacy', *International Studies Perspectives*, Vol. 5 No. 1, – pp. 55-60.
32. Pou, V. (2010) 'Procesos de integración económica: el caso del acercamiento gradual de un estado de pequeña dimensión territorial -Andorra- a la Unión Europea', in Tanganelli, D. (Ed.), *Globalización y Procesos de Internacionalización*, Thomson Civitas, Pamplona, – pp. 147-180.
33. Pou, V. (2012) *Andorra-Unió Europea, Crèdit Andorrà, Andorra la Vella*.
34. Procassini, A.A. (2000) *Creating Case studies in Commercial Diplomacy*. Institute for Trade and Commercial Diplomacy. (online)
http://www.commercialdiplomacy.org/manuals/manual_casestudies.htm
35. Rana, K.S. (2000) *Inside Diplomacy*, Manas Publications, – New Delhi.
36. Rana, K.S. (2001) *Bilateral Diplomacy*, Diplohandbooks, – Geneva.
37. Rana, K.S. (2004) 'Economic Diplomacy in India: a Practitioner Perspective', *International Studies*

Perspectives Vol. 5 No. 1, – pp. 66-70.

38. Rose, A.K. (2005) *The Foreign Service and Foreign Trade: Embassies as Export Promotion, Working Paper, National Bureau of Economic Research, – Cambridge.*

39. Rugman, A.M. and Verbeke, A. (2007) 'Liabilities of regional foreignness and the use of firm-level versus country-level data: a response to Dunning et al.', *Journal of International Business Studies, Vol. 38 No. 1, – pp. 200-205.*

40. Saner, R. and Yiu, L. (2003) 'International Economic Diplomacy: Mutations in Post-modern Times', *Discussion Papers in Diplomacy, Clingendael Institute, The Hague.*

41. Saner, R., Yiu, L. and Sondergaard, M. (2000) 'Business diplomacy management: a core competency for global companies', *Academy of Management Executive, Vol. 14 No.1, – pp. 80-92.*

42. Seringhaus, F.H. (1986) 'The impact of government export marketing assistance', *International Marketing Review, Vol. 3 No. 2, – pp. 55-66.*

43. Seringhaus, F.H. and Rosson, P.J. (1990) *Government Export Promotion: a 39. Global Perspective, Routedge, – New York.*

44. Seringhaus, F.H. and Rosson, P.J. (1991) *Export Development and Promotion: the Role of Public Organizations, Kluwer Academic Publications, – Boston.*

45. Stopford, J. and Strange, S (1991) *Rival States, Rival Firms: Competition for World Market Shares, – Cambridge University Press, Cambridge.*

46. Wolfe, R. (1998) *Diplomatic Missions: The Ambassador in Canadian Foreign Policy, – McGill-Queen's University Press, Kingston.*

Түйін

Бұл мақалада Андорраның даму барысы бойынша кішігірім мемлекеттің экономикалық және саяси дағдарыстар кезінде халықаралық бәсекелестікті қамтамасыз ету үшін сауда дипломатиясының жүргізу рөлі көрсетіледі.

Резюме

В данной статье в качестве примера развития Андорры показана роль торговой дипломатии в действии, чтобы обеспечить международную конкурентоспособность MICRO-государства в годы экономических и политических кризисов.

Summary

In this paper, as an example of Andorra The role of commercial diplomacy in action, to ensure international competitiveness MICRO-state in the period of economic and political crises.

УДК 94 (574)

2WHAT RIGHTS OUGHT INTERNATIONAL ORGANISATIONS HAVE TO PARTICIPATE IN THE OPINION-FORMING AND DECISION-MAKING OF OTHER INTERNATIONAL ORGANISATIONS OF WHICH THEY ARE MEMBERS?

Prof. Dr. Theodor Schilling – Germany

Introduction

The membership of an international organisation (the accessor) in another international organisation (the accessee) [1] has been discussed academically for at least thirty years [2]. In the meantime, the question has gained much greater practical relevance in particular for the European Union which is, according to the European Commission's Treaties Office [3] and to my counting, member of 37 international organisations of widely diverging importance [5]. For present purposes, treaties which set up a treaty body, especially a conference of States parties and a secretariat or a committee, without however creating an international organisation with a distinct legal personality, can be equated to the latter insofar as they provide for a vote on certain matters [6]. The Treaties Office has also a list of those treaties [7]. I shall try to gain from this material an impression of the equity of rules governing the participation of the accessor and its members in the opinion-forming and decision-making of the accessee. *Prima facie* it appears that three sets of interests must be considered in evaluating that equity: primarily those of the accessor, relating mostly to its internal competences compared to those of its members, those of the members of the accessee which are neither the accessor nor members of the latter (third members)

relating mostly to the fundamental principle of the sovereign equality of States, but also those of the accessee itself relating mostly to its functionality.

This list of interests implies that one has to exclude from consideration, right from the outset, interests any of the parties might have which do not relate to participation in the opinion-forming and decision-making of the accessee that is to say to participation in the latter's governing bodies. Some treaties, especially human rights treaties but also the WTO agreement [8] provide for judicial or quasi-judicial bodies to supervise the accessee's members' (including the accessor's) compliance with substantive and sometimes procedural treaty rules. This role of the accessor's as object of supervision by the accessee is wholly separate from its role participating in the latter's governing bodies. Indeed, the two roles have nothing in common. Whatever may apply under a given treaty to an accessor's participation role, its role as object of supervision quite clearly ought to be governed by the principle of equality of parties. In this role, every member of the accessee ought to have exactly the same rights and obligations. Crucially, that rationale is restricted to the accessor's participation in adjudication proceedings. This can be shown by the example of the WTO. In WTO dispute settlement proceedings, the EU and its Member States can very well be cumulative respondents in one and the same proceedings [9], like any other WTO members. It does not follow however that the EU and its Member States have also cumulative rights to participate in the WTO's governing bodies. Rather, they have alternative such rights; under what I shall call the equality of States model they have at most a number of votes equal to the number of those of the EU's Member States which are at the same time direct members of the WTO (double members). There is no additional vote for the EU as accessor.

I. International Organisations Providing for The Weighting of States

A review of the present treaty practice on the question of the accessor's participation rights in the governing bodies of the accessee shows that one must differentiate, under different aspects, between different (types of) accessees. A first aspect is whether participation rights are distributed between the members of the accessee according to the principle of equality either of States or of parties or rather according to some economic yardstick (number of shares held by a member, importance of its trade position &c.). In the latter case, there obviously is scant reason to distinguish in principle between an accessor and third members of the accessee as a differentiation according to the respective economic yardstick is built into the system. The principle of sovereign equality applies here only indirectly insofar as it permits the States sovereignly to waive their claim to equality within the framework of a given agreement in favour of the application of whatever yardstick. Concerning the relationship of the aggregate of an accessor and its double members to third members of the accessee, it ought only to be guaranteed that the respective economic yardstick is not counted twice, once for the accessor and again for its double members.

1. The Principle of Sovereign Equality

Before citing some examples of international organisations under whose founding instruments the participation rights are distributed between its members according to some economic yardstick, some words on the principle of sovereign equality [10] may be in place. That principle is a consequence and an expansion of the equal sovereignty of States. It guarantees the internal sovereignty and external autonomy of every State independent of its size or power, economic or otherwise [11]. Put differently, it provides that factual inequalities between States like size or economic or military power be largely disregarded from a legal point of view [12]. It does not necessarily imply however that every State has the same voice in international cooperation [13]. In this context, the principle has only *prima facie* value. It ensures that on the question whether the real and unequal weight of the different States ought to be taken into account in a given context ie whether equity demands that in that context “lighter“ States refrain from insisting on being treated as equals the point of view of those “lighter“ States is decisive [14]. Still, in certain contexts, those States ought to agree sovereignly on a less than equal status within the governing bodies of an international organization [15]. Indeed, they quite routinely do so agree. The best known example, of course, is the elevated role given by all the other (“lighter“) States to the “Big Five“ veto powers in Art. 27 (3) of the UN Charter. Other examples concern mainly international organisations having economic functions.

2. Economic International Organisations

Cases in which participation rights are distributed according to some economic yardstick include the European Bank for Reconstruction and Development [16] where a member's voting power is based on its capital shares (Art. 29), the International Sugar Agreement [17] under which the “10 largest financial contributing members“ are

automatically appointed to the Administrative Committee (Art. 18) and the voting rights for purposes of the adoption of the administrative budget and the contributions of the members are determined according to a “composite tonnage basis” (Art. 25), and the Grains Trade Convention [18] where the distribution of voting power on both the importer and exporter sides is left to the respective side, both sides being granted the same total of votes (Art. 12). The same applies, if arguably with less force, in the case in the Olive Oil Agreement [19] where the percentage of shares held by a member is used to qualify its basic voting rights ie where, in addition to the majority of the members, a qualified majority of the shares is required to carry the day (Art. 9 (2)).

3. Reasons for the Weighting of States

Agreements of this type, it appears, cannot tell us anything about the equity of the distribution of participation rights between an accessor and third members of the accessee in a case where those rights are distributed according to the principle of equality either of States or of parties. But, quite independently of the accessor - accessee relationship, they are very relevant for indicating reasons for “lighter” States to waive their claim to equal treatment, and acceptable reasons for “heavier” States to insist on a treatment corresponding to their weight.

Those reasons appear to be, with one exception, purely economical. In the case of international banks, the voting rights are generally distributed according to the respective number of shares a member holds [20] more or less in the same way as in any private bank. In the case of those commodity agreements which opted for this kind of regulation, it is the respective importance a member has in the trade in that commodity which is the relevant yardstick. The one exception, of course, is the UN Charter and the special role given there to the (then) “Big Five”. Here, and only here [21], the other States have accepted, apparently in perpetuity, a fundamental legal inequality following from a factual inequality which has proven to be rather ephemeral for two of the “Big Five”. Here, and only here, unequal political and military power could be translated into legal privilege. Of course, it did not hurt that the factual inequality was at its height at the moment of founding the UN and that the “Big Five” were then on the verge of victory in the Second World War.

II. Other International Organisations

1. International Organisations Providing for The Equality of States

The remaining group of agreements shows that the principle of equality of States applies only to States acting on their own, and not to international organisations acting for them. An accessor is granted participation rights in the accessee either as a single unit or as sum total of those of its members which are at the same time directly members of the accessee (double members) but of all its members only if all of them are double members. The second alternative applies to those agreements in which both the accessor and (some of) its members are members of the accessee - in the EU as accessor context, these are cases of shared competence. In this constellation, the principle of sovereign equality of States generally is applied with exclusionary effect [22]. The accessor not being a State, this means that while the accessor may accede to the accessee, it does not thereby gain an autonomous membership position but is treated as the representative of those of its members which are at the same time members of the accessee. It therefore must vote only when those double members do not vote, and *vice versa*. Whenever it has the right to vote, it can use the votes of the double members only, but cannot represent those of its members which are not at the same time members of the accessee. In this way, the participation rights of the third members of the accessee are not diluted. Rather, they are exactly the same as they would be without the membership of the accessor in the accessee. This is famously the position under Art. IX of the WTO Agreement but also under a vast number of other agreements [23]. One might say that the accessor's corporate veil is pierced or that the accessee and its third members are as far as possible disregarding the transfer of competences from the accessor's members to the accessor itself, or again that they are just not interested in the minutiae of the internal distribution of competences between the accessor and its members [24].

2. International Organisations Providing for The Equality of Parties

In those agreements however in which only the accessor, but not its members, is a member of the accessee - in the EU as accessor context, these are cases of exclusive EU competence -, the principle of sovereign equality of States generally appears to morph into the principle of equality of parties that is to say that the accessor is treated, irrespective of the number of its members, on an equal footing with the other (State) members of the accessee. This is the case in a number of fisheries agreements [25] as well as in two agreements on science and technology [26] in which the EU (in the two latter cases: jointly with the European Atomic Energy Community) is a member to the exclusion of its own members [27].

The principle of equality of parties is for its sphere of application the negation of the principle of equality of

States. Indeed, there seems to exist, or at least to emerge, a consensus among the members of the international community that accessors which are, in the field of their exclusive competence and to the exclusion of their own members, members of an accessor ought to be treated as one autonomous unit and not as representatives of their members. This fits rather well with this other consensus that an accessor being a member of an accessor in addition to double members has participation rights only corresponding to the number of double members and not to the number of all its member States. Fully to transfer that line of thought to the model of the membership of only the accessor and third members in the accessor however would mean to deny the accessor any voting rights. Such a result obviously could not be considered as equitable. On the other hand, it would indeed be somewhat surprising if in an accessor the members of which comprise e.g. both the US and the EU (but not its Member States) the US would be given one vote to the EU's twenty-nine [28]. So the consensus solution considering the accessor in such cases as one autonomous unit appears to be at the same time the most logical and the most equitable one.

III. A Fourth Model?

There are therefore, apart from the economic yardstick model of weighting parties, two alternative models to treat an accessor: either it counts as one unit (equality of parties model) or it counts as the sum total of its double members (equality of States model). It is important to note that the two principles of equality - of States and of parties, respectively - apply alternatively, not concomitantly. Apart from the economic yardstick model, State practice as embodied in actual treaties to date does not provide, or at least does not provide in clear terms, for a fourth model under which the accessor would count as an additional member of the accessor, besides the double members. But it has to be admitted that some founding instruments of so-called Study Groups which do not contain any express provision concerning the participation rights of an accessor arguably could be interpreted in the sense of such a fourth model.

In the cases of two of those Study Groups, membership of and voting rights in the accessor are regulated separately. The International Copper Study Group provides for the membership of relevant intergovernmental organisations (para. 5 of its Terms of Reference [29]) but grants voting rights to member States only (para. 8 (c)). Thus it appears that an accessor does not gain any such rights although this is not entirely clear. Budget contributions however are required from all members (para. 15 (a)). The same applies for the International Nickel Study Group (para. 5 of its Terms of Reference [30], Rules 14 and 25 of its Rules of Procedure [31], respectively).

The founding instruments of two other Study Groups - the International Rubber Study Group [32] and the International Lead and Zinc Study Group [33] - clearly provide for equal voting rights of its members [34]. In those two groups however, it is the membership of an accessor which is in doubt. While the EU claims to be a member of the International Rubber Study Group [35] that Group's Terms of Reference do not provide for the membership of international organizations. Accordingly, while that Group lists among its 35 members "The European Union (27 Member States)", it obviously does not count the EU itself among those 35 members as it lists 8 third members. In contrast, the International Lead and Zinc Study Group offers membership *inter alia* to Contracting Parties of the GATT [38] of which the EU as founding member of the WTO is a party. Still, international organisations are mentioned only in Rule 7 of the Group's Rules of Procedure concerning appropriate arrangements for the exchange of information, which obviously falls far short of membership. Accordingly, in Rule 1 only Governments (which term remains undefined) are mentioned as members. Nevertheless, the EU has accepted the Group's Terms of Reference and Rules of Procedure and considers itself, apparently unchallenged, as a member of that Group [37]. Conversely, the Group does not list the EU among its members [38] although it gives the affiliation of its Vice-chairman as "EC" [39]. It is submitted that the rules of all those Study Groups demonstrate a certain lack of care in drafting, presumably due to the feeble importance voting rights have in this context. That carelessness, it is further submitted, does not allow any conclusion to be drawn therefrom as to the general equity of rules governing the participation of an accessor in an accessor.

These doubtful cases apart, State practice does not provide for such a fourth model. Presumably that is so because under that model, the participation rights of the double members would be somewhat enhanced to the detriment of those of the third members whose participation rights would be somewhat diluted; instead of being equal to one part of the total number of State parties ($1/x$) the participation rights of each third member would be reduced to one part of the total number of State parties plus one [$1/(x+1)$]. That model therefore is *prima facie* incompatible with the principle of equality of States [40]. Recourse to it requires justification by some equitable reason which however is hardly fathomable. Just to say that the said dilution is minimal is not good enough as long as (a) there is no acceptable reason to weight the accessor's members and (b) its third members are found "lighter" than the double members of the accessor and the accessor.

Conclusion

Answering to different requirements, State practice has developed different models for the participation of one international organisation (the accessor) in the opinion-forming and decision-making of another (the accessee) of which it (the accessor) is a member. Undisputed point of departure for the development of those models was the sovereign equality of States. As international organisations are primarily organisations of States, the basic idea appears to be that an accessor, not being a State, does not gain any autonomous participation rights in the accessee. In those cases in which the accessor is a member of the accessee at the same time as some (or all) members of the accessor, this translates into an arrangement under which the total number of participation rights the accessor and its members hold in the accessee does not surpass the number of such rights the accessor's members hold on their own. In those cases in which the accessor, but not its members, is a member of the accessee, the principle of the sovereign equality of States cannot apply directly, one of the parts of the equation not being a State, and is replaced by a principle of the equality of the members of the accessee. This translates into the accessor being treated as if it were another State party. In the case of the accessee being an economic international organisation, its members regularly agree in sovereign equality to apply a yardstick to participation rights which is commensurate to the members' respective importance for the accessee. The very same yardstick is then also applied to the accessor.

All these models, it is submitted, are self-evidently equitable in that they respect the interests of all the parties concerned. The same however cannot be said of a possible fourth model which appears to grant the accessor participation rights in the accessee in addition to the rights of the accessor's own members. Crucially, the rules of the accessees which possibly provide for such a fourth model appear to be drafted very badly, demonstrating a lack of interest in procedural questions and especially in participation rights. Absent special reasons, the fourth model therefore ought not to be chosen for the relationship between an accessor and its members on the one hand, and an accessee and its third members on the other, in cases in which participation rights do matter

1. *I apologise for the rather clumsy terms chosen, especially clumsy if one considers that the “accessor” may well be a founding member of the “accessee”. However, the terms have the dual advantage of brevity and unequivocality.*
2. *Cf. Henry G. Schermers, International Organisations as Members of Other International Organisations, in: Völkerrecht als Rechtsordnung. Internationale Gerichtsbarkeit. Menschenrechte. Festschrift für Hermann Mosler (Rudolf Bernhardt et al., eds.) (1983), 823.*
3. *Cf. European Commission, Treaties Office, European Union Membership at International Organisations, available at <http://ec.europa.eu/world/agreements/viewCollection.do?fileID=58598>.*
4. *Exceptionally, both the African Union and the East African Common Market are members of the Agreement Establishing the Common Fund for Commodities, UNTS vol. 1538, 3; OJEC L182 [1990] 2.*
5. *UNTS vol. 1867, 3; OJEC L336 [1994] 3.*
6. *Cf. e.g. EC and certain Member States - Large Civilian Aircraft, DS 316, available at http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/find_dispu_documents_e.htm.*
7. *Cf. Art. 2 (1) of the UN Charter.*
8. *Juliane Kokott, Article “State, Sovereign Equality”, last updated April 2011, MPEPIL, §§ 20 et seq.*
9. *But not completely disregarded; cf. Alfred Verdross/ Bruno Simma, Univerelles Völkerrecht, 3rd ed. Berlin 1984, § 454 (p. 275). Cf. also Kokott, ibid., §§ 16-17.*
10. *Cf. Kokott, ibid., § 70.*
11. *Kokott, ibid., puts the stress differently.*
12. *According to Verdross/Simma (n. 11), § III (p. 85), the principle is approaching absurdity, at least in the context of the UN's General Assembly.*
13. *Agreement establishing the European Bank for Reconstruction and Development, UNTS vol. 1646; OJEC L372 [1990] 4.*
14. *International Sugar Agreement 1992, UNTS vol. 1703, 242; OJEC L379 [1992] 16.*
15. *Agreement establishing the Grains Trade Convention, UNTS vol. 1882, 195; OJEC L21 [1996] 50.*
16. *Other examples are Art. 8 of the Statute of the European Investment Bank, Protocol (Nr. 5), OJEC C83 [2010] 251 and Art. XII (5) of the Articles of Agreement on the International Monetary Fund.*
17. *Neither the Charter of the Organization of American States nor, it appears, that of the Commonwealth of Independent States provides for any special role of Russia or the US, respectively. Cf. Art. 56 and 80 of the OAS Charter.*
18. *In § 34 of its 1979 accession memorandum (Bulletin of the European Communities, Supplement 2/79, Accession of the Communities to the European Convention on Human Rights, Commission Memorandum, available at <http://aei.pitt.edu/6356/4/6356.pdf>) the European Commission considered whether the (then) Community and its Member States could have only one representative on the Council of Europe's Committee of Ministers during proceedings relating to*

Community matters. It rejected that solution however inter alia because “[i]t would set a dangerous precedent for the exercise of mixed powers within other International Organisations”.

19. *Art. II (8) of the Constitution of the Food and Agriculture Organization of the United Nations, OJEC C of 16/12/1991, p.238; Art. 4 (2) of the International Cocoa Agreement 2001, UNTS vol. 2229, 2; OJEC L342 [2002] 2; Art. 4 (4) of the International Coffee Agreement, UNTS vol. 2161, 308; OJEC L326 [2001] 22; § 9 (b) of the Agreement Establishing the Terms of Reference of the International Jute Study Group, 2001, OJEC L112 [2002] 34; Art. 5 (2) of the 2006 International Tropical Timber Agreement, UNTS vol. 1393, 671; OJEC L208 [1996] 5; OJEC L262 [2007] 8; Art. 36 (7) of the Energy Charter Treaty, UNTS vol. 2080, 95; OJEC L69 [1998] 1; Art. VI (C) of the Statute of the International Renewable Energy Agency (IRENA), OJEC L178 [2010] 17; Art. 23 (2) of the Convention on the Protection of the Marine Environment of the Baltic Sea Area (Helsinki Convention) as revised in 1992, UNTS vol. 1507, 167; OJEC L73 [1994] 19; Art. 4 (2) of Annex VI: Statute of the International Commission for the Protection of the River Danube to the Convention on cooperation for the protection and sustainable use of the river Danube, OJEC L342 [1997] 18; Art. 20 (2) of the Convention for the protection of the marine environment of the north-east Atlantic, UNTS vol. 2354, 67; OJEC L104 [1998] 1; Art. 4 (3) and (4) of Annex IX: Participation by International Organisations to the United Nations Convention of 10 December 1982 on the Law of the Sea (UNTS vol. 1833, 3) and Agreement of 28 July 1994 relating to the implementation of Part XI thereof, OJEC L179 [1998] 1; Art. XII (3) of the Convention on the conservation of Antarctic marine living resources, UNTS vol. 1329, 48; OJEC L 252 [1981] 26; Art. II (4) of the Agreement Establishing the General Fisheries Commission for the Mediterranean, UNTS vol. 126, 257; OJEC L 190 [1998] 34; Art. 26 (6) (b) of the International Convention for the Protection of New Varieties of Plants, as revised at Geneva on 19 March 1991, UNTS vol. 815, 89; OJEC L192 [2005] 63; Art. 6 of the Protocol on the accession of the European Community to the Eurocontrol International Convention relating to Cooperation for the Safety of Air Navigation of 13 December 1960, as variously amended and as consolidated by the Protocol of 27 June 1997, OJEC L 304 [2004] 210; and cf. the conventions quoted in n. 5.*

20. *This lack of interest is particularly clearly demonstrated by those numerous agreements which make it the duty of an accessor to provide for a declaration about that distribution. Cf. eg Art. 36 (3) of the International Tropical Timber Agreement (n. 22), Art. 24 (7) of the Convention relating to temporary admission (n. 5), Art. 63 (3) of the Convention against Corruption (n. 5), Art. VI ©) of the International Renewable Energy Convention (n. 5).*

21. *Timber Agreement (n. 22), Art. 24 (7) of the Convention relating to temporary admission (n. 5), Art. 63 (3) of the Convention against Corruption (n. 5), Art. VI ©) of the International Renewable Energy Convention (n. 5).*

22. *Convention on Future Multilateral Cooperation in the North-East Atlantic Fisheries, UNTS vol. 1285, 129; OJEC L227 [1981] 22; International Convention for the Conservation of Atlantic Tunas, UNTS vol. 637, 63; OJEC L162 [1986] 34; Agreement for the establishment of the Indian Ocean Tuna Commission, UNTS vol. 1927, 329; OJEC L236 [1995] 25; Convention for the Conservation of Salmon in the North Atlantic Ocean, UNTS vol. 1338, 33; OJEC L378 [1982] 25; Convention on the Conservation and Management of Fishery Resources in the South-East Atlantic Ocean, OJEC 243 [2002] 40; Convention on the Conservation and Management of Highly Migratory Fish Stocks in the Western and Central Pacific Ocean, OJEC L32 [2005] 4; Convention for the strengthening of the Inter-American Tropical Tuna Commission established by the 1949 Convention between the United States of America and the Republic of Costa Rica (Antigua Convention), OJEC L15 [2005] 10.*

23. *Agreement to establish a science and technology centre in Ukraine, OJEC L225 [1998] 5; Agreement establishing an International Science and Technology Centre, OJEC L409 [1992] 3.*

24. *In addition, some of the agreements dealt with under the first aspect ie the commodity agreements on Sugar, Olives and Grains also fall in this category.*

25. *Schermers (n. 2), 834, wrote in 1983: “The fact that an economic unit in GATT holds ten votes could be objected to by the other parties of the GATT”.*

26. *UNTS vol. 1662, 229; OJEC L 89 [1991] 39.*

27. *UNTS vol. 1566, 29; OJEC L293 [1991] 24.*

28. *Available at <http://www.insg.org/rop.aspx>.*

29. *Set up under the Constitution and Rules of Procedure of the International Rubber Study Group, OJEC L215 [2002] 15.*

30. *Terms of Reference of the International Lead and Zinc Study Group, OJEC L82 [2001] 21.*

31. *Cf. Rule 1 (d) of the Rules of Procedure of the International Rubber Study Group which provides that those present and voting have equal voting powers; Rule 23 of the Rules of Procedure of the International Lead and Zinc Study Group which provides that all members have the right to vote.*

32. *Cf. European Commission's Treaties Office, Summary of Treaty; available at <http://ec.europa.eu/world/agreements/prepareCreateTreatiesWorkspace/treatiesGeneralData.do?>*

[step=0&redirect=true&treatyId=6001](#).

33. Cf. Term 8, providing only for the information of interested International Organisations.

34. Cf. About Us, available at <http://www.rubberstudy.com/aboutus.aspx>.

35. para. 1 of its Terms of Reference (n. 32).

36. Cf. European Commission's Treaties Office, Summary of Treaty, available at

<http://ec.europa.eu/world/agreements/prepareCreateTreatiesWorkspace/treatiesGeneralData.do?step=0&redirect=true&treatyId=476>.

37. See Membership, available at <http://www.ilzsg.org/static/membership.aspx?from=1>.

38. Cf. Committees, available at <http://www.ilzsg.org/static/committees.aspx?from=3>.

39. But cf. the Statement made by the Representative of the Russian Federation (à propos the draft legal instruments on the accession of the European Union to the European Convention on Human Rights, Annex to the Report to the Committee of Ministers on the elaboration of legal instruments for the accession of the European Union to the European Convention on Human Rights, CDDH (2011)009, available at.

40. http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/hrpolicy/Accession/Working_documents_en.asp). Appendix VI to «Relevant excerpts of the Report of the 75th meeting of the CDDH (19-22 June 2012)», Doc. 47+1(2012)002, available at

41. [http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/hrpolicy/Accession/Working_documents/47_1\(2012\)02_Extracts_CDDH_Report_EN.pdf](http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/hrpolicy/Accession/Working_documents/47_1(2012)02_Extracts_CDDH_Report_EN.pdf): “We as the Russian Federation based our work of that Group on the following principles: First. All member States are equal Parties to the Convention after accession of the EU, and all Parties will remain in equal situation with respect to all aspects of the functioning of the Convention. ... From our point of view the draft.

Түйін

Бұл мақалада халықаралық ұйымдар өздері мүше болған басқа халықаралық ұйымдарда қоғамдық пікірді қалыптастыру және шешім шығару үшін қандай құқықтарға ие болу керек деген мәселе қарастырылады.

Резюме

В данной статье рассмотрен вопрос о том, какие права должны иметь международные организации чтобы участвовать в формировании общественного мнения и принятия решений других международных организаций, членами которых они являются.

Summary

In this article the question of what rights should have international organizations to participate in the formation of public opinion and decision-making in other international organizations of which they are.

УДК 327 (574)

ФОРСИРОВАННОЕ ИНДУСТРИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ПОДГОТОВКА ИНДУСТРИАЛЬНЫХ КАДРОВ

Ж.М.-А. Асылбекова – д.и.н., проф. кафедры «Всемирной истории,
историографии и источниковедения» КазНУ им. аль-Фараби

Современный глобальный финансово-экономический кризис проявил серьезные проблемы в экономике Казахстана. Глава государства на внеочередном XII съезде партии «Нур Отан» в 2009 г., поручил Правительству разработать долгосрочную стратегию до 2020 года, направленную на посткризисное развитие. Реализация стратегического плана разбивается на два пятилетних этапа. По важнейшим приоритетам были разработаны всего несколько государственных программ, конкретизирующих цели и задачи развития на пять лет. 19 марта 2010 года Президент Республики Казахстан подписал Указ о Государственной программе по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010-2014 годы. С первого января 2010 года в рамках Стратегии «Казахстан-2030» мы начали пятилетку форсированного индустриально-инновационного развития.

Госпрограмма и новые отраслевые программы в целях сохранения последовательности и преемственности интегрировали в себя ранее принятые Стратегии индустриально-инновационного развития, кластерные инициативы, Программы «30 корпоративных лидеров Казахстана», Транспортной стратегии и других программных документов в сфере индустриализации. Общее количество интегрированных

документов – 52.

ФИИР – это продолжение государственной экономической политики, начавшейся задолго до сегодняшнего дня. Но как отметил Президент РК, речь идет «об инновационной индустриализации, а не о той индустриализации, которая была во всех государствах мира в начале прошлого века. Наша индустриализация должна соответствовать нынешнему укладу развития мировой экономики». В рамках новой индустриальной политики определены следующие приоритеты:

Первое. Это – АПК и сельхозпереработка. Задача – к 2015 году довести долю сельскохозяйственной продукции в общем объеме экспорта до 8%. За счет отмеченных и других проектов валовая добавленная стоимость агропромышленного комплекса должна быть в самое ближайшее время увеличена не менее чем на 16 процентов, создано более 10 тысяч рабочих мест.

Второе. Развитие строительной индустрии и производства строительных материалов. Задача – к 2015 году за счет внутреннего производства – удовлетворить более 80% потребностей рынка. Валовая добавленная стоимость строительного комплекса будет увеличена не менее чем на 76%.

Третье. Развитие нефтепереработки и инфраструктуры нефтегазового сектора. К 2014 году отечественные нефтеперерабатывающие заводы должны полностью удовлетворять внутреннюю потребность в нефтепродуктах высокого качества – бензине и авиакеросине. Задача – повысить валовую добавленную стоимость топливно-энергетического комплекса не менее чем на 30%.

Четвертое. Развитие металлургии и производства готовых металлических продуктов. Задача – обеспечить удвоение объема производства и экспорта продукции металлургической промышленности к 2015 году. С учетом углубления переработки и создания новых переделов валовая добавленная стоимость металлургии должна вырасти не менее чем на 107%.

Пятое. Ускорение развития химической, фармацевтической и оборонной промышленности. Задача – к 2014 году обеспечить более 50% внутреннего потребления лекарственных препаратов за счет отечественного производства.

Шестое. Это – энергетика, включая развитие чистой энергетики. Задача – закрыть текущую и перспективную потребность страны в электроэнергии. Энергоёмкость экономики к 2015 году должна быть снижена на 10 процентов.

Седьмое. Развитие транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры. Реализация планов по развитию всех инфраструктурных отраслей должна обеспечить рост валовой добавленной стоимости на 63%.

В конечном итоге, сбалансированная мобилизация всех ресурсов по приоритетным направлениям позволит экономике дополнительно создавать годовую добавленную стоимость, превышающую 7 триллионов тенге.

Главными инструментами ПФИИР стали Карта индустриализации до 2015 года и Схема рационального размещения производственных мощностей до 2020 года.

Карта индустриализации включает в себя инвестиционные проекты республиканского значения, стоимостью свыше 50 млн. долларов США и проекты регионального значения, стоимостью менее 50 млн. долларов США.

Новая индустриализация Казахстана требует широкой, массовой подготовки специалистов индустриального профиля, в первую очередь национальных рабочих и инженерно-технических кадров.

В последнее время индустриальные объекты нашей республики стали острее ощущать нехватку профессионально подготовленных кадров. На наш взгляд система профессионального образования и подготовки рабочих являются сегодня узким местом, тормозит начавшееся возрождение перерабатывающих отраслей экономики Казахстана.

Почему же молодёжь не стремится в профессиональные школы? Это происходит из-за непрестижности рабочих профессий, из-за слабости производственной базы с отсталой технологией и недостаточной квалификацией преподавательских кадров, что ведёт к низкому качеству получаемого образования. Специалисты убеждены, что если не изменить сложившуюся ситуацию коренным образом, проблема растущего дефицита рабочих кадров для приоритетных отраслей будет решаться за счёт ввоза иностранной рабочей силы, что, кстати, сегодня наблюдается.

На наш взгляд, в области трудовых ресурсов достаточно остро стоит вопрос с трудовой миграцией, который стал приобретать характер проблемы, требующей системного решения. Основная масса трудовых мигрантов – это рабочие и средний технический персонал, завозимый иностранными компаниями для реализации инвестиционных проектов. Известно, что иностранные компании неохотно принимают

национальные кадры по техническим рабочим специальностям, или из-за низкой их квалификации определяют им гораздо меньшую зарплату, чем у иностранных специалистов. Нередко на местах вообще отсутствуют необходимые кадры. Следовательно, чтобы заменить иностранных работников казахстанскими кадрами, требуется существенно повысить уровень подготовки последних. По мнению ведущих специалистов, особенно это актуально для нефтегазовых проектов, осуществляемых иностранными компаниями.

Проблему рабочей силы необходимо решать в первую очередь за счёт местных трудовых ресурсов и главным образом за счёт сельской молодёжи. Однако в деле широкой подготовки национальных и индустриальных кадров имелся целый ряд серьёзных противоречий и трудностей. Пока сельская молодёжь не подготовлена к квалифицированному индустриальному труду. Общеизвестным является факт, что в системе профессионально-технического образования преобладают сельские профтехучилища. Учители же индустриального направления, распределённые по территории республики неравномерно, располагаются в основном в больших и малых городах. На селе, где имеются большие трудовые резервы, училищ промышленного, транспортного, строительного профиля не хватает. Городские профучилища, не располагающие, как правило, общежитиями, ориентируются на приём и подготовку рабочих из числа городских юношей и девушек, имеющих прописку. Не лучше обстоит и подготовка приезжей сельской молодёжи. К тому же везде при трудоустройстве требуется прописка, которую основная масса бывших сельчан, как правило, не имеет.

Система профтехобразования требует совершенствования в плане планомерного организованного приёма молодёжи из коренной национальности, расширения их обучения на родном языке многопрофильным специальностям. Необходимо преодолеть нерациональность и неравномерность территориального размещения сети профессионально-технических школ, колледжей индустриального профиля. Конкретной формой пополнения учебных заведений системы профтехобразования индустриального профиля должен стать оргнабор сельской казахской молодёжи. В этом значительную роль должна сыграть служба профориентации производственных предприятий и объединений. Необходима регулярная профориентационная работа среди выпускников средних школ как в городах, так и на селе. Пока это звено по рекрутированию казахской молодёжи работает недостаточно. В республике действует малочисленная сеть учебных заведений, готовящих работников для отраслей с преимущественным применением женского труда. То есть следует развивать профтехнические школы именно этого направления.

Необходимо создание благоприятных производственных жилищно-бытовых условий для приезжей казахской молодёжи в целях её закрепления как в системе профтехобразования, так и непосредственно на производстве.

Для роста престижа рабочих профессий, квалифицированный и высококвалифицированный труд должен иметь достойную оплату.

Неблагополучное положение с подготовкой национальных рабочих кадров осложняется крайне слабой обеспеченностью учебниками, учебно-наглядными и методическими пособиями на казахском языке. Следует ускорить составление или перевод учебников и учебных пособий.

Необходимо создать гибкую систему подготовки и переподготовки, повышения квалификации рабочих кадров непосредственно на предприятиях, систему, способную оперативно реагировать на конъюнктуру рынка. На наш взгляд, будет небезынтересным изучение опыта цивилизованных стран и отдельных зарубежных фирм в решении этих вопросов.

Необходимо, регулировать миграционные движения коренного этноса так, чтобы широко привлекать их на производство в местах проживания, а также организованно перераспределять по республике. Однако, несмотря на уже имеющиеся негативные последствия подобной практики, многие ведомства, предприятия продолжают её осуществлять. Особенно остро эта проблема стоит в регионах нового индустриального развития, где фактически не учитываются национальные интересы, где местная молодёжь коренной национальности не трудоустраивается в полной мере, отмечается неравенство в заработной плате местных и иностранных рабочих, имеются серьёзные проблемы экологического характера. Всё это естественно создаёт почву для разногласий, в том числе и на межнациональной основе.

При этом следует выработать научно обоснованную демографическую политику, регулировать внешние миграционные потоки в Казахстан так, чтобы полнее и рациональнее использовать свою избыточную рабочую силу, особенно южных и западных областей республики.

В итоге все эти мероприятия будут способствовать росту престижа рабочих профессий, более активному участию коренного этноса в экономическом подъёме нашей республики.

Түйін

Мақала Қазақстан Республикасының үдемелі индустриалды-инновациялық дамуы мен индустриалды кадрларын дайындау мәселесін қарастыруға арналған.

Резюме

Статья освящает форсированное индустриально-инновационное развитие Республики Казахстан и подготовку индустриальных кадров.

Resume

The article is devoted to the innovative industrial development of the Republic of Kazakhstan, its tasks and strategy. The author pays attention to the necessity of the wide training of industrial personnel.

УДК 327 (574)

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИИ ООН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

М.К. Сембинов – профессор КазНПУ им. Абая

Миротворчество – это механизм, впервые предложенный и разработанный ООН, который не поддается простому определению, т.к. имеет множество аспектов и нюансов. Возникнув как международное средство поддержания и установления мира от имени всего мирового сообщества под эгидой ООН, в дальнейшем, после окончания холодной войны, миротворчество прочно вошло и в арсенал средств различных региональных и субрегиональных соглашений и организаций.

Стоит упомянуть миротворческие операции на территории СНГ для урегулирования приднестровско-молдавского, грузино-осетинского, грузино-абхазского конфликтов, а также для прекращения гражданской войны в Таджикистане, инициированные в начале 1990-х годов. Несмотря на первоначальные весьма критические, а порою и резко негативные оценки этих операций западными специалистами, в конце концов, им пришлось признать не только статус СНГ как региональной организации безопасности, но и учесть своеобразный опыт проведения этих операций, заслуживающий серьезного анализа [1]. Хотелось бы сказать, что политическое урегулирование конфликта не является функцией миротворчества (устранение причин, породивших его). Это дело политиков и дипломатов.

Также интересен и в чем-то достойный подражания опыт региональных и субрегиональных организаций африканского континента, которые при помощи развитых стран создали собственные миротворческие силы. Необходимо отметить, что в Африке начиная с конца 1990-х годов в самых критических ситуациях, требующих немедленного военного вмешательства, с одобрения СБ ООН развертываются именно эти силы. Потом уже, после прекращения военных действий и стабилизации обстановки в районе конфликта, там разворачиваются миротворческие миссии или операции под эгидой ООН [2].

Хотя в Уставе ООН и нет термина «миротворчество», эта универсальная международная организация разработала определенную систему приемов, методов и средств, направленных на разрешение споров, прекращение войн и урегулирование вооруженных конфликтов. Эта система включает три основных компонента: 1) мирные средства (по гл. VI Устава), куда входят переговоры, посредничество, установление фактов, добрые услуги, арбитраж и т.п.; 2) полувоенные или квазивоенные средства, представленные, главным образом, традиционными операциями по поддержанию мира (см. справку «Основные виды современного миротворчества и принуждения к миру»); 3) принудительно-силовые средства (по главе VII Устава) – как невоенные (экономические, политико-дипломатические, юридические и финансовые санкции), так и военные – с использованием вооруженных сил ООН.

В годы холодной войны наибольшее распространение получили операции по поддержанию мира (ОПМ), которые в дальнейшем получили определение как традиционные, или ОПМ первого поколения.

Ясно, что соответствующая для этого периода противоположность национальных и блоковых интересов государств-членов ООН, а также право вето постоянных членов СБ ООН не оставляли возможности

получить согласие на осуществление принудительных операций с использованием вооруженных сил. К военно-принудительным действиям с разными целями (но всегда преследовавшими идеологические и иные интересы) в этот период прибегали главным образом организации региональной безопасности, как правило, по инициативе США или СССР. В качестве примеров можно привести военные действия США и ряда других стран-членов Организации Американских Государств (ОАГ) в Доминиканской Республике [3] в 1965 году для установления там проамериканского режима и вооруженное подавление контингентом объединенных вооруженных сил ОВД восстания в Чехословакии в 1968 году. Подобные принудительные действия перерастали главным образом в насильственное вмешательство во внутренние дела независимых государств, так как они выполнялись по решению региональных органов и без разрешения СБ ООН. Но в силу тех же причин и возможности учреждения традиционных операций по поддержанию мира в эти годы были сильно ограничены. Традиционные ОПМ проводились – как, кстати, продолжают проводиться и ныне – в двух формах: 1) миссии невооруженных военных наблюдателей, 2) использование сил по поддержанию мира. В состав этих миротворческих сил (как в последующем их стали называть в русскоязычной литературе) обычно входят легковооруженные воинские контингенты государств, выразивших готовность принять участие в операции. Кроме того, в операциях иногда участвуют отряды гражданской полиции и гражданский персонал.

Для предотвращения усугубления ситуации и создание условий для ее благополучного разрешения параллельно с основными функциями ОПМ могут выполняться действия по сопровождению гуманитарных грузов, оказание поддержки мирному населению, соблюдение законности и прав человека в конфликтной зоне, не нанося при этом «ущерба правам, притязаниям и положению заинтересованных сторон».

Помимо выполнения основных требований для развертывания традиционных операций (согласие всех конфликтующих сторон, заключение сторонами соглашения о перемирии/прекращении огня, применение оружия только в целях самообороны), необходимо соблюдать объективность и нейтральность личного состава миротворческих сил (миссий). Эти операции не достаточно эффективны для полного разрешения локальных войн и столкновений, так как они значительно ограничены в возможностях. Однако некоторые из них позволили локализовать конфликт, оказали общее, сдерживающее и стабилизирующее действие и создали условия для его урегулирования и разрешения мирными средствами. С их помощью порой удавалось «заморозить», «законсервировать» конфликт на длительное время. Это в полной мере относится к операциям, проводившимся под эгидой ООН в разные годы на Ближнем Востоке, в штате Джамму и Кашмир (конфликт между Индией и Пакистаном), на Кипре, в Йемене, в Афганистане, Анголе и других странах и регионах мира.

Первая операция ООН по поддержанию мира (Орган по наблюдению за выполнением условий перемирия – ОНВУП) была учреждена в 1948 году для разрешения военного противостояния между Израилем и Палестиной. Этот конфликт является самым длительным в истории миротворчества, так как он до сих пор не урегулирован. За ним последовали операции для разрешения конфликтов между Индией и Пакистаном, в Ливане, Йемене, Западной Новой Гвинее, Конго, Доминиканской Республике, на Кипре, в Анголе, на Гаити и др. С 1948 по 1989 год (когда была учреждена первая миротворческая операция нового поколения) было проведено 16 операций по поддержанию мира (9 – в форме миссий военных наблюдателей, 7 – с использованием вооруженных сил ООН). На сегодняшний день ООН было проведено 60 операций по поддержанию мира. Активная фаза миротворчества была характерна в 1990-е годы, когда было проведено 35 операций.

Под эгидой ООН с 1989 года наряду с традиционными ОПМ начали проводиться комплексные ОПМ, преимущество которых заключается в многофункциональности и многоаспектности решаемых задач. Первой подобной операцией стала операция проведенная в Намибии (Группа ООН по оказанию помощи в переходный период, инициированная в апреле 1989 года). За ней последовали операции в Западной Сахаре (1991), Камбодже (1991, 1992), операция Сил ООН по охране на территории бывшей Югославии (1992), которая с 1995 года разделилась на три самостоятельные операции, в Сомали (1992, 1993), Руанде (1993), на Гаити (1993, 1996), в Мозамбике (1992), Центрально-Африканской Республике (1998), Восточном Тиморе (1999, 2002), Косово (1999, с привлечением других международных и региональных структур) и др.

Отличительные особенности современных ОПМ целесообразнее всего изучить на примере операции в Восточном Тиморе.

Независимость государства Демократическая Республика Восточный Тимор была провозглашена с 19

на 20 мая 2002 г., где ключевую роль в обретении суверенитета Восточного Тимора сыграла ООН, в частности, через учрежденную 25 октября 1999 г. миротворческую миссию ООН – Временную администрацию ООН в Восточном Тиморе (ВАООНВТ).

Ее мандат, выданный Советом Безопасности по Главе VII Устава ООН, включал в себя задачи поддержания безопасности и соблюдения правопорядка, создания эффективной администрации, формирования потенциала самоуправления и становления демократических институтов.

Фактически Миссия ООН получила полномочия по осуществлению всей законодательной и исполнительной власти, в том числе и на исполнение правосудия.

Специальный представитель Генсекретаря ООН Сержио Виейра де нте возглавил ВАООНВТ. К началу 2001 г., по мнению международного сообщества, достигнутый прогресс в становлении основ государственности Восточного Тимора поставил в повестку дня вопрос о форсировании передачи власти восточнотиморцам и сокращения международного присутствия на территории. Вместе с тем, учитывая критически важное значение деятельности Временной администрации ООН для обеспечения жизнеспособности и стабильности нового государства, было решено продолжить миротворческую операцию ООН и после объявления независимости.

При выполнении миротворческой операции в Восточном Тиморе ООН большее внимание уделяла гуманитарной сфере, обеспечивая безопасное существование лагерей для беженцев, ведь, так как общее число перемещённых лиц составило 610 тыс. чел., то есть почти 80% восточнотиморцев покинули места постоянного проживания из-за существующей угрозы их жизни после оглашения результатов референдума о будущем статусе Восточного Тимора, на котором идея независимости получила безоговорочную поддержку.

В частности, в докладе говорилось: «одной из острых проблем, вставших перед ВАООНВТ, была Гуманитарная катастрофа, которая произошла в результате насилия, охватившего Восточный Тимор сразу же после провозглашения результатов всенародного опроса».

Лагерь беженцев Западного Тимора в течение длительного времени оставались объектом террористических вылазок со стороны интеграционистской «милиции».

В представленном Совету Безопасности в октябре 2001 г. докладе Генсекретаря ООН подчеркивалось, что преждевременный вывод международного присутствия может оказать дестабилизирующее воздействие на обстановку и поставить под угрозу успех всей операции ООН в Восточном Тиморе.

СБ было принято решение, что последующую миссию ООН будет возглавлять Специальный представитель Генсекретаря ООН и что она будет состоять из военного компонента (сокращаемого почти наполовину от изначального уровня до 5000 чел.), компонента гражданской полиции и гражданской администрации.

По мере укрепления государственных структур Восточного Тимора происходило сокращение численности новой Временной администрации.

Принципиально важным оставался вопрос о финансовых расходах миротворческой операции ООН в Восточном Тиморе.

Расходы по проведению миротворческой операции в Восточном Тиморе составили 65 млн. долл. США, 90% которых финансировалось за счет учреждений системы ООН, международных финансовых институтов, региональных механизмов и стран-доноров. Сокращение поступления финансовых средств имело бы серьезные последствия для функционирования всей экономики Восточного Тимора.

Относительно поддержки Восточного Тимора Россия придерживалась мнения, что здесь должен быть вовлечен широкий круг организаций и учреждений системы ООН. Роль ООН в этом процессе является координирующей и ей должны оказать помощь региональные структуры, международные финансовые институты и индивидуальные страны-доноры.

Вместо ВАООНВТ была учреждена Миссия ООН по поддержке в Восточном Тиморе (МООНПВТ) сроком на 12 месяцев в соответствии резолюции СБ ООН №1410 от 17 мая 2002 г., в задачи миссии входило оказание всесторонней помощи молодому независимому государству. Специальный представитель Генсекретаря ООН К.Шарма (Индия) возглавлял миссию. Ее мандат тесно увязан с поэтапным решением задач миростроительства, после выполнения которых присутствие ООН понемногу сокращалось. Резолюцией №1414 от 23 мая 2002 г. СБ ООН рекомендовал Генеральной Ассамблее принять Восточный Тимор в члены ООН, что и было сделано 20 сентября 2002 года.

Россия была представлена в МООНПВТ 5 гражданскими полицейскими, 2 военными наблюдателями и рядом российских граждан в гражданской администрации.

Деятельность МООНПВТ рассматривалась в контексте становления государственности Демократической Республики Восточный Тимор в докладе о Миссии ООН, представленном в ноябре 2002 г. Генсекретарем ООН по поддержке в Восточном Тиморе. Обозначили первые достижения всех ветвей власти молодого государства, выполняемые при поддержке ООН, ее учреждений, фондов и программ, а также донорского сообщества.

Деятельность МООНПВТ осуществляется под углом исполнения трех программ, составляющих мандат миссии. Среди гражданского состава МООНПВТ, отвечающего за осуществление Программы I (стабильность, демократия и правосудие), проводятся меры по обучению и подготовке местных управленческих кадров, созданию независимой системы правосудия, преобразованию существующей пенитенциарной системы. Основные проблемы: отсутствие прогресса в подборе судебных и прокурорских кадров, недостаточное финансирование со стороны доноров, нехватка специальных ресурсов, необходимых для расследования тяжких преступлений.

Численность состава гражданской полиции, осуществляющего Программу II (общественная безопасность и правоохранительная деятельность), была урезана в соответствии с имеющимся графиком на одну треть и составила 741 чел.

Ответственность за обеспечение правопорядка была передана полицейской службе Восточного Тимора в 4 из 13 районов страны. Здесь хотелось бы отметить усилия МООНПВТ по отбору и обучению сотрудников полиции среди местного населения. В этом контексте внимание уделяется проблеме низкого уровня материально-технической базы национальной полиции, что препятствует поддержанию правопорядка.

Касательно осуществления Программы III (внешняя безопасность и пограничный контроль) отмечалось дальнейшее улучшение обстановки за счет активной деятельности военного состава МООНПВТ. Благодаря упрочению положения в области безопасности программа сокращения личного состава военного компонента проходила согласно графику.

Очевидно, что миротворческая операция ООН по урегулированию конфликта в Восточном Тиморе один из успешных примеров мирного разрешения кризиса вокруг статуса этой территории, осуществленного под эгидой ООН. Благодаря поддержки полученной со стороны ООН восточнотиморцы смогли благополучно преодолеть кризис создания суверенного государства.

Бесспорно, что риск и затраты в связи с миротворческими операциями нового поколения являются гораздо более значительными, чем во время традиционных операций по поддержанию мира. Однако существует определенная закономерность – уровень сложности задач миротворцев и миростроителей увеличивается прямо пропорционально сложности и нестабильности ситуации на местах, что отражено в мандате операции.

С учетом этих тенденций в конце 1990-х годов в рамках ООН были модифицированы подходы к таким основным принципам традиционного миротворчества, как поиск консенсуса воюющих сторон, нейтралитет и объективность личного состава миротворческих сил и применение ими оружия исключительно в качестве самообороны. Такие изменения просто необходимы, так как участники конфликтов не отличаются постоянством, и иногда дав согласие на международное вмешательство и оказание всяческого содействия начинают затем отказываться от выполнения данных поручений. Поэтому, если одна из сторон явно срывает условия мирного соглашения, объективность миротворцев может привести к неэффективности операции в целом (как это случилось в Руанде, Сомали, Югославии). Ничто не нанесло такого убытка престижу международного миротворчества в 1990-х годах, как нежелание отличать жертву от агрессора. Группы или одна из сторон, подписавшие соглашение, а затем отказывавшиеся от своих обязательств, не раз ставили под угрозу провала миротворческой операции в Камбодже, а в Анголе, Сомали и Сьерра-Леоне провоцировали начала нового витка кровопролитной гражданской войны. В Руанде они ответственны за убийство около 800 тыс. чел. О какой объективности и нейтралитете миротворцев можно говорить в подобных случаях?

В связи с теми же взглядами изменялся и принцип применения миротворцами военной силы. В комплексных операциях ее допустимо применять – не только для самообороны, но и для защиты гражданского персонала различных общественных и гуманитарных организаций, сотрудничающих с ООН в районе конфликта, для защиты местного мирного населения, а также тогда, когда участники конфликта препятствуют выполнению задач, поставленных в мандате операции.

В ответ на насильственные действия миротворческие контингенты должны иметь право незамедлительно отвечать тем же. Более того, они должны иметь этическое право встать силой оружия на защиту

жертвы. Все комплексные операции ООН, инициированные в 2003-2005 годах (в Либерии, Кот-д'Ивуаре, Бурунди, Гаити, Демократической Республике Конго и Судане), были учреждены уже на основе гл. VII Устава ООН, предусматривающей принудительные действия. Необходимо отметить, что от этого они ни в коем случае не перешли в разряд операций по принуждению к миру, в которых сила применяется в полном масштабе, без каких-либо ограничений.

Правила использования военной силы не должны ограничиваться нанесением удара в ответ на удар, они должны позволять ликвидировать источник насилия. А это, в свою очередь, предусматривает, что миротворческим силам следует быть более многочисленными, укомплектованным и оснащенными, чем при проведении традиционных ОПМ. Кроме того, им надо иметь в своем составе подразделения полевой разведки и располагать структурами, возможностями и оружием, необходимыми для организации эффективной обороны. Анализ миротворческих операций ООН последних лет наглядно показывает, что по крайней мере одно из этих требований благополучно выполняется. Если в ноябре 2002 года в 15 операциях ООН по поддержанию мира было задействовано 44 тыс. военнослужащих и гражданских полицейских, то в марте 2004 года – уже 51,6 тыс. военнослужащих и гражданских полицейских (при том же количестве операций), а в августе 2005 года это число возросло до 66 921 чел. При численности гражданского персонала – 14 233 чел. (в 16 операциях) [4].

Можно проследить формирование этой тенденции в зависимости от сложности поставленных задач и с учетом необходимости совместить поддержание мира с миростроительством. Так, в первой комплексной операции ООН в пользу мира в Намибии (ЮНТАГ), организованной в 1989 году для оказания помощи специальному представителю генерального секретаря ООН в обеспечении скорейшего достижения суверенности Намибии, в период максимального развертывания участвовали около 8 тыс. чел., включая порядка 4,5 тыс. военнослужащих, 1,5 тыс. гражданских полицейских и 2 тыс. гражданских сотрудников. А в операции ООН в Либерии (2003), мандат которой намного сложнее, на 31 августа 2005 года участвовало 15 978 военнослужащих и гражданских полицейских и 1 714 гражданских сотрудников.

Несмотря на возникшую с окончанием холодной войны возможность проведения операций по принуждению к миру, ООН, как показало время, не располагает нужной для их осуществления возможностью (военным, материально-техническим, финансовым, организационно-техническим). Свидетельство тому – неудачная операция ООН в Сомали и Руанде, когда сложившаяся там ситуация настоятельно потребовала скорейшего перехода от традиционной ОПМ к принудительной, а ООН оказалась не в состоянии самостоятельно это выполнить. Хотя, по мнению ряда специалистов, включая и членов авторитетной Группы по операциям ООН в пользу мира (авторов так называемого «доклада Брахими»), она и не должна этим заниматься: «...Есть много задач, которые не следует ставить перед миротворческими силами ООН, и есть много мест, куда их не следует посылать». Особенно с учетом той колоссальной нагрузки по проведению комплексных операций, которая пала на плечи ООН в последнее десятилетие XX – начале XXI века.

Поэтому-то в 1990-е годы наметилась, а в дальнейшем получила развитие тенденция разделения ООН своих полномочий в области силового миротворчества региональным организациям, некоторым государствам и коалициям государств, готовым взяться за выполнение задач по кризисному реагированию.

СБ ООН в разные годы давал разрешения на применение военной силы (на основании гл. VII Устава) региональным организациям и объединениям государств в Ираке, Сомали, бывшей Югославии, Руанде и на Гаити. Как это зачастую случается, можно показать на примере Сомали. Сначала, в апреле 1992 года, там была учреждена традиционная операция ООН (ЮНОСОМ I), предполагавшая действия только в районе Могадишо. В августе мандат операции и ее численный компонент были расширены, чтобы ее действия распространились уже на всю территорию Сомали. Однако в декабре 1992 года после существенного ухудшения ситуации миротворцы ООН оказались не в состоянии выполнять свои функции. Именно тогда СБ ООН своей резолюцией №794 от 3 декабря 1992 года уполномочил США (которые вызвались сами) «помочь в создании безопасных условий для оказания гуманитарной помощи в Сомали» на основании гл. VII Устава ООН, т.е. с правом применять военную силу в необходимых размерах. Так началась операция «Возрождение надежды». Для ее проведения была организована Объединенная оперативная группировка войск (ЮНИТАФ) общей численностью около 37 тыс. военнослужащих, в которую помимо основного ядра американских войск вошли воинские контингенты более чем из 20 стран мира. Она имела право применять «все необходимые средства» для нормализации ситуации. Действия войск ЮНИТАФ, несмотря на сложности и потери в личном составе, содействовали улучшению военного положения в Сомали и эффективному оказанию гуманитарной помощи. Уже в марте 1993 года были

созданы условия для формирования операции ЮНОСОМ II (в отличие от первой операции ООН, уже на основании гл. VII).

При выполнении полномочий ООН на проведение военно-принудительных операций чрезвычайно важно, чтобы это совершалось с соблюдением международных правовых норм и, в частности, исключительного права Совета Безопасности на санкционирование подобных операций. Эта позиция должна соблюдаться и при решении вопроса о начале операции по принуждению к миру силами региональной организации. Отход от него нельзя послужить оправданием ссылками на гл. VIII Устава ООН, в которой говорится о возможности таких действий для региональных соглашений или органов. В ст. 53 этой главы однозначно сказано, что подобные принудительные действия не могут предприниматься «без полномочий от Совета Безопасности». На этом основании военные действия США и их союзников в Косово (1999) и в Ираке (2003) никак нельзя назвать правомочными и оправданными, несмотря ни на какую риторику о необходимости силового вторжения для защиты прав человека и содействию в создании демократического общества или в сохранении его ценностей.

Но даже если самостоятельные операции по принуждению к миру силами региональных соглашений проводятся по решению СБ ООН, как, например, «Буря в пустыне» в Персидском заливе (1990-1991), то следует учесть, что непосредственное руководство ими осуществляется не ООН, а одним из государств. Во всех аналогичных случаях сосредоточение командования и управления принудительной военной операцией в руках одного государства (любого!) неминуемо делает саму операцию подверженной политическим пристрастиям и склонностям этого государства.

При анализе международных и региональных усилий конца XX – начала XXI века по урегулированию вооруженных столкновений появляется еще одно соображение. Как часто для решения этой задачи международное сообщество незамедлительно, почти не раздумывая, хваталось за оружие! Напрочь забывая при этом о существовании мирных средств и способов, которым, всегда следует отдавать выбор. Ведь только после того, как безрезультатно испробован весь политический и дипломатический потенциал, следует переходить к военным методам разрешения конфликтов. В современном мире международным и региональным организациям безопасности было бы полезнее сконцентрироваться на превентивной дипломатии – предотвращении войн и конфликтов. Это будет не только гуманнее, потому что позволит избежать губительных результатов кровавых катастроф – многотысячных человеческих жертв, уничтожения материальных и культурных ценностей, непоправимого ущерба природе и экологии, – но и сэкономит огромные финансовые средства. Интересно в связи с этим акцентировать внимание на одном показательном примере.

В октябре 1991 года ряд политических деятелей предлагал мировому сообществу положить на стол переговоров 5 млрд. долл. В качестве стимула для столь важного тогда ослабления позиций всех сторон югославского конфликта.

Однако большинством эта идея была категорически отклонена. И что же мы видим в итоге? Согласно официальным данным, только США потратили 22 млрд. долл. На урегулирование целой серии последующих конфликтов на Балканах. А общие затраты на международное вмешательство только на территории Боснии до и после Дейтонских соглашений (помощь беженцам и перемещенным лицам, гуманитарная помощь местному населению, операция ООН по поддержанию мира, силовая операция НАТО в 1995 году, постконфликтное миростроительство, помощь неправительственных организаций и т.д.) составили 71-80 млрд. долл. США [5].

В заключение можно подвести итог о месте и роли миротворчества в настоящее время. Современное миротворчество во всех его видах и формах – от превентивной дипломатии до разумного использования силы, – несмотря на все присущие ему издержки и недостатки, является эффективным способом предотвращения, контроля и урегулирования вооруженных конфликтов. По словам экс-Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, миротворческие операции «при соответствующих условиях... могут представлять собой гибкий и уникально адаптированный механизм противодействия конфликтам» [6]. И, при соблюдении выработанных в ходе более чем полувековой миротворческой практики ООН базовых принципов организации и выполнении операций по поддержанию мира, а также с учетом новых подходов к миротворчеству, особенно силовому, разработанных в последнее десятилетие.

Миротворческие подходы создают возможность гибко и комплексно воздействовать на конфликт с целью его урегулирования и дальнейшего окончательного разрешения. Причем параллельно, на уровне военно-политического руководства и среди самых широких слоев населения конфликтующих сторон, должна обязательно вестись работа, направленная на изменение психологических установок по отноше-

нию к конфликту. Это означает, что миротворцы и представители мирового сообщества обязаны по возможности «ломать» и изменять сложившиеся у сторон конфликта стереотипы отношений друг к другу, находящие выражение в крайней враждебности, нетерпимости, мстительности и непримиримости. Хорошим примером здесь может служить бывший глава правительства Израиля А.Шарон, который стремился найти компромиссные пути урегулирования затяжного кризиса, не разжигая слепой ненависти и неприязни к палестинцам, а призывая свой народ к терпимости и здравому смыслу.

Для повышения эффективности миротворческих усилий международного сообщества в целом нужно больше внимания уделять предупреждению возникновения или «разгорания» вооруженного конфликта, а также предотвращению военных действий там, где они еще не возникли. Хорошо известно, что предупредить болезнь гораздо легче и дешевле, чем ее лечить.

Важно, чтобы в миротворческих операциях выполнялись основополагающие международно-правовые нормы и не нарушались права человека и суверенных государств – как бы сложно это ни было сочетать. Особенно актуально это сочетание или хотя бы его попытка в свете новых операций последних лет, получивших название «гуманитарное вмешательство», или «гуманитарная интервенция», которые осуществляются в интересах отдельных групп населения. Но, защищая права человека, они нарушают суверенитет государства, его право на невмешательство извне – международно-правовые устои, сформировавшиеся веками и считавшиеся до недавнего времени неизблемыми. При этом, нельзя допустить, чтобы вмешательство в конфликт извне под лозунгом борьбы за мир и безопасность или защиты прав человека оборачивалось в неприкрытую вооруженную интервенцию и агрессию.

Необходимо, чтобы в дальнейшем во всех основных вопросах, связанных с миротворчеством, ООН продолжала сохранять свою руководящую роль, закрепленную в Уставе. Кстати, с этим согласны и все политические лидеры ведущих государств, о чем они постоянно заявляют на высоких международных форумах и встречах.

1. O'Prey K. *Keeping the Peace in the Borderlands of Russia. Occasional Paper No 23 // Handbook on UN Peace Operations. By Pamela L. Reed, J. Mathew Vaccaro, William J. Durch. The Henry L. Stimson Center, Wash., D.C., 1995.*

2. *Enhancement of African Peacekeeping Capacity. Report of the Secretary-General, 30 November 2004. Doc. A/59/591.*

3. Путилин Б.Г. *Использование вооруженных сил США для подавления национально-освободительных восстаний в городах (на примере Доминиканской Республики). Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1973.*

4. *По данным официального веб-сайта ООН [http://un.org/russian/peace/pko/review.html].*

5. Чугунов В.С. *Угрозы европейской безопасности: существующие и потенциальные // Белорусская виртуальная библиотека. Июль 30, 2004 [http://library.by/data/011/049.htm].*

6. Аннан Кофи А. *Причины конфликтов и содействие обеспечению прочного мира и устойчивого развития в Африке. Доклад ГС ООН, 13 апреля 1998 года. Док. ООН. A/52/871 – S/1998/318. – С. 11.*

Түйін

Мақалада қазіргі таңдағы БҰҰ бейбітшілік орнату қызметі мәселелері қарастырылады. БҰҰ бейбітшілік орнату іс-қимылдары халықаралық қақытғыстарды реттеуде жаңа талаптарды қояды.

Резюме

В статье рассматриваются вопросы миротворческой деятельности ООН на современном этапе. Миротворческие операции ООН требуют новых подходов в урегулировании международных конфликтов.

Summary

The questions of UN peacekeeping at the present stage. UN peacekeeping operations require new approaches in resolving international conflicts.

УДК 811.161.142:070.1 (574)

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Ш.А. Сабитова – *д.филол.н., КазНПУ им. Абая*

Внедрение Казахстана в международную систему коммуникации не означает автоматического расширения демократических процессов в регионе. Государство обязано регулировать информационный баланс, что не противоречит принципам информационной открытости и позволяет серьезно добиваться информационной независимости. Иначе говоря, казахстанским СМИ приходится учиться отстаивать интересы республики, создавать собственное информационное пространство на политической арене мира, завоевывать аудиторию за рубежом весомыми аргументами в пользу внешних и внутренних политических приоритетов государства. Именно такими обстоятельствами объясняется создание Казинформа, международной телекомпании «Каспионет», Академии журналистики Казахстана, общественного совета по СМИ при Президенте РК, проведение конгрессов, Евразийских медиа форумов и других активных шагов прессы в последние годы [1].

Вместе с тем республика считается одним из крупных потребителей зарубежных СМИ. Сегодня на информрынке представлены СМИ более чем 20 стран мира, без учета возможностей сети Интернет. В стране аккредитованы более ста зарубежных журналистов, представляющих всемирно известные агентства, такие как, «Рейтер», «Франс-пресс», «Би-би-си», «Ассошиэйтед Пресс», ИТАР-ТАСС, РИА «Новости» [1, с. 13].

Сегодня многие традиционные функции «печатной коммуникации» заменяются новыми с помощью мультимедийных интерактивных СМИ. Подключение к международной сети Интернет дает возможность вхождения в информационное пространство мирового сообщества, что открывает доступ к источникам информации в любой части нашей планеты и одновременно позволяет сделать новую генерируемую человеком информацию всеобщим достоянием. Интернет предоставляет пользователю широчайшие возможности приобщения к мировой культуре: электронные библиотеки, виртуальные музеи, богатейшие банки данных по самым разным областям человеческого знания.

Однако именно в условиях интенсивного использования глобальной сети становится возможным распространение вируса антикультуры. На первый план выступает коммерческая «инфицированность», призванная способствовать сбыту товаров (прежде всего информации). Общедоступность нередко подменяется вседозволенностью, поэтому возрастает опасность утраты национальной самобытности, включая самобытность языковую.

Как известно, информационный обмен лежит в основе всякого знания. Информация и знание по сути своей неразрывны, хотя между ними нельзя ставить знак равенства. Знание превращается в информацию только тогда, когда оно передается другим людям, т.е. в процессе коммуникации. Поэтому информация нередко рассматривается как знание, отчужденное от его индивидуального носителя и обобществленное в системе коммуникации.

В современном газетном дискурсе РК важную роль играет информация, язык и культура и др.

Демократизация газетного дискурса в современном его состоянии обуславливается преобразованиями в общественно-политической жизни нашего общества, а именно курсом на его демократизацию в различных сферах деятельности. Это повлияло и на изменение требований к языковой норме русского литературного языка, на что указывают ученые. Определяя «языковой вкус эпохи», В.Г. Костомаров подчеркивает: «В целом литературно-языковая норма становится менее определенной и обязательной; литературный стандарт становится менее стандартным» [2, с. 5]. Ученый указывает на диалогизацию сегодняшней речи, причина которой ему видится в расширении «литературного языка за счет народного и даже за счет посторонних, сомнительного качества, кажущихся нежелательными речевых источников»; в использовании новых приемов введения, построения и завершения речевого целого; в учете ожидания коммуникативного партнера-слушателя, читателя [3, с. 58]. Оправданным с позиции диалогизации речи представляется наиболее употребительный жанр светского газетного дискурса, отмечаемый в газетных материалах РК, – интервью.

Применительно к дискурсной деятельности следует говорить о новом типе участников коммуникативного акта, для которых характерен отход от прежних предписывающих установок о том, что и как писать.

В письменную речь проникают узуальные образования, не подвергнутые на определенном синхронном срезе кодификации, так называемые «модные словечки» и выражения. На это указывают многие исследователи современной русской литературной речи. О.А. Лаптева, в частности, говорит о стремительном распространении «в языке многих, поначалу, казалось бы, не слишком жизнеспособных явлений». В качестве примера ученый приводит «почти всеобщее и всеохватное использование в речи бессмысленного словечка *как бы*, пополнившего собою ряд слов-паразитов путем полной утраты свойственного ему изначально значения приблизительности». Исследователь полагает, что такого типа «словечки» несостоятельны: «Нынешнее его употребление функционально равносильно паузе обдумывания или вовсе нефункционально» [4, с. 62]. Новые установки и новые задачи зачастую проявляются в выходе за рамки дозволенного, в стремлении к натурализации, своего рода заигрывании с читателем, что в полной мере относится и к газетному тексту.

Газета – это система, состоящая из отдельных публикаций и заголовочного комплекса, части которого могут входить или не входить в текст публикации. Во многих казахстанских публицистических текстах употребляются заимствованные и иноязычные слова.

Газета как совокупность текстов, созданных разными авторами, как коллективный коммуникатор по своему воспроизводит окружающую действительность, предлагает читателю особый взгляд на мир, создает особую картину мира. Каждая газета имеет свое ментальное пространство.

Газета является коллективным коммуникатором. Каждый номер отражает общественно-политическую и психологическую позицию коллективного субъекта, выступает как безличный автор и рассчитывает на «своего» адресата как на часть своей концепции.

Современный газетный текст не просто сообщает. Он интригует, убеждает, стараясь быть востребованным читателем. Признаки газеты прежних лет имеют следующие характеристики: «повседневная доступность, огромный тематический диапазон, синхронная многоплановость содержания, информативная оперативность, фиксирование материала в удобной для читателя форме» [5, с. 57]. В современном газетном тексте отмечаются, кроме обозначенных, еще следующие из признаков: активная, открытая оценочно-воздейственная направленность газетного текста, усиление личностного начала, смысловая неоднозначность, ориентация на разные типы адресата, повышение роли оценочного компонента, стилистический динамизм, а также смещение приоритета от примата высокого до негативного. Все это говорит о повышенной роли когнитивно-дискурсного фактора в современной газете.

Н.И. Формановская указывает на полиадресатность газетного текста, определяемую ученым как тенденция, активно распространяющаяся в настоящее время. Открытость, композиционное варьирование, жанровая размытость делает газетные тексты популярными среди представителей разных социальных групп людей, обладающих стратегиями понимания [6, с.101].

Ученые также подчеркивают способность современного газетного текста быть востребованным, что обеспечивает покупательскую способность газеты в целом. Причем, современная читательская аудитория интересуется, прежде всего, фактами, получившими своего рода узуальное обозначение «жаренные факты». Они включают негативные события, экстремальные известия. Применительно к светскому газетному дискурсу это сведения об определенных сенсациях в жизни знаменитых актеров, певцов, композиторов, художников, писателей, другой творческой интеллигенции, обозначаемой в последнее время словом «звезды», а также о сенсациях из жизни обывателей. Преобладание негативно окрашенной информации свидетельствует о свободном развитии рынка прессы: пишут то, что оказывается востребованным. В связи с этим современные авторы газет и показывают изнанку событий социальной жизни. Именно сообщения о скандалах, конфликтах, разоблачениях, катастрофах и стихийных бедствиях, так называемое «копание в грязном белье», способны стабильно удерживать внимание читательской аудитории.

В данном случае особо следует отметить, что для казахстанских СМИ, в частности для казахстанского светского газетного дискурса, не свойственна открытость сексуальной тематики, обозначений интимного характера, что, на наш взгляд, объясняется, прежде всего, ментальностью казахского народа, в котором веками закладывались такие свойства характера, как стыдливость, трепетное отношение к интимному, недоступность этой сферы. Даже российские газеты с казахстанским грифом типа «МК в Казахстане» не допускают подобного рода публикаций.

Газетный текст, однако, даже при подаче сенсационных сообщений не утрачивает своей воздействующей силы и даже манипулирует сознанием читателя. Это обуславливается тенденцией к диалогизации сегодняшней речи, на что указывалось выше, и спецификой русского речевого поведения. При этом под речевым поведением мы, вслед за Т.Г. Винокур, понимаем феномен говорения/письменного высказывания, включающий внутриязыковые закономерности подсистемной дифференциации стилистических явлений и внешние социальные и социально-психологические условия коммуникации, мотивирующие

отбор внутриязыковых закономерностей. Как справедливо отмечает ученый, «речевое поведение предстает как визитная карточка человека в обществе» [7, с. 29]. В свою очередь, таковым является и речевое поведение журналиста в глазах читателей.

В этой связи нами производится анализ речевого поведения журналиста-автора светского газетного дискурса. При этом мы опираемся на предложенные Т.Г. Винокур параметры описания составляющих единиц речевого поведения [7, с. 30]:

- 1) узуально-нормативная оценка лексико-грамматических единиц, используемых в высказывании;
- 2) невербальные компоненты, переводящие текст в дискурс;
- 3) прагматическая сторона речевого акта, соотносящая подбор коммуникативных средств с субъектом речи;
- 4) мотивирующий фактор возникновения речи у субъекта;
- 5) социолингвистический аспект высказывания, соотносящий субъекта речи и его высказывания с реальным положением языковой жизни данного общества на современном этапе его развития.

Учет обозначенных параметров применим, по нашему мнению, к субъекту речи, в качестве которого выступает журналист.

Т.Г. Винокур делит речевое поведение на два вида: информативное (сообщение) и фатическое (общение) [7, с. 108]. Исходя из этой дифференциации можно утверждать, что светскому газетному дискурсу свойственно информативное речевое поведение. Такое поведение, однако, не исключает направленность сообщений на читателя, поскольку суть предназначения газетного текста кроется именно в учете читательских вкусов и интересов. В контексте информативного речевого поведения автора газетно-го дискурса неоднозначным оказывается дискурс, передаваемый в жанре интервью, особенно характерном для рубрикации светских хроник. Речевое поведение интервьюирования, как нам представляется, выступает в двух разновидностях: информативной – по отношению к читателям, фатической – по отношению к задающему вопросы автору статьи. Последний вид значим уже потому, что интервьюируемому важна реакция опрашивающего, от которой зависит дальнейшее развертывание коммуникативного акта. В речевом поведении интервьюируемого, таким образом, обнаруживается ситуация, определяемая Т.Г. Винокур «как ориентация на двойного адресата» [7, с. 118]. В этой ситуации основной его интенцией, однако, оказывается воздействие на читателя, которому, в первую очередь, адресована его речь, стремление путем изложения фактов из собственной жизни убедить адресата в чем-то жизненно важном, передать идейную суть излагаемого.

Таким образом, при таком условии зачастую используется манипуляция сознанием. Демократизация газетного дискурса в современном его состоянии обуславливается преобразованиями в общественной и политической жизни нашего государства.

1. Козыбаев С.К. *Свет звезды: Элита отечественной журналистики*. – Алматы, 2006. – с. 13.
2. Костомаров В.Г. *Жизнь языка*. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – с. 5.
3. Костомаров В.Г. *Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой*. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – с. 58.
4. Лаптева О.А. *Теория современного русского литературного языка*. – М.: Высшая школа, 2003. – с. 62.
5. Васильева А.Н. *Газетно-публицистический стиль речи*. – М.: Русский язык, 1982. – с. 57.
6. Формановская Н.И. *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения*. – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1998. – с. 101.
7. Винокур Т.Г. *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения*. – М.: Наука, 1993. – с. 30.

Түйін

Біздің мақала Егеменді Қазақстанның газет дискурсының (мәтін) тіл ерекшеліктері мәселелерін зерттеуге арналған. Қазақстан Республикасы Тәуелсіздік алғаннан бері бұқаралық ақпарат құралдарының даму барысы жақсарды, сондықтан газеттік мәтіндерді зерттеу лингвистикада маңызды болып табылады.

Резюме

Наша статья посвящена проблеме изучения языковых особенностей газетного дискурса (текста) суверенного Казахстана. В обретении независимости Республики Казахстан улучшилась интенсивность развития средств массовой информации, поэтому изучение газетного текста является актуальным в лингвистике.

Summary

Our article is devoted to the problem of study of linguistic peculiarities in newspaper discourse (text) of the sovereign Kazakhstan. After Republic of Kazakhstan gained independence intensivity of mass media development increased, therefore, study of the newspaper text is actual in linguistics.

УДК 327 (574)

DEVELOPMENT OF DEMOCRATIC INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF POLITICAL SYSTEM MODERNIZATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

K.S. Nurgalym – *Almaty city, Kazakhstan*

Democratization process during transition period in Kazakhstan has its stages and internal subjective logic of the objective. According to some researchers, the stage of post-communist transformation has changed the political and economic structures. Based on notes of the President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev, we abandoned the political and economic system existed for 70 years [1], because democracy requires intellectual property rights and freedom of expression.

Based on achievements of political thoughts, modernization theory was further developed and it became necessary to study political processes in Kazakhstan. «Political modernization - is not only institution that provides opportunity for constant and fruitful growth of the political system in order to guide social systems, but it also creates a channel between government and people» [2]. Thus, addressing social needs of the people and the strengthening its political communication with the state is the basic pattern of modernization in the political sphere.

Modernization theory was established and fully justified in the works of many scientists studied this problem as follows: stages of human development of O. Kant, historical materialism of K.Marx, "rationalization" of Max Weber, "abstraction" of G.Zimmel, F.Tennist - "Community" and "society, E.Durkheim "from mechanics to the organic community," T.Parsons - "social classification", etc.

Essentials of «modernization» process and criteria for its development, in other words "modernization theory" were formed in the late 50's and early 60's of last century. New theory appeared at the junction of different sciences and economists took huge part in this. Writings of U.Rostow "Stages of Economic Development" appeared in 1960in UK, especially his chapter "Non-Communist Manifesto" played important role in the development of this theory [3]. Modernization theory and some of its principles were developed mainly by American scientists in 1950. T. Parsons also contributed a lot in formation of modernization theory, his political ideas were put into practice [4].

President's Institute, appeared during Soviet Union break-up and interchange of its state institutions (Congress of People's Deputies and the history of their appearance), showed that subjects are formed during the process of factors collision of the process itself. About the institutions created in response to such events, R.Dahl writes: "Consents created in the transition from non-democratic governance to democratic government gradually converted into the discipline (practice), and it, in turn, became the Institute" [5]. Place and practice of political entities use in political institutions is essential condition to determin political system structure. For instance, their role and nature can be defined in Parliament, local government, in state coalitions. "Political system" using political institutions, aims to power. It is natural kind of will to power. Its main way is that an individual person or "political party", using the institute announces about his aspiration for power [6]. After state registration political parties publish their programs and start working with their voters. Using institution of "election", they determine the level of public support and in case of win they carry out their own programs by means of such institutions as Parliament, President, Government, local authorized body. This is precisely why the main aim of political system category use is determination of role for political subjects and their ideologies, which are involved in political decision-making in society and creation of future directions of its development.

Category of political system is the basic category, which aspire for power and tries to influence to control process through political institutions of power and position of these institutions. And such active political subjects and their definition, certainly provide opportunity to define future direction of development and existence of any society. As a result, we are getting opportunity to predict society development by determinanion of political subjects formation in society, their difference and political ideologies, and their role in political decisionmaking process.

As it can be noticed ideas that form the basic of democracy laws are not universal. However all democratic theories have inherent disadvantages. But to date, democracy is the most famous method and form of control, and aspiration for its ideals and the goal of all mankind. As U.Churchil noted "democracy has many disadvantages but it has one feature: up to now nobody has come up with something better." In our view, democracy is not a fact of life that exists forever. Democracy is a mechanism by is means people, their groups, institutions lean the truth, and

survival rules thus getting consensus in confrontation.

D.A. Rostow does not emphasize such concepts as "economic development" and "formation of social groups" as the basis for democracy formation. According to him, the process that leads to democratization is political conflict. He notes that democracy is not a dictator gift to population. It is possible only in case of a political clash. Hence, democracy cannot be received "as a gift". In connection with this preparation phase is inextricably linked to the liberalization and opposition freedom. Moreover, democracy is associated with competition and political compromise. It changes its appearance during the collision and coherence of various opinions that involves birth of different political forces. [7]. Democratic institutions developed gradually. In other words democratic political disciplines not immediately find their place in the various society spheres. Political democracy has historical nature and does not convert from one type of society to another political phenomenon by itself.

The process of democracy making and formation is vast social phenomenon. If the disunity prevails in society, the true democracy hardly finds place in such society. Democracy is the result of folk art and progressive actions of its leaders. Democracy can not be imposed by force, because paternalism becomes a bureaucratic control in the end the of democratic process. As long-standing practice shows the guarantee of democracy is, first of all, the society itself. The second are democratic institutions that preserve democracy in society. The third, democracy is got stabilized by means of political power, legal instruments, cultural and morality norms.

Democratic institutions shall be adapted to specific conditions of society. That certainly requires some effort. This process requires internationally recognized democracy to convert into national mentality and sovereignty shall be based on it. It also provides opportunity to form Youth Institute in the Republic of Kazakhstan, to monitor implementation of the youth policy in respect of population relations and government agencies, to learn and know the ropes of social and economic position of young people. It is necessary to consider the basic principles of democracy in this process.

Democratic modernization process can not be called as a process, which moves only forward and not going back. As the world practice shows it is possible to loose results and benefits of democracy for many reasons. In such situations, it takes time to form and develop new political forces. There is no need for random search of new ways and forms of democratization, much more important to keep the result of democratization already carried out. Otherwise political leaders won the elections, can use democratic leverage for their own advantage with the advent to governance, so democracy basis can be destroyed and eliminated. As a result such regimes may become an "authoritarian democracy". Such democracy is not a true democracy, but only a transitional stage on the way to a true democracy.

Constitution of the Republic of Kazakhstan adopted in 1995 became a law guaranteeing the diversity of political parties and multilateral saturated life of society. That provided opportunity for scientists, politicians of the Republic to write new study, objectively evaluating processes and phenomena occurred at the different stages in the history of the state and law, without any ideological advantage, without outside pressure. Issues were raised previously forbidden and private, confidential archives became accessed. As a result, new research studies were published.

According to researchers used different approaches to the subject mediation institute is a sign of common democracy image:

- recognize people as a source of power in the independent media, because the people is the power that shapes the state and constitutional power, they shall elect their own authorities and be able numerously change them, and are entitled to participate in the preparation and adoption of laws through referendums;
- all citizens have equal rights, democracy specifies equality of voters rights;
- subordination of minority to majority in decision-making, respect of minority honor and dignity;
- elected principal organs of the state;
- reporting of Akims to Maslikhats and people.

Important and necessary element of the state is the local authority, local self-administration. They become the main tool for domestic policy implementation. It is virtually impossible to evaluate development potential of the country and society without the research of historical factors of local government development in the Republic to Kazakhstan. As on date the role of local government and self-administration, their substance and content remain the same, the form only changes. The concept of "local governance" in Soviet times was identical to the principles of the Council of People's Deputies. Totalitarian state considered the Councils as a political basis. Exactly this form of local authorities arrangement came together with Soviet state formation. Endowed with special powers, they took decisions not only of local level, but also they managed and coordinated the actions of all organizations within their rights and powers. True power from the very beginning was accumulated in the Party authorities, so Soviet Councils only announced the people's power. Of course, the problem of power democratization worried

society in the Soviet period as well [8]. Therefore local government system was reformed by means of transfer the functions of Party authorities to Soviet Councils, limiting the functions of the central ministries and departments as well.

Constitutional law defines an entirely new view on the legal status of the local competent authorities in concept plans of society governance. According to the Constitution provisions state power is an institution of the people's power. Maslikhats status was defined. Maslikhat can be simultaneously a subject and object, and local government. Constitution as an institution of the People's Power and as subject of state administration does not make any restriction for Maslikhats.

The Constitution covers ideas relevant to local government and self administration as well as problems of state and legal control. Maslikhat and mayors (akims) has to know "what people think, and demand" in each particular case, identifying ways and means of problems solving in accordance with their administrative and regional powers.

So, interest of local government and the entire nation must be taken into account during principles implementation and management solutions content. In general, political institutions provide opportunity to determine political direction of democracy, because political institutions determine the rules of political factors struggle for power.

Development of the Assembly of Peoples of Kazakhstan as an authorized institution becomes an effective tool for society democratization. Performance of small Assemblies together with the activities of regional Maslikhats provides an opportunity to work together with national cultural communities encouraging relationship strengthening between them.

In order to enhance Kazakhstan credibility and legal policy development international relations are governed by state authorities in accordance with the requirements of the international communities. Democratization of society, the people alliance, provision of citizens friendship, international ethnic harmony and internal political stability, as well as performance of the Strategy "Kazakhstan-2030" targets - all this is the basis to strengthen independence of the Republic of Kazakhstan.

Political analytics, scientists, statesmen of Kazakhstan pays great attention to the crisis overcome problem. President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev, exploring the crisis causes and ways to overcome it, poses specific challenges being actively discussed, not only in our country but also abroad. We have clearly defined our plans for industrialization and technological development of our economy. The main aim of our programs is to strengthen population welfare [9]. State institutions are being formed in order of efficient implementation of Kazakhstan development plans till 2020. In this connection public sector reforms were defined. Efficiency, transparency and the reporting principle to the people - administrative reform should be implemented using these methods.

Industrialization program implementation was reflected in such works of the state head as "Kazakhstan on the way of economic, social and political modernization", "Strategy of Kazakhstan entrance into number of 50 most competitive countries." Implementation of these plans requires action not only on the part of government agencies but also by each citizen of the country.

1. Nazarbayev N.A. *In a stream of stories Almaty*: – Ed. "Atamura", 1995. – 295 p.
2. Imanbekova B. *Society industrialization and political research // Izdenis Find, Ser. Humanities. 2008. №1 (1) – 83 p.*
3. *Methodological aspects of political modernization theory. Methodological problems of economical development, social relations and social policy in the Republic of Kazakhstan. 2008 April 22.*
4. *President and modern youth - both sides of Kazakhstan way: Materials of university scientific conference. – Karaganda, 2008. – 2 p.*
5. Dahl R. *About Democracy. – M.: Aspect Press, 2000. – 208 p.*
6. Amirbekov S.A. *Political subjects as elements of political system // Sayasat. 2009. – No. 8. – 24 p.*
7. Hetsuryani S. *Eather democracy or security? // Legal, economic, political. cultures. 2006. – 8 p.*
8. Ismagambetov J.S. *Soviet Councils shall manage the economy. – Alma-Ata: Kazakhstan, 1990. – 3 p.*
9. *New Kazakhstan in the new world. Message of the President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev to the people of Kazakhstan // Kazakhstanskaya Pravda. - March 1, 2007.*

Түйін

Бұл мақалада Қазақстандағы қоғамның саяси жаңаруы мен білім беру саяси жүйе институттарына талдау жасалған.

Резюме

В данной статье дается анализ политической модернизации общества и политической системы институтов

Summary

Present article analyses society political system modernization and political institutes' formation in Kazakhstan.
УДК 327 (574)

СОТРУДНИЧЕСТВО В ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА)

Т.Н. Чумаченко – *к.полит.н., кафедра международных отношений КазНПУ им. Абая*

В 2012 году исполнилось 20 лет партнерству и дипломатическим отношениям между Республикой Казахстан и Республикой Кыргызстан.

Интенсивность двусторонних контактов постоянно растет и имеется определенный уровень взаимопонимания в области совместного и рационального использования водно-энергетических ресурсов в регионе. Трансграничное управление реками – это важный аспект этих отношений. Бишкек заинтересован в развитии экспортного потенциала гидроэнергетики, тогда как для Казахстана, жизненно важен вопрос использования воды для нужд сельского хозяйства /1/.

Стороны активно взаимодействуют с международными организациями по вопросу использования воды в рамках Специальной программы ООН для экономик Центральной Азии, Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК), Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого Океана (ЭСКАТО). Идентичность позиций отличает сотрудничество по данной проблеме в рамках ШОС, ЕврАзЭС и ОДКБ.

Следует отметить, что проблема водных ресурсов в Центральной Азии была ощутима уже в 70-80-е гг. прошлого столетия. Для начала несколько цифр. За период с 1960 по 2000 гг. доля водозабора с рек выросла с 52% до 103% в 1980-м году, и сейчас она колеблется в районе 99-110%. Например, как формируется и используется сток реки Сырдарья? В Казахстане сток формируется на собственной территории всего на 6,5%, а водозабор Сырдарья – 38%. Аналогичная ситуация по Узбекистану. По стоку реки Амударья, например, на территории Таджикистана формируется 63% стока реки, а используется всего около 18%, Основная же часть стока Амударья используется в Туркменистане /2/.

В советские времена все было просто: летом по команде из Москвы вода шла вниз на поля, а зимой накапливалась. При этом "верхние" исправно снабжались нефтью, газом, углем. С распадом СССР "выяснилось", что за энергоносители надо платить, а вода осталась как бы бесплатной. Бишкек и Душанбе начали требовать денег за воду, более того – шантажировать "нижних". Не получая энергоносителей, Киргизия и Таджикистан стали строить новые гидроэлектростанции, плотины и водохранилища. И теперь зачастую водохранилища пополняются летом, а с наступлением холодов, когда потребность в гидроэнергии возрастает, их опорожняют. При этом та же Киргизия спускает такое количество воды, что берега и дамбы не выдерживают, вода разливается по территории Узбекистана и замерзает; страдает и Казахстан – ведь эта вода не доходит до иссыхающего Арала.

Суть проблемы водопользования в бассейне рек Аральского моря в различии интересов государств верхнего и нижнего течения. Первые заинтересованы в использовании стока рек в энергетическом режиме, вторые – в ирригационном. Министр иностранных дел Кыргызстана по этому поводу заметил. «Так уж сложилось распределение ресурсов в центрально-азиатском регионе, одни владеют нефтью и газом, другие – водой. И так уж сложилось в мире, что каждое государство должно научиться управлять своими ресурсами, если хочет достигнуть развития. Возможности экономики Кыргызстана связаны с гидроэнергетикой, и нам необходимо научиться распоряжаться водой с учетом национальных интересов. Не мы это отменили, но бартерные отношения между республиками Центральной Азии остались в прошлом. Значит, возникла необходимость учиться жить в рыночных отношениях на взаимовыгодных условиях. Именно – взаимовыгодных» /3/.

Киргизские экономисты пытаются реализовать старые советские планы строительства мощных гидроэлектростанций, которые существенно увеличили бы экспортный потенциал страны. Но при этом они не очень задумываются о возможных геополитических последствиях такого шага, а именно о реакции других стран, использующих те же водные ресурсы ниже по течению. Острее всего на это, вероятно, может отреагировать Узбекистан, потому что Казахстан в определенной степени заинтересован в том, чтобы Киргизия увеличила производство электроэнергии, так как это помогло бы трансформировать связи, унаследованные от советской эпохи, в отношения, в большей мере построенные на рыночных принципах. По результатам двусторонних и многосторонних встреч осуществляется согласованный ре-

жим пропуска воды из Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ взамен на поставку из Казахстана угля и мазута.

Эксперты отмечают, что «основную причину в безрезультатной деятельности в вопросах водорегулирования следует искать в геополитических интересах руководителей центрально-азиатских стран, для которых обладание водными ресурсами и запасами пресной воды имеет большое значение, как в хозяйственном, так и в военно-стратегическом смысле» /4/.

Именно по этой причине всякий раз при усилении межгосударственных противоречий в регионе начинают подниматься вопросы функционирования водно-речных и водосберегающих систем.

Воды в регионе катастрофически не хватает, причем ситуация год от года обостряется. Вообще говоря, такого не должно было бы быть: население среднеазиатских республик и южного Казахстана не превышает 50 млн. человек, а совокупный сток поверхностных вод – около 116 куб. км в год, причем вся эта вода доступна для забора; получается свыше 2320 кубометров на душу населения – более чем достаточно по мировым нормам /5/.

«Водная проблема» Центральной Азии заключается в том, что почти вся используемая вода берется из двух главных рек – Сырдарья и Амударья, формирующихся в горах Памира и Тянь-Шаня. Сырдарья течет из Киргизии через Таджикистан в Узбекистан (через густонаселенную Ферганскую долину) и Казахстан, Амударья – из Таджикистана в Туркмению и Узбекистан. Таким образом, богатые нефтью, газом и другим сырьем "нижние" страны – Туркмения, Узбекистан, Казахстан – находятся в водной зависимости от бедных "верхних" стран: доля Таджикистана и Киргизии в формировании стока поверхностных вод в регионе составляет порядка 85%. Острота проблемы проявилась в феврале 2004 г., в ходе борьбы Казахстана, Киргизии и Узбекистана за использование общего для трех государств бассейна Сырдарья: переполненность зимой 2004 г. Чардаринского водохранилища на 70 млн. куб. м. представляла реальную угрозу для населенных пунктов и промышленных объектов /5/.

Заметим, что накал страстей в киргизском обществе по "водному вопросу" накладывается на территориальные споры с Узбекистаном и Казахстаном. Приграничные конфликты, связанные с борьбой за контроль над водными богатствами, уже имели место и между Узбекистаном и Туркменией. Комментируя развитие событий, западные эксперты подчеркивают, что необходим целый комплекс соглашений, регулирующих использование водных ресурсов. Причем потребителям придется смириться с тем, что вода станет товаром, а не бесплатным "даром свыше". Между тем ситуация вокруг проблемы водоснабжения и водопользования в Средней Азии, по мнению аналитиков, становится все более критической, и нельзя не считаться с угрозой возникновения в будущем войн за господство над водными ресурсами. Есть, однако, и еще одна причина "водной" проблемы в Центральной Азии. Это крайне нерациональное использование воды. По оценкам экспертов, до 50% используемой в Центральной Азии воды расходуется впустую.

Кристофер Мартиус, координатор проекта экономической и экологической реструктуризации земле- и водопользования в Узбекистане, отмечает, что во всех государствах Центральной Азии наблюдается "чрезвычайно высокий" уровень расхода воды на душу населения – "в 10-20 раз выше, чем в развитых индустриальных странах" /5/.

Постсоветские республики Центральной Азии приобрели первостепенное геополитическое значение, масштаб которого едва ли можно было себе предположить до 11 сентября 2001 г. В условиях обострения традиционного стратегического соперничества между крупнейшими державами за обеспечение своих интересов в регионе «водная проблема» имеет серьезное значение. В частности, Россия и Китай, заинтересованные в Центральной Азии предлагают собственные сценарии. Так, на западе Китая быстрыми темпами завершается строительство водоканала «Черный Иртыш – Карамай», по которому часть вод верховья Иртыша будет перебрасываться в район нефтяного месторождения близ города Урумчи. При реализации грандиозных планов Пекина восточная область Казахстана может быть обезвожена. Как известно, казахстанские реки – Или и Иртыш – берут свое начало на территории Китая. Еще во времена Советского Союза экологи указывали на то, что китайцы постоянно увеличивают водозабор, причем если тогда эта тема активно обсуждалась, то с началом нового столетия стало ясно: Китай от своих планов не откажется, поэтому надо искать пути самостоятельного решения сохранения водных ресурсов. Таким образом, планы Пекина стали еще одним дестабилизирующим фактором «водной проблемы» в регионе.

Киргизия может контролировать режим поступления воды в бассейне Сырдарья через Токтагульское водохранилище с несколькими ГЭС, расположенными ниже. Бишкек предпочитает использовать Токтагульское водохранилище в энергетическом режиме. Хотя это доставляет немало проблем Узбекистану: повышенный сброс воды из водохранилищ каскада Нарынских ГЭС создает угрозу эколо-

гической катастрофы в Ферганской долине Узбекистана из-за резкого колебания объемов воды от 450 до 700 кубометров в секунду. Дальнейший сброс столь высоких объемов воды может привести к разрушению дамб и затоплению прибрежных населенных пунктов.

Заметим, что чиновники «нижних стран» ЦА лукавят, когда обвиняют в эгоизме Таджикистан и Киргизию. Во-первых, основное бремя по поддержанию большей части плотин и водохранилищ, расположенных в верхних руслах Сырдарьи и Амударьи приходится на эти две республики. Кроме того, наличие водного потенциала для них является естественным национальным экономическим ресурсом, и они просто используют его для своих потребностей. Выходом из этого 15-летнего тупика может стать только стопроцентная координация действий по водным ресурсам и разделению ответственности между всеми игроками. Иными словами, если Казахстан и Узбекистан требуют от Киргизии снижения сброса воды в зимний период, то они могли бы помочь соседу с более дешевыми энергоресурсами, чтобы покрыть энергодефицит в республике.

В подобной ситуации возрастает роль России. Один из вариантов решения проблемы стали проекты «РАО ЕЭС». К примеру, в январе 2003г. «РАО ЕЭС» заключило пятилетний договор с киргизскими компаниями о ежегодной поставке в Сибирский регион электроэнергии. Выбор Киргизии обусловлен ее гидроэнергетическим потенциалом, оцениваемым в 142 млрд. кВт/ч/5/.

РАО ЕЭС предлагает также Киргизии принять участие в создании евразийского энергомоста, т.е. единой энергетической системы СНГ, а впоследствии Европы и Азии. Но для этого необходимо активизировать ее гидроресурсы, в частности, построить две ГЭС на р. Нарын. Необходимым условием для реализации проекта является согласие Узбекистана и Казахстана, которым будет необходимо обеспечить бесперебойную поставку воды. Ясно одна вода становится стратегическим ресурсом для ЦА.

Выход из этой проблемы возможен при наличии согласованной региональной политики, устойчивого функционирования схемы водно-энергетического обмена и совместного освоения гидроэнергетического потенциала рек. Ограниченные водные ресурсы распределены по территории стран ЦА крайне неравномерно. Сезонные потребности в воде каждого государства региона для ирригации и энергетики различны, что требует сложных межгосударственных согласительных процедур.

Сценарии, разработанные международными организациями, говорят об увеличении спроса на водно-энергетические ресурсы. Дальнейшее нарастание дефицита воды в регионе становится фактором, оказывающим серьезное влияние на экономику. Естественно, это сказывается на экологической обстановке в регионе.

Другая актуальная проблема – перераспределение избыточной электроэнергии, вырабатываемой гидроэлектростанциями в летний период и покрытие зимнего дефицита энергоресурсов.

Для стран нижнего течения рек возрастают риски затопления в зимний период, катастрофических наводнений, что ведет к существенным экономическим потерям. Отсюда следует, что проблема водного энергетического регулирования требует комплексного решения, предполагающего усиление экономической интеграции стран ЦА.

Сложность в том, что страны ЦА не имеют инвестиций в объеме, достаточном для эффективного развития объектов гидроэнергетики.

Еще в сентябре 2006 года «водный вопрос» оказался в центре внимания глав государств Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана, собравшихся на так называемую неформальную встречу в Астане. Повестка дня саммита была связана с проблемой использования водно-энергетических ресурсов, а также экологии. Отсутствие заключительного совместного коммюнике по результатам встречи свидетельствовала о сохраняющихся серьезных противоречиях между участниками встречи.

Принятые ранее государственные соглашения, основанные на принципе водно-энергетического обмена, не смогли еще сформировать надежно функционирующий механизм совместного водопользования. Решением органов ЕврАзЭС сформирована группа высокого уровня по вопросам выработки согласованных механизмов в водно-энергетических регулируемых бассейнах рек Аральского моря, подготовлен предварительный проект концепции системы использования вод энергетических ресурсов центрально-азиатского региона. Предполагается, что на основе концепции государственными членами сообщества должно быть заключено соглашение о сотрудничестве государств в этой сфере. Стороны при этом определяют, какие управляющие и исполнительные органы необходимы для реализации цели и концепции.

Приоритетом в данном вопросе является выработка общей региональной политики справедливого и рационального освоения и использования водно-энергетических ресурсов, учитывающей нормы международного права. При этом главным принципом должна быть неразрывность водно-энергетических режимов бассейнов рек с режимом потребления электроэнергии и инвестициями в строительство и рекон-

струкцию гидроэнергетических водохозяйственных объектов межгосударственного значения.

ЕврАзЭС определил следующие цели и задачи в водно-энергетическом секторе:

- разработка и реализация согласованных мероприятий в области рационального использования водно-энергетических ресурсов;
- принятие мер по обязательному выполнению межгосударственных соглашений и договоров, а также между хозяйствующими субъектами государств-членов ЕврАзЭС по всем вопросам, связанным с использованием водно-энергетических ресурсов. Здесь нужно отметить, что действующие сейчас соглашения и договоренности не всегда выполняются всеми государствами в полной мере;
- обеспечение оптимального соотношения ирригационного и энергетического режимов работы водохранилищ;
- привлечение инвестиций для реализации проектов реконструкции существующих водно-энергетических хозяйственных объектов;
- межгосударственного значения; создание стимулов для привлечения инвестиций;
- создание условий для производственной кооперации в водохозяйственной и энергетической отраслях.

Последние 10 лет обсуждается создание системы международного водно-энергетического консорциума. Исполнительный орган должен быть создан уполномоченными сторонами в форме юридического лица и должен являться экономическим и технологическим органом по реализации норм соглашения «свыше» и решения группы высокого уровня. Исполнительным органом будут использованы все уже существующие региональные органы и структуры, управляющие водно-энергетическими ресурсами.

Началось строительство Сангудинской ГЭС и Рогунской ГЭС в Таджикистане, прорабатываются возможности завершения строительства Камбаратинской ГЭС-1 и 2 в Кыргызстане.

Создан Евразийский банк развития. Учредители – Казахстан и Россия, которые сформировали фонд объемом \$1,5 млрд. Банк при этом открыт для других государств сообщества. Одна из целей деятельности банка финансовое обеспечение строительства объектов гидроэнергетического и водного хозяйства стран ЦА /6/.

Развитие гидроэнергетики и устойчивого водопользования обеспечит дополнительные рабочие места в строительстве, в промышленности и в сельском хозяйстве за счет повышения продуктивности орошаемых земель.

По замыслам США, электроэнергия из Киргизии и Таджикистана будет экспортироваться в соседние страны, а также в Афганистан и далее в Пакистан.

В этой связи Агентство международного развития США подготовило проект создания единого электрического рынка Казахстана, Киргизии и Таджикистана. В США готовится проект, направленный на формирование единой энергосистемы Центральной и Южной Азии от Казахстана до Индии. Американцы говорят и о планах прокладки через афганскую территорию трубопроводов и транспортных коммуникаций в сторону Индийского океана. Но ситуации в Афганистане опровергает эти проекты. Американский проект БЦА находится на стадии создания инфраструктуры контроля США за развитием государств региона.

Проблемы совместного использования водных ресурсов могут стать катализатором для усиления межэтнических и межгосударственных противоречий в государствах Центральной Азии. Негативный прецедент разрешения спорных вопросов использования трансграничных водных ресурсов может нести серьезные последствия для всех стран Центральной Азии. Существующие сложные проблемы отношений между государствами региона снижают эффективность отдельных государств, работы отраслей хозяйства, уровень безопасности жизнедеятельности населения, существования водных и наземных экосистем.

Водопользование в регионе и возможности его контролировать превращается в мощнейший механизм экономического и политического давления со стороны некоторых государств Центрально-Азиатского региона. Предлагаемые какой-либо стороной решения узловых вопросов не всегда приемлемы для остальных сторон. Кроме того, инициативы в области использования водных ресурсов не редко воспринимаются как попытка для оказания давления или закрепления преимущественного положения к конкретным водным ресурсам.

Тем не менее, для устранения имеющихся межгосударственных противоречий в использовании водно-энергетических ресурсов трансграничных рек, совершенствования межгосударственных соглашений весьма своевременной и актуальной является разработка и утверждение Национальных водных стратегий, и на их основе выработка и принятие Региональной водной стратегии.

В этом плане перспективным видится то, что в рамках ЕврАзЭС было инициировано предложение

подготовить концепцию эффективного использования водно-энергетических ресурсов. В проекте данной концепции, предусмотрено решение масштабных инвестиционных проектов, касающихся крупных ГЭС, строительства ГЭС для компенсации энергодефицита в течение вегетационного сезона, что позволит дать толчок развитию национальных экономик Кыргызстана и Таджикистана.

Большое значение на современном этапе приобретает разработка механизма рационального использования гидроэнергетического потенциала региона.

9 октября 2012 года прошло 15-е по счету, заседание координационного энергетического совета Центральной Азии прошло в Акмолинской области Казахстана /7/.

Руководители энергетических компаний и диспетчерских подразделений трех стран обсудили итоги деятельности Объединенной энергосистемы (ОЭС) Центральной Азии в прошедший вегетационный период и ожидаемый режим работы в предстоящий осенне-зимний период 2012-2013 годов.

Участники встречи обсудили план мероприятий по координации сотрудничества, а также рассмотрели вопросы исполнения совместных решений и принятых ранее обязательств. Казахская сторона в целях осуществления взаимовыгодного сотрудничества и необходимости сохранения режима параллельной работы в предстоящий осенне-зимний период инициировала работу по подготовке совместно с акционерным обществом «НЭС Кыргызстана» и компанией «Узбекэнерго» проекта договора о параллельной работе энергетических систем Республики Казахстан, Киргизской Республики и Республики Узбекистан. Участники встречи подчеркнули, что принятие важного документа позволит детализировать условия партнерства и создать правовую базу по обеспечению экономичной и надежной параллельной работы электроэнергетических систем стран.

Этот координационный электроэнергетический совет Центральной Азии (КЭС ЦА) является совещательным органом. Он был создан еще в 2003 году по инициативе казахской стороны с участием национальных энергетических компаний Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана.

Казахстан заинтересован в сотрудничестве с Кыргызстаном в ряде проектов в водно-энергетической сфере, в частности, в строительстве Камбаратинской ГЭС-1 и Камбаратинской ГЭС-2.

14 августа 2012, на пресс-конференции сообщил Чрезвычайный и Полномочный посол Казахстана в Кыргызстане Бейбит Исабаев сообщил, что Казахстан заинтересован в сотрудничестве с Кыргызстаном и «Кыргызстанская сторона также предлагает построить ТЭЦ на Кара-Кече. На сегодняшний день Казахстан рассматривает данное предложение» /8/.

Сотрудничество Кыргызстана с Казахстаном по всем направлениям двусторонних отношений было и продолжает оставаться одним из приоритетов внешней политики Кыргызстана. Сегодня наши государства проявляют стремление к развитию всестороннего взаимовыгодного сотрудничества практически во всех сферах. Это обусловлено не только географической близостью, глубокими родственными корнями, сходством культуры, традиций и общностью исторических судеб двух стран, но также дружескими, добрососедскими связями.

1. *Курятов В. Астана-Бишкек: новый этап отношений// Казахстанская правда. 2012 – 23 августа.*

2. *Мироненков. Что кроется за нехваткой воды: ситуация с наличием водных ресурсов и водопользованием в Центральной Азии//www.c-asia.org 18 ноября 2006.*

3. *Внешний дела или деловая внешность Интервью министра иностранных дел Кыргызской Республики Карабаева Э. // Сайт МИД Кыргызской Республики www.mfa.kg.*

4. *Ужулис В. Водные конфликты в Киргизии как фактор политического риска в Центральной Азии <http://www.c-asia.org> 11 октября 2006.*

5. *Ужулис В. Водные конфликты в Киргизии как фактор политического риска в Центральной Азии <http://www.c-asia.org> 11 октября 2006.*

6. *Мироненков А. Что кроется за нехваткой воды: ситуация с наличием водных ресурсов и водопользованием в I Центральной Азии <http://www.c-asia.org> 18 ноября 2006.*

7. *Барков И. Узбекистан, Казахстан и Киргизия намерены подписать договор о параллельной работе энергосистем республик. News-Asia 09 октября 2012 //www.news-asia.ru*

8. *Казахстан рассматривает данное предложение». <http://www.knews.kg/ru/econom/20330/>*

Түйін

Бұл мақалада ХХІ ғ. басында Орталық Азия мемлекеттердің (Қазақстан және Қырғызстан мысалынада) су-энергетикалық саласындағы ыңтымақтастығы қарастырылды.

Резюме

Статья посвящена сотрудничеству в водно-энергетической сфере государств Центральной Азии в начале ХХІ века

Resume

The article is devoted to the question of cooperation of states in Central Asia in water and energy sphere at the beginning of the XXI century.

УДК 94 (574)

SOME ASPECTS OF PRIVATIZING OF STATE ENTERPRISES (ON EXPERIENCE OF SEPARATE COUNTRIES)

Y.Kossov – *University of Buckingham, MA in in Global Affairs*

Key words: state enterprises, privatization, enterprises.

Introduction. Reforms of property relations are the most important element in the transition to a market economy. However, approaches to these reforms, the speed and scale, as well as alternative forms of restructuring the public sector can be quite different. The initial experience of property reform is not favorable all the time, when the task of extremely rapid privatization of the majority of enterprises led to revise in part not only the role of the state, but also the place of the public sector in a transition economy. The potential contradiction between the functions of ownership and control in the corporate form of business led to serious conflicts of interests in the majority of large privatized companies. A rapid mass privatization by voucher schemes is accompanied by the conflicts of internal and external interests of investors. In this regard, widely spread in the early years of the market reforms view on rapid privatization and the accumulation of "critical mass" of private property replaced to understanding the special role of the state and the public sector in the transition economy.

In the transition economy the State control differs from the government management in planned economy. The state enterprises should be deduced to the mode of functioning corresponding to the main requirements of the market environment. These requirements are generally consolidated to the following: rigid budget, competition, restructuring of production and finance, organization of corporate governance.

Privatization and functions. Privatization - one of the directions of property denationalizations is to transfer it to private property of individuals and legal entities.

Privatization fulfils two functions: 1. it must become the part of the economic reform, the core of radical change. 2. it must be a tool of long term state regulation by nature.

The immediate objectives of privatization are: reducing the debts of the public sector; market development; fostering entrepreneurship; forming the layer of small and medium-sized owners; widening the individual freedom (2).

Achievement of social justice, increase of economic efficiency of production, growth of income of the state budget do not act as the own purposes of privatization. It can promote the development of these processes only in the long-term period.

Denationalization and privatization can be based on: free transfer of ownership; buy enterprises on favourable terms; sale of shares; delivery companies in the lease; sale of small enterprises from the auction at the competition without him.

Forms of privatization in developed countries: 1) direct selling enterprises to the private sector; 2) purchase of shares of public enterprises by managers; 3) sale of shares to enterprise employees; 4) distribution of enterprise shares among the population; 5) sale of state enterprises in the lease; 6) contract to manage the enterprise.

Principles of privatization. Privatization is the link of economic reform, which at the same time creates prerequisites for the realization of other areas of reform. Privatization can be developed under the conditions political climate changes during the transition from "leader" model of economic regulation to the "neo-liberal". The reverse transition can be accompanied by the de-privatization process. This confirms the permanent nature of the privatization process as a tool of state regulation. The basic principle of privatization should be a general principle of reform - "do no harm!".

Based on the experience of privatization in countries with the market economy a set of principles can be formulated: 'Privatization should not be a dogma or a whim of fashion, public ownership is necessary in addition to the market mechanism, so for the necessity to ensure public benefits it is needed a careful selection of privatized enterprises'.

Privatizations should precede restructuring and destruction of the unjustified monopolies preventing to compete to increase the efficiency and accessibility for the majority part of population (2). The character of

ownership structure changes should be gradual in order not to disrupt the established economic ties. Mandatory conditions of privatization should be the new investments, improving governance, maintenance of certain rate of employment, social security, formation and support of the middle class. Privatization should be carried on with the regard of national security. Each step of privatization must be reasonable, public and accessible for public control.

Privatization models. There are two basic models of privatization: paid and free. Each of them is based on certain facts and arguments.

Free privatization. The main arguments in favour of it are the following: in state monopoly every citizen owns the part of the property, so he turns from formal to real owner being given the part of the public property. Thus there must be arisen incentives to productive work, to save costs and rational use of limited resources. Practically, the realization is connected with vesting all citizens with privatization receipts - "vouchers". Opponents of free model of privatization raise several important counterarguments (1). First, we know that all comes for free is not valued by people and thus there is little chance that there will be owners of capable to use effectively the property. Second, how to determine the share of each in the process of state assets division? And third, how to evaluate the whole state property? Putting forward this argument they propose another model - paid privatization.

Paid privatization. In this case, the state property must be subjected to sale by various schemes. The main idea of this process is selling at auction for cash. It is assumed that the pre-Grow Joint Stock company, and then sold his shares in the stock market. Her supporters point out that only in this case will be effective owner. In addition, it leads to an increase in revenues budget¹. However opponents specify that the wide part of population cannot afford to buy state property. In general, privatization of money will lead to further stratification of society and exacerbate social justice (7).

Privatization terms. One of the major issues relating to privatization - the terms of its implementation: either it must be fast or be extended for several decades. One of the leading economists Kenneth Arrow believes that State owned economy is hardly possible to be privatized in 2-3 years. Its real implementation should be slow for three main reasons: Savings necessary to privates industrial property, build up slowly. Market needs time for well functioning and determining the market value of enterprises. It is necessary to reconstruct the monopolized socialist industry before the manufacturing enterprises could be put for sale¹.

Supporters of rapid privatization believe that in this way it is possible in a short time to create a new class of private owners - the main basis of social reforms. In the concrete plan "landslide" privatization of housing stock, small and average (especially trading) enterprises are offered. But none of the models is used in full, only their joining leads to the expected effect Privatization on the one hand, should become a part of the economic reform, the core of radical change, and the other - a state regulating instrument of a long-term nature.

United Kingdom. A pioneer in the privatization of a large-scale economic reforms on a national scale was the British Conservative government in 1979-1987 lead by Margaret Thatcher. British privatization concerned energy companies, transportation companies, and the sale of public housing in full ownership by the former tenants. Trying to get people's support, the government deliberately understated the value of shares in the sale of state enterprises, which allowed several millions of British people to become shareholders. From 1981 to 1987 to private ownership passed the following companies: «British Telecom» (budget revenue from the sale of 3.693 billion f.st); «British Gas» (7.750 billion revenue f.st); «British Petroleum» (income 7.200 billion f.st). As the result of large-scale British privatization the size of the public sector decreased on 2/3, the proceeds from the sale of assets of state enterprises made a huge amount - about 80 billion pounds starlings 147 (9). These measures strengthened and stabilized the state budget, created a rather bulky marginally profitable or even unprofitable monopoly hundreds of new competing private firms that actually increased the efficiency of production. The British experience in privatization made a direct impact practically on all countries of the world.

Germany. The business revival in the first period after the Second World War went on in the eastern parts of Germany in several forms. It is the creation of new firms, and re-privatization and joint ventures with the help of Western capital and former people's enterprises. The decentralization of governance within the frame of former factories was a kind of transitional measure, at the result of which the former state-owned enterprises start to act as free producers in the market environment. Immediately after the unification of Germany there were around 6,000 applications from the former owners to by their enterprises. Only a complete purchase of enterprises gave an opportunity to get a loan from the Deutsche Bank under mortgaging cost of the land lot. Loans for modernization could be obtained through the "European Revival Program." GDR economy was structurally organized in 250

plants, which in its turn consisted of around 8000 enterprises. After the unification of Germany all of them were placed under the administration of the department on restructuring and privatization, called the Board of Trustees or the Trustees Council But not all the enterprises could be privatized. Therefore, in parallel with the privatization there were other approaches to find new ways of effective management (2).

The first was dissolving the plant: its member enterprises got full independence, elected directors and act at their own risk. The second way is turning the plants into the headquarters with coordinating and supporting functions, beneficial for the company to delegate this kind of centre. The third way is the creation of holdings instead of manufacturing associations.

The law on establishing and operating of private enterprises and participating in the capital was passed in March 1990 in East Germany, the conditions of privatization to be determined there. After marking the temporary boundaries associations, it was needed about 4 months to complete the establishment of a legal framework for the privatization of East German enterprises. A Treaty on founding the monetary, economic and social union between West and East Germany from May 18, 1990 instituted a Board of Trustees for State Property Management. The national debt of the GDR transferred to it in the same volume to be paid off by future revenue from the sale of state assets. The remained debt was distributed between the new eastern lands (7).

The analysis of the companies revealed that only 8% of working places were profitable, and labour productivity in the GDR was less than 30% of the West German level. However, by the end of 1994, when the Board of Trustees had completed its work, they managed to privatize or return about 20,000 companies to the former owners, mostly industrial. At the same time there had been got guarantees on creating 1.5 million work places and providing investments of 210 billion marks (8). As the current test performance guarantees given by companies, on average, had more jobs and make the investments than envisaged agreements. After instituting the Board of Trustees there had been created other organizations that were engaged in the privatization of remaining in the hands of the state industrial enterprises and monitoring the implementation of agreements with the investors.

Privatization in Russia. In Russia, the privatization was carried out in two ways: small enterprises - selling by auction, the large - transformation into joint-stock companies. Features of privatization process in Russia: widespread privatization caused a high proportion of public ownership in the country, as well as to accelerate the process of economic transformation of the structure of society; significant proportion of non-equivalent forms (free transfer, not full payment, etc.), caused with lack of money in private hands; carrying out a special voucher stage of privatization (4).

At the result of voucher stage of privatization in Russia there was a redistribution of property were provided economic guarantees preventing the return to the Soviet regime. However, under the state control there were remained a number of promising economic links, including the so-called natural monopolies (rail network, aviation and aerospace manufacturing, Unified Energy System). Lack of experience, specifics of social structures formed in Russia in terms of the planning system, and chosen forced course promoted the emergence of some negative aspects of the privatization process.

The purpose of privatization was declared the formation of an effective owner, free distribution of state property did not promote the formation of a new, with a high levelled responsibility owner and interested in the efficiency of its usage. Besides, free privatization certainly could not provide an adequate flow of funds for investment, financial stability and solution of the social problems.

In connection with the mass privatization there opened a wide opportunities for washing out the money. Although the evaluation of fixed assets has been repeatedly underestimated, vouchers for buying (and then share) needed a considerable size of money (3). At that time it could be found only in "shadow businesses." Having owned more or less significant sites of the former state-property, they were automatically legalized as large owners.

Privatization is often carried out without proper understanding of the prospects of privatized enterprises; as a result the works at these places stopped producing goods. In some places they changed into offices or used for trade, etc. These all shows the inconsistency of the process of privatization and the development of the private sector. Analysis of the direct results of privatization led to the following conclusions: the given time for the fulfilment of a such serious task was fantastically short and absolutely, determined the quality of privatization; The absence of equivalence in the privatization process; if we consider privatization as a component of the investment process, it can be considered unsatisfactory, as in most cases, the change of ownership did not lead to inflow the foreign investments; privatization was not accompanied by indispensable financial, legal and functional

reorganization in a certain required scale; the limited regimentation taken by the federal government regulations on privatization did not fully take into account the regional specifics; The most part the property was taken by individuals closely connected with criminal world and the former party and economic nomenclature (5).

A considerable interest presents the principles that had been taken in the 1998 privatization program. This program had a distinct aspect of the industry and focused on getting the maximum profit from the sale of non-controlled and smaller share packets with aim of struggling against the monopoly of certain financial and industrial groups, to develop real competition. This year, there have been marked a large number cases reselling enterprises, mass buying shares of promising share holding public companies. Developed mortgage auctions started activating the specialized financial-industrial groups, continued redistribution of property. The main directions of further property transformation are the gradual reduction of the number of small owners, strengthening the role of regional capital markets, partial nationalization of strategically important for the state objects, and further, the development of large owners specialization, the formation of an effective owner under the government regulation, increasing openness to the new processes to be able to prognosticate their social and economic consequences (1).

The state ownership nevertheless will keep its importance and function as the basis of an entire economic chain. The ongoing process of privatization, leading to the expansion of individual and group form of ownership, aims to increase the effective use of property by raising the volume of gross domestic product and the rate of profit, market share or exit to new markets. To achieve harmonious relations of the "new" owners with the "old" managers can promote strong legal position of the state, the organization of broad training programs for the managers of large enterprises financial management, support companies engaged in business consulting, focused on gaining the trust and owners, and managers.

Conclusion. The reform of property relations is one of the main elements of a market economy transformation. Overcoming total nationalization inherent to administrative and planning system is fulfilled mainly through privatization. By privatization people understand selling or free giving state ownership into the hands of citizens, working groups and legal entities. At the result of privatization there might occur private or mixed firms in different organizational and economic forms from individual enterprises to all types of corporations. The main methods known in transition economy are: direct sale of assets for cash and securities, discount sale or free transference of assets to employees of the enterprises, the mass voucher privatization and re-privatization. Each of these methods of privatization can be realized in various forms. In transition economy a large-scale and faster rate privatization can be done than in the developed market economy. At present, most countries in the period of transition economy have completed privatization of small businesses, retail, catering trade and spheres of service. Large-scale privatization is carried out slower than planned initially by public programs, and with great difficulty. Market restructuring of large companies require purposeful participation of the state, as well as carrying out the reforms of enterprises.

1. Iliya Harik and Denis J. Sullivan: *Privatization and Liberalization in the Middle East*, 1992.

2. *David Parker: Lessons from Privatisation*, 2004.

3. *David Parker: The Official History of Privatisation*, 2009.

4. *Hare P and Muravyev A.: Privatization in Russia*, 2003.

5. *David Smallbone: Entrepreneurship and Small Business Development in Post-Socialist Economies*, 2008.

6. *Christoph Hermann, Marica Frangakis, Jorg Huffschmid: Privatisation against the European Social Model: A Critique of European Policies and Proposals for Alternatives*, 2009.

7. *The Economist newsmagazine №4*, 2008.

8. *The Economist newsmagazine №7*, 2010.

9. *The Economist newsmagazine №8*, 2010.

Түйін

Бұл мақалада автор жекеше алған мемлекеттердің тәжірибесі бойынша мемлекеттік өніркәсіптерді жекешелендірудің кейбір тұстарын қарастырып, бұл үрдіске толыққанды талдау береді.

Резюме

В данной статье автор рассматривает некоторые аспекты приватизации государственных предприятий (по опыту отдельных стран) и дает подробный анализ этому процессу.

Summary

The author considers some aspects of the privatization of state enterprises (as experienced by individual countries) and provides a detailed analysis of this process.

УДК 94 (574)

ҚОҒАМДЫ ЭКОЛОГИЗАЦИЯЛАУ ТЕХНОГЕНДІ ӨРКЕНИЕТТІң ТҰРАҚТЫ ЖӘНЕ ОРНЫҚТЫ ДАМУЫНЫң НЕГІЗІ РЕТІНДЕ

М.Дакенов – *Абай атындағы ҚазҰПУ-нің әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының профессоры, т.ғ.к.,*
З.У. Бисембаева – *филол.ғ.к., доцент,*
Г.Т. Рсалдина – *доцент*

Техногенді өркениеттің дамуы адамзат қоғамының барлық саласын терең трансформациялауға әкеп соқтырады. Қазіргі техногенді әлем адамдардан да тез өзгереді.

Қазақстан Республикасының президенті Н.Ә. Назарбаевтың жыл сайынғы Қазақстан халқына жолдауларында экологиялық проблемаларға, өркениет мәселелеріне үлкен көңіл аударады. Соның ішінде биылғы жылғы жолдауда көрсетілген көптеген мәселелердің арасында экологиялық стратегияны жүзеге асыру үшін еліміздің барлық күш-жігерін жұмсауды ұсынды (1).

Адамның табиғи ортамен өзара қарым қатынасында сөзсіз ерекше адамгершіліктік құндылықтық сипат бар. Қазіргі кезде артып отырған адами белсенділік экологиялық мәдениетті және экологиялық дүниетанымды қалаптастыру үшін қажет. Қоғамды экологиялау Экологиялық мониторингінің толықтай мәліметтерінен тұратын ақпаратпен қамтамасыз етуді қажетсінеді. Ғылыми негізделген әрекеттердің нәтижесінде адамның тіршілік ортасына ықпал етуді көре білуі адамның өркениет әлемінде еркін дамуына, жағдайларды бақылауына және табиғи ортаға үстемдік етуіне мүмкіндік береді. Осы проблемаларды шешуде адамзаттың жалпы мәдени әлеуеті және қоғамның даму деңгейі ерекше рөл атқарды. Адамзатты құтқарудың әлеуетті құралына гуманистік философияның жататынын да айтуымыз керек.

Адамзат дамуы тарихының барлық дәуірлерінде адамның құнды, мәнді өлшемдерді қамту қабілетіне орай және адамзаттың өмір сүру тұтастығына байланысты философияның маңыздылығы артқан болатын. Сондықтан қазіргі кезде қалыптасқан экологиялық жағдайға сәйкес ғаламдық дағдарыстық құбылыстардың мәнді себептері туралы, өркениет дамуының социогуманистік және жалпы мәдени өлшем бірліктері туралы мәселелер аса өткір қойылып отыр.

Адамның табиғи ортамен өзара байланысының артқандығы соншалықты, бүгінгі күні бірде бір әлеуметтік құбылыс пен әлеуметтік қатынастар табиғи жағдаймен ара қатынасын айталық оған жағымды және келеңсіз ықпал ететінін есепке алмай қарастылмайтын болып отыр.

Экологиялық мәдениетті қалыптастыру мифтерден басталғаны белгілі, өйткені мәдениетте әрдайым мифологиялық сана басымдық алған еді. Сонымен бірге адамның табиғи ортамен өзара әрекеттің тарихы тіршілік ету ортасына ерекше қатынасты талап етті. Адамның қалыптасуында ақиқатты мифологиялық түрде бейнелеуді қалыптастыру үрдісі аса маңызды болды. Бұл адамның қоршаған ортаны түсінуін және ондағы өзінің орнын айқындауға жасаған алғашқы талпынысы еді. Осылайша олар адамның өзіндік санасының қалаптасуы үшін және мәдениеттің дамуы үшін үлкен маңыздылықты иеленді.

Қазір қоғамның бүгінгі экологиялық проблемаларына мәдени аспектіде талдау жасау ерекше өзекжарды мәселе болып отыр. Адами мәдениет тіршілік ететін ортаға практикалық және теориялық қатынастардың деңгейі мен сипатын білдірумен қатар, ол адам мен тіршілік ететін ортаның арасындағы қатынастардың үйлесімділік дәрежесіне белсенді түрде ықпал жасайды. Өмірде орын алып отырған келеңсіз экологияның салдары белгілі бір мөлшерде жалпы мәдениеттің даму деңгейінің шектеулігінен туындаған.

Қоғам дамуы тарихында, К.Маркс пен Ф.Энгельс дұрыс атап көрсеткеніндей, бастапқыда табиғи орта «Адамдарға тіптен бөгде, аса қуатты және өлшеусіз күш ретінде қарсы тұрушы» (2) түсінігін қалыптастырған.

Дейв Формэн жеке меншікті және мінсіз құндылықтар үшін саналы түрде заңды бұзушылыққа жол беруге талдау жасап, табиғи ортаны қорғау үшін күресте зорлық зомбылықтың заңдылығы туралы мәселе көтерді, ол «Бұл жерде құндылықтар қақтығысы қамтамасыз етілген». Экологиялық субботажды қолдай-

тын қайсыбіреулер жансыз жеке меншіктен гөрі биологиялық алуан түрлілікті және өмірді жоғары қояды, мәселе: жеке меншіктің (жұмыс орындары немесе доллар осы меншік беретін) немесе табиғи эко жүйенің қайсысының бағалы екендігіне келіп тіреледі» (3).

Тіршіліктің табиғи ортасын қорғау, экомәдениетті ұстай білу, парктерді, қорықтарды сақтау көптеген ғалымдарды ойландырғаны сөзсіз. Мысалы, М.Фром аталмыш мәселе туралы былай деп жазды: «ұлттық парктер қызметі меніңше, бәріненде көп кінәлі, өйткені ол бұрында атқарғаны сияқты, табиғатты қорғауға өкілетті және тағы табиғат туралы заңды орындауға тиісті еді. Оның көшбасшылары жұмыстарын бұрынғыға негізделген деп айғайлайды. Бірақ шындығында келгенде олар табиғатты ойын сауыққа, мысалы, қарда сырғанаудың және сауда сағаттың дамуына құрбан етуге тырысуда» (4).

Экологиялық тепе теңдікті бұзу табиғи ресурстарды ұтымсыз пайдалану, қауіпті қалдықтармен биосфераны ластау, табиғи ортаның кедейленуі сияқты және т.б. әртүрлі формада көрінеді. Жылдам экономикалық өсу мен индустриализация экологиялық дағдарыстың басты себептері болып табылады. Экологияны бұзу технологиялық дамудың ғана жемісі емес және ол уақытша әрі кездейсоқ бұзушылықтың да көрінісі емес. Адамның тіршілік ету ортасының деградациясы тереңге бойлаған техногенді өркениеттің және жоғары қарқынды өндіріс тәсілінің көрсеткіші болып отыр. Деградациядан адамның өмір сүретін табиғи ортасын қорғау антигумандық қатынастармен іске асырылмайды.

Осымен байланысты бүкіл әлемде ғаламдық заманауи проблемаларды зерттеуге қызығушылық артып отыр. Ғаламдық жалпы адамзаттың проблемалардың шиеленісуі оларды қоғамда жүйелі түрде танып білудің жаңа әдістері мен құралдарын іздестіруге итермелейді.

Экологиялық мәдениет жөнінде әртүрлі түсінік бар. Мәдениет туралы философиялық түсінік болмыстың құрылысы жөніндегі жалпылама ұғынудан келіп шығады. Әркімге табиғи ортамен интуитивті түрде байланыс орнату берілген. Мәдениет өзге болмыс болып саналады, сонымен қатар оның мәнді сипатымен адамзаттың рухани болмысының масштабымен анықталады.

Мәдениет ғылымға және адами қызметтің басқада саналарына басты бағыт-бағдар беретін абсолюттік құндылық ретінде көрінеді. Егер мәдениет өзінің дамуының белгілі бір кезеңінде ғаламдық проблемаларды тудырса, ал қазіргі кезде адамдар сол мәселелерді шешу үшін мәдениетке жүгінеді. Сондықтан адамзатты материалдық және рухани мәдениеттің нақты құндылықтарын өзгерту мен экологиялық мәдениетті қалыптастыру күтіп тұр.

Қоғамды экологизациялау халықаралық қоғамдық ұйым ретінде Батыс Еуропаның, Солтүстік және Оңтүстік Америка елдерінің, жапонияның жетпістен астам кәсіпкерлерін басқарушыларын, саяси қайраткерлерін, жоғары лауазымды шенеуніктерін, мәдениет қайраткерлерін, ғалымдарың біріктірген Рим клубының мүшелерінде толқытты.

Қазіргі экологияда жүйе тұрақты болған сайын, оның экологиялық жүйесінің элементтері алуан түрлі болған сайын және олардың арасындағы байланыс әртүрлі болған сайын, биосфераның қандайда бір сыртқы себеппен түбегейлі апатты қиратуға жол бермеу ықтималдығының баршылық екені дәлелденген.

Экологиялық мәдениет – жаңарып көркейген табиғат саласын қамтыған қоғамдық мәдениеттің ерекшелікті бөлімі.

Экологиялық мәдениеттің компоненттеріне адамның табиғи орта бөлігін ұдайы өндіруі, оның табиғи қалыпты жағдайын қолдауы кіреді. Экологиялық мәдениет адамның ерекше объектіге қатынасымен байланысқан және белгілі бір мазмұнды иеленіп, қайсы бір функцияларды атқаратын қоғамдық мәдениеттің салыстырмалы түрдегі өз алдына дара түрі ретінде көрінеді. қалыптасқан экологиялық жағдай – бұл адамзат тарихындағы түбегейлі бетбұрыстық жағдай. Қазіргі кезде табиғи ортаны басқарудың ескі әдістері өздерін сарқа тауысты, сондықтан ол жаңа әдістермен алмастыруды қажетсінеді. Эволюция үрдісі барысында социо мәдени, социотабиғи ортада өмір сүрген адамзат, адам тіршілік орта қатынастарын түбегейлі қайта құрмайынша жер бетіндегі бүкіл тіршілік аталуының бірте-бірте және сөзсіз жойылып кетуіне әкеп соқтыратын шекке жетті. Адамның биологиялық түр ретіндегі және бірегей әлеуметтік тіршілік иесі ретіндегі оның жалпы өміріне қауіп қатер төніп тұрғаны жасырын емес.

Егерде болмыс пен ғарыштың заңдарын бөліп көрсететін болсақ, онда қоғам мен адамзат дамуының инволюциялық жолы тоқтайды да қоршаған ортаға деген позитивтік және саналы қатынастарға негізделген жер болмысының жаңа эволюциялық айналымының басталары дау тудырмаса керек.

Экологиялық мәдениет – бұл адамның табиғатқа ықпал жасауының әлеуметтік реттегіштерінің жиынтығы, экологиялық тәрбие мен білімнің жүйесі.

Экологиялық өркениеттілік деген экологиялық мәдениетке негізделген материалдық өндірістің, адамдар қызметтің техникалық жарақтануының, сананың экологизациялық өзгеруін ойластыру болып

саналады. Адамның табиғи ортаға кез келген қол сұғуы экологиялық өзгертулермен қатар жүреді. Қалыптасқан жағдайда тек экологиялық мәдениеттің арқасында ғана қоғам табиғи ортаның тепе-теңдігін қолдай алады.

Экологиялық мәдениет байқап айырғанымыздай, адамзаттың әлеуметтік тарихи дамуының ерекше рухани-практикалық көрінісі.

Адамның тіршілік ету ортасымен қатынасын реттейтін экомәдениет, сонымен қатар экоқатынастарды ұйымдастырудың тәсілі. Мәдениет әр кезде адамгершілікті бола бермейді, ол көбіне-көп интеллектуалдық деңгейдің көрінісі болып табылады, ал интелект ғылыми-техникалық прогресс ықпалымен ойлауды технизациялауға ұшыратқан.

Экологиялық мәдениет деп қоршаған ортамен байланыстағы бүкіл болмыс дағдыларының кешені түсіндіріледі. Экологиялық дағдарысты жою ғалымдар мен мамандардың басым бөлігі есептегендігіндей, тек қана экологиялық мәдениет негізінде болуы мүмкін, оның басты мәні – табиғи орта мен адамның бірлесе үйлесуі дамуында және тіршілік ортасына тек материалдық деп қарамай, оған рухани құндылық ретінде қарауда жатыр.

Қазіргі экологиялық мәдениеттің тіптеп басқаша рухани құндылығы, дүниетанымдық заңдары қағидаттары, гуманистік идеалдары бар. Біздің көзқарасымызша, экологиялық мәдениет құндылықтары арасында адамдардың өмірі мен дамуына сәттілік туғызып, шешуші жағдайларды құрайтын табиғи факторларға артықшылық берілуі тиіс. Табиғи факторлар тұтыну құндылығы болыпта саналады, өйткені адамзаттың өмір сүруінің өзі алдымен олардың тіршілік ету ортасының жоғары дәрежеде табиғи жағдайын қолдау, өзінің жаппайлығына орай олар дүниені қабылдаудың этикалық және эстетикалық негізі болып табылады. Алайда, белгілі болғанындай, халықтың экологиялық білім деңгейіне айтарлықтай төмендігі, жуық арада тұтыну эффектісіне жетуге тырысатындығы, әдеттегідей ойлау образы және үстем етуші стереотиптер, түптеп келгенде адамдарды жалпы адамзаттық қағидалар мен мүдделерді жиі бұзуға итермелейді.

Экологиялық мәдениетті қалыптастыру барлық азаматтардың бойында дамыған экологиялық сана мен ойлаудың болуын қажетсінеді. Адам мен оның тіршілік ортасының өзара қарым-қатынасы туралы түсінікті объективті бейнелеген қоғамдық-экологиялық сана, адамзат дамуы тарихының барлық кезеңдерінде болған. Алайда, бұл сана табиғатты қорғауда практикалық көрініс таппады, біртұтас дүниетаным бола алмады.

Экологиялық мәдениет қоғам өркениеті дамуымен байланысты қалыптасқан дүниетанымда белгілі бір мәртебені иеленді. «Адам-табиғи орта» қатынастарының саналы жаңаруына орай қоғамда экологиялық мәдениеттің маңыздылығы артады.

Экологизацияның қоғамды сақтап қалудың шешуші жағдайы екенін ескерсек қана адамның табиғатқа сыйласымдылығына қол жеткізуге болады. Мәдениет жекелену құралы болудан адамды тіршілік ортасымен біріктіруші құралға айналуы барған сайын арта береді. Қалыптасқан экологиялық жағдайға орай адамдардың мәдениеті дағдарыс пайда болғанға дейінгі әлеуметтік жүйесінің дамуы барысында орныққан мәдениеттен тіптен өзгеше болуы тиіс.

Экологиялық мәдениеттің негізгі міндеті-әлеуметтік және табиғи бастаулардың өзара бір-біріне енуін, биосфера тіркестігін, биосфераның өзін-өзі реттеушілігін сақтап қалу.

Орын алып отырған экологиялық жағдайға сәйкес адам мен оның тіршілік ортасының арасындағы экологиялық қақтығыстың түрі де өзгереді. Ол енді жай ғана экологиялық қырсық ретінде қарастырылмайды, керісінше, ол толыққан ноосфералық қалыпқа өту сатысында социотабиғи экожүйенің екі негізгі жүйешесінің сөзсізқалыпты қатынасы ретінде зерделенеді.

Адам мен оның тіршілік ортасындағы қатынасты үйлестіру осы проблеманы шешудегі экологиялық амалдың негізі болып табылады.

Сайып келгенде, экологиялық мәдениет – бұл жердегі тіршілікке, сонымен қатар рухани құндылықтар жүйесіне, этикалық қағидаларға қауіп-қатер төндірмейтін қажеттіліктерді қалыптастыратын өмірді қамтамасыз ету тәсілі және оларды жүзеге асырудың тәсілдері. Мәдениеттілік тіршілік иесі ретіндегі адамының табиғилығын ауыстыратын барлық әрекеттерінен көрінеді, тек мәдениеттер үйлесімділігі ғана қажетті мәдениеттілікті қалыптастыратыны анық.

Экологиялық мәдениет бұл тек қазіргі кезеңдегі мәдениеттің дамуы болуымен қатар, оның экологиялық дағдарыстың ықпалымен қалыптасқан мәдениет екені де даусыз. Адамның табиғи ортамен өзара әрекеті, түптеп келгенде, мәдениеттің басты функциясы болып табылатынында ұмытпау керек.

Адамның мәдени құндылықтар жүйесі бірқатар экологиялық қағидаларды бейнелейтін табиғи ортаны өзіне қосқан. Оны мысалға А.Швейцердің өмір алдында қастерлеу, О.Леопольдтің Жер этикасы,

Б.Коммонердің табиғат бізден артық біледі қағидаттарынан, Н.Н. Мойсеевтің адам мен табиғаттың коэволюция идеясынан және т.б. анық байқауға болады.

Экологиялық мәдениеттің табысты дамуы үшін экологиялық сараптама жасау қажет, адам мен табиғат арасындағы қатынастың дамуына орай қарама-қайшылықтардың тереңдеу тенденциясын анықтау соның нәтижесі болмақ.

Қорыта айтқанда, «адам-қоғам-табиғи орта» жүйесінен қоғамның технотронды, ақпаратты мәдени үлгісі немесе қоғамның басқада болашақ моделі еркін бола алмайды, тек экологиялық өркениет қана еркінділікті иеленеді. Оның базалығын құрайтын мынандай қағидаттар болуы тиіс: әлем тұтастығы, адам қызметінің өркениеттілігі, экологиялық білім және т.б. Қазіргі өркениет дамуындағы экологиялық мәдениеттің маңыздығы адам мен табиғи ортаның шынайы бірлігін орнатумен, табиғи ортаның тағдырын айқындаумен айқындалады.

Осылайша экологиялық мәдениет табиғи ортаның тепе-теңдігі мен тұрақтылығын қолдауға бағытталған.

1. Назарбаев Н.Ә. *Әлеуметтік экономикалық жаңғырту – Қазақстан дамуының басты бағыты* // Егемен Қазақстан, 28 қаңтар 2012 ж.

2. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч - 2-е изд. – Т.3, – С. 29.*

3. Формэн, *Исповедь эковойна. 2002, К., КЭКЦ. – С. 150.*

4. Frome M. *1995 Wilderness lies work. – Wild Earth. Spring: 67-73.*

Түйін

Тақырыптың маңыздылығы экологиялық дағдарысты түсіну қажеттілігінен туындайды, соған сәйкес экологиялық мәдениетсіз оның шешуін табу мүмкін емес.

Резюме

Актуальность темы исходит от необходимости понимания причины экологического кризиса, соответственно без экологической культуры невозможно найти его решение.

Summary

Actuality of theme is dictated by necessity of society, For cognition of causes ecological crisis, methods of solution are impossible without alternative ecological culture.

УДК 94 (574)

ENVIRONMENTAL IMPACT ASSESSMENT AS A TOOL FOR THE SUSTAINABLE MANAGEMENT OF TRANSBOUNDARY WATERCOURSES IN CENTRAL ASIA

Dr. iur. Barbara Janusz-Pawletta

1. Transboundary water governance in Central Asia

Currently existing water crises, among others in Central Asia, are effects of a lacking concept for sustainable water governance on the regional level. Governance of transboundary waters of Central Asia requires clear and comprehensive rules, which are flexible enough to accommodate current and future challenges. Despite the absence of legally binding definition of the notion of water governance its concept is related to administrative framework in the water field, based on the transparency and accountability on the interstate level. Well functioning water governance shall be based on instruments deriving from water resources law. Governance includes three key elements: ownership, development and management of transboundary water resources.

To establish well functioning transboundary water governance in Central Asia instruments deriving from water resources law shall be applied. Any legal instrument shall remain in accordance with principles basic principles like sustainable development, integrated and conjunctive management, minimization of environmental harm, equitable and rational utilization, public participation, etc. To fulfill the legal obligation to equitable and rational utilize transboundary water resources we need to address certain legal-administrative mechanisms of cooperation. One of them is effective prior notification of states likely to be adversely affected by a proposed use of shared waters. Effective notification shall be conducted by use of central procedural mechanisms of interstate cooperation, which is environment impact assessment. It is a procedure for evaluating the likely impact on the

environment of a proposed activity related to water management and it will be discussed in details below.

2. Environmental legal concerns related to the use of transboundary watercourses

Scarcity of water, reducing its quality and degradation of the transboundary water ecosystems seriously impact intrastate ecosystems' integrity as well as prospects for economic and social development, political stability in the states themselves. It is the interstate cooperation, if based on effective legal instruments, which is able to synchronize all the aspects of sustainable water development - economical, environmental and social. Cooperation between states sharing a common watercourse shall provide for a balance between economical gains gathered from the water usage (respectively, as in case of Kazakhstan, use for irrigation, industry, hydropower, drinking water and sanitations, etc.) and the ecological consistency of the watercourse itself.

States remain permanent sovereign over all natural resources, including water, within its territory and these resources fall under explicit regulation of national law [1]. States sovereignty over natural resources is however subject to limits, also of an environmental character. States are responsible not to cause damage to other states' environment. This principle reflects customary international law, and is binding for all states never mind which international treaties these states are states to. Environmental limits on state's sovereignty is true especially in case of natural resources of transnational character, which is often the case in water related issues. Already in 1973 UN General Assembly in its Resolution No. 3129 called on states to protect and use common resources, as well as to cooperate through information exchange and consultations in purpose of equitable usage of shared resources and settlement of respective conflicts [2].

Transboundary watercourses are ecologically shared. Usage of such shared resources by one states will inevitably have consequences of the use of the same shared resources by another state. Shared natural resources shall therefore be subject to shared rights of states. However, the concept of "shared natural resources" has not yet become a part of binding law [3] there is no legal doubts that transboundary resources are a subject to obligation of equitable and reasonable utilization and no harm principle, which are "operationalised" by the principle of transboundary cooperation of the riparian states.

Any kind of economic activity related to the watercourse may result in damage caused to the human health, conditions of living and any object of the environment, also on the interstate level. Such an "environmental harm" is forbidden by international law [4]. States are foremost obliged to "prevent" the transboundary harm to the environment, rather than obliged to repair or compensate such harm. Transboundary harm to the environment of any state should be considered as an infringement of the sovereignty of such state.

For the purposes of protecting and preserving the aquatic environment with respect to activities which may be liable to cause transboundary harm, states must carry out an environmental impact assessment [5]. It may now be considered a requirement under general international law to undertake an environmental impact assessment where there is a risk that the proposed industrial activity may have a significant adverse impact in a transboundary context, in particular, on a shared resource. However that international law does not specify the scope and content of an environment impact assessment. The 1991 Convention on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context of the United Nations Economic Commission for Europe [6], which sets out the obligations of States to assess the environmental impact of certain activities at an early stage of planning is of regional, but not of universal meaning. Some other of the existing legal guidance, like the UNEP Goals and Principles [7], is not binding on the states but, as guidelines issued by an international technical body, has to be taken into account by each state.

Environmental Impact Assessment as a precondition for sustainable water management in Central Asia

The legal mechanism of the Environmental Impact Assessment is a tool for preventing harm to transboundary watercourses. It implements the sustainable development – balancing environmental and human health with economic development – to settle potential disputes between states sharing a common water course. Some countries of Central Asia, among them Kazakhstan, are parties to the Espoo Convention of 1991, which lays down the procedure of Environmental Impact Assessment (EIA) in form of general obligation of states to notify and consult each other on all major projects under consideration that are likely to have a significant adverse environmental impact across boundaries. Espoo Convention (Appendix II) requires states to follow the special EIA Procedure, presented below, among others in case of:

Trading ports and also inland waterways and ports for inland-waterway traffic which permit the passage of vessels of over 1,350 metric tons.

Large dams and reservoirs.

Groundwater abstraction activities or artificial groundwater recharge schemes where the annual volume of water to be abstracted or recharged amounts to 10 million cubic metres or more.

Works for the transfer of water resources between river basins where this transfer aims at preventing possible shortages of water and where the amount of water transferred exceeds 100 million cubic metres/year; and in all other cases, works for the transfer of water resources between river basins where the multi-annual average flow of the basin of abstraction exceeds 2 000 million cubic metres/year and where the amount of water transferred exceeds 5 per cent of this flow. In both cases transfers of piped drinking water are excluded.

Waste-water treatment plants with a capacity exceeding 150 000 population equivalent.

For any proposed activity listed before the country of origin (CO) notifies any other state which may be affected. If the affected state does not respond within the time specified in the notification or indicates that it does not intend to participate in the environmental impact assessment (EIA) procedure then the right of the CO to determine whether to carry out an EIA on the basis of its national law and practice cannot be prejudiced. If the affected State responds indicating its desire to participate in the EIA procedure, the CO provides information regarding the EIA procedure and the proposed activity and possible significant adverse transboundary impact. If the CO requests an affected State provides reasonably obtainable information relating the potentially affected environment under its jurisdiction where it is necessary for the preparation of the EIA documentation. When a states considers that it would be affected by a significant adverse transboundary impact of a proposed activity listed and when no notification has taken place the concerned States exchange sufficient information for the purposes of discussions on whether there is likely to be a significant adverse transboundary impact.

If the States agree there is likely to be a significant adverse transboundary impact the provision of the Convention applies accordingly. If the States cannot agree whether there is likely to be a significant adverse transboundary impact any State may submit that question to an inquiry commission to advise on the likelihood of significant adverse transboundary impact, unless they agree on another method of settling this question. After the completion of the EIA documentation the CO enters into consultation with the affected State concerning the potential transboundary impact of the proposed activity and measures to reduce/eliminate this impact. States ensure that due account is taken on the outcome of the EIA including the EIA documentation as well as the comments thereon and the outcome of the consultation. The CO provides to the affected state the final decision on the proposed activity. The concerned states determine whether and to what extent a post-project analysis shall be carried out. Any post-project analysis shall include the surveillance of the activity and the determination of any adverse transboundary impact. Then as a result of the post-project analysis the CO or the affected state concludes that there is a significant adverse transboundary impact it immediately informs the other state. The concerned states then consult on measures necessary to reduce/eliminate the impact.

Conclusion

Water management is being associated with activities undertaken towards well functioning of water ecosystems. Water management is, however, not only an environmental issue but even more a condition sine qua non for viability of whole socio-economic and political systems of states'. "Water management" is neither a purely technical issue. Regarding the life-sustaining role of water its proper management is fundamental to ecological security of states and populations. Sustainable, integrated and conjunctive water management is a guarantee for sustaining and protecting the human right on water both for national and transnational water basins. Maintaining (the) basic legal standards for water management is the way for securing regional stability, development and mutual transnational cooperation.

Law must establish a mechanism for allocation of the resource amongst competing users. It gives water users some security allowing them receiving of sufficient quantity of satisfactory quality water. Various usages of water resources - agriculture, food production, the energy sector, drinking water and sanitation - require equitable consideration and shall be increased efficient way. There is no common und universal legal model applicable to water management in all international drainage basins. The existing difference comes from states' and regions' traditional economical, social and cultural status. Nevertheless there are some common principles within transnational water resource management systems, which may serve as analytical model.

Infringement to international environmental and water law causing harm to other water course's riparian states may create states' liability on the principles laid down in water law. Legal actions undertaken by an injured state to maintain a claim against the violating state should not be considered an unlawful intervention into this state's internal affairs.

Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Международная жизнь и политика», №3 (30), 2012 г.
Cultural Rights (1966), United Nations Convention on the Law of the Sea (1982).

2. See also: Art 3 of Charter of Economic Rights and Duties of States, UNGA res. 3281 (XXIX), 1974); UNEP's Draft Principles for the Conduct of States in the Conservation and Harmonious Utilization of Natural Resources Shared by Two or More States (UNEP/GC.6 /17, 1978); Principle 2 of Rio Declaration (Rio Declaration on Environment and Development, the UN Conference on Environment and Development, 1992.

3. P. Birnie, A. Boyle, *International law and the environment*, II ed., – Oxford University Press, 2002, – p. 140.

4. Principle of prevention of transboundary harm to the environment is stipulated in international customary law and in a number of international treaties, see: Convention on Long-range Transboundary Air Pollution 1979, Convention on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context 1991, Convention on Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes 1992, Convention on the Transboundary Effects of Industrial Accidents 1992 and some others.

5. See *Pulp Mills on the River Uruguay (Arg. v. Uru.)*, 204-205 (Judgment of International Court of Justice of Apr. 20, 2010), available at <http://www.icj-cij.org/docket/files/135/15877.pdf> (last visited Oct. 12, 2012).

6. Hereinafter the “Espoo Convention”, see: UNTS, Vol. 1989, – p. 309.

7. See: 1987 Goals and Principles of Environmental Impact Assessment of the United Nations Environment Programme (UNEP/ WG.152/4 Annex (1987), document adopted by UNEP Governing Council at its 14th Session (Dec. 14/25 (1987)).

Түйін

Бұл мақалада автор Орталық Азиядағы трансшекаралқ өзендерінің тұрақты пайдалану мақсатында экологиялық әсерін бағалайды.

Резюме

В данной статье автор анализирует экологическую оценку влияния как инструмента для устойчивого использования трансграничных водотоков в Центральной Азии.

Summary

In this article, the author analyzes the environmental impact assessment as a tool for sustainable use of transboundary waters in Central Asia.

УДК 327: 341.43

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕВРАЗЭС

С.М. Сылкина – к.ю.н., доцент кафедры международного права факультета
международных отношений КазНУ им. аль-Фараби

В современном, динамично развивающемся и глобализирующемся мире одним из приоритетных и ключевых направлений, как отдельных государств, так и их союзов, является проблема обеспечения энергетической безопасности.

Развитие интеграционного сотрудничества государств ЕврАзЭС, в области энергетики основано на согласованном и эффективном использовании их транзитного потенциала.

Основными задачами энергетической стратегии государств ЕврАзЭС являются: развитие взаимовыгодного сотрудничества в области энергетики и принятие совместных мер по формированию общего энергетического рынка; насыщение внутреннего рынка энергоресурсами и увеличение их экспорта в третьи страны; формирование оптового рынка электрической энергии; рациональное использование водных и топливно-энергетических ресурсов; расширение сотрудничества в освоении новых месторождений углеводородного сырья, его переработке и транспортировке для экспорта; развитие транзитного потенциала; обеспечение энергетической безопасности и создание условий для устойчивого экономического роста. Сотрудничество в области энергетики способствует обмену опытом, осуществляется взаимная помощь, формируется общее информационное пространство, разработка и реализация совместных проектов. В целом обеспечение энергетической безопасности предполагает, унификацию законодательства в данной сфере, создание правовых условий для формирования энергетического рынка, развитие экспортного потенциала, строительство новых и улучшение состояния имеющихся энергетических объектов.

Для реализации основных принципов построения общего электроэнергетического рынка органами интеграции государств-членов ЕврАзЭС осуществляется работа по унификации национальных законодательств, регулирующих отношения в области энергетики. Перспективы участия в ЕврАзЭС, энергетического сектора шести государств заключаются в том, что возрастает энергетическая безопасность каждого государства, поддерживается устойчивая работа национальных энергосистем, обеспечивается приток

взаимных инвестиций в развитие энергетики. Значительный интерес для сотрудничества в энергетической сфере представляет добыча урана и атомная энергетика. В рамках ЕврАзЭС прорабатывается вопрос о создании международного центра по предоставлению услуг ядерного цикла под контролем МАГАТЭ.

Интеграция ЕврАзЭС в мировую систему оборота топливно-энергетических ресурсов, сотрудничество с иностранными инвесторами в области освоения и разработки энергетических ресурсов, повышения эффективности использования традиционных и освоения новых энергетических рынков, являются одним из важнейших направлений энергетической политики Сообщества. В этой связи особую актуальность приобретает выработка основных направлений единой энергетической политики с учетом мировых тенденций, рациональное использование ресурсного потенциала государств Сообщества в его экономических интересах. Они должны быть направлены на переход от статуса поставщика сырьевых ресурсов к роли независимого участника мирового рынка энергетических товаров. Эта задача диктуется, как тенденциями международной интеграции в энергетической сфере, так и потенциальными выгодами от качественного изменения роли ЕврАзЭС в мировой торговле энергоресурсами. Региональное сотрудничество может играть важную роль в обеспечении энергетической безопасности на устойчивой основе, являясь эффективным путем обеспечения спроса на энергию и повышения отдачи ресурсного потенциала энергетики [1].

Особое геополитическое положение государств ЕврАзЭС переводит энергетический фактор в разряд базовых компонентов экономической политики Сообщества. Соображения энергетической безопасности в возрастающей степени диктуют поведение национальных государств в мировой политике, их готовность вступать в коалиции и союзы, участвовать в работе международных организаций. Предпосылками этого являются такие факторы, как география поставок энергетических ресурсов, которая не всегда соответствует государственным границам, и размеры национальных энергетических рынков, которые часто слишком малы для реализации крупных энергетических проектов.

Потребители и производители энергоресурсов все больше осознают общую заинтересованность в необходимости коллективными мерами обеспечить стабильность энергетического сектора и его безопасность. Государства-импортеры стремятся противодействовать сбоям в энергоснабжении и резким ценовым колебаниям, а государства-экспортеры надеются за счет такого сотрудничества гарантировать себе рынки сбыта, тем самым создавая политическую и экономическую основу для энергетического взаимодействия.

Государства-члены ЕврАзЭС в совокупности располагают значительными запасами различных видов первичных энергоресурсов. Однако распределены запасы энергоресурсов неравномерно. Крупнейшими запасами всех видов энергоресурсов обладают Россия, Казахстан и Узбекистан, которые имеют значительные запасы органического топлива – нефти и газа, а также урановых руд. Киргизия и Таджикистан обладают значительным потенциалом гидроэнергоресурсов, но запасы углеводородного топлива, угля и урана ограничены. Белоруссия практически не имеет собственных первичных энергоресурсов. Неравномерность распределения источников энергоносителей по странам Сообщества обуславливает объективную необходимость развития интеграции в топливно-энергетическом секторе экономики. Объем экспорта-импорта энергоресурсов между государствами-членами ЕврАзЭС имеет устойчивую тенденцию роста.

Интеграция национальных топливно-энергетических комплексов позволяет решать проблемы, которые трудно преодолеть в рамках одного государства.

Учитывая различные пиковые нагрузки в соседствующих государствах, региональная торговля энергией может снизить потребность в строительстве новых генерирующих мощностей в каждой из этих стран. Поэтому экономически и политически, оправданным является курс энергетической политики ЕврАзЭС, на расширение межгосударственных поставок энергоресурсов, как эффективное средство обеспечения энергетической безопасности каждой страны и Сообщества в целом.

Представляется, что формирование межгосударственного конкурентного рынка электроэнергии, снимающего барьеры на пути межгосударственной торговли, будет способствовать повышению его объема и достижению поставленных целей.

Для государств ЕврАзЭС с их геополитическим положением решение проблемы транзита энергоресурсов имеет особое значение. Для этого существуют все необходимые предпосылки, чтобы транзит обеспечивал надежность поставок энергоресурсов странам-потребителям. Поэтому формирование единой энергетической и энерготранспортной инфраструктуры в сопредельных регионах Европы и Азии, развитие энерготранспортных систем, обеспечение свободного транзита энергоносителей отвечают стратегическим интересам ЕврАзЭС [2].

Для реализации основных принципов построения общего электроэнергетического рынка органами

интеграции государств-членов ЕврАзЭС осуществляется работа по унификации национальных законодательств, регулирующих отношения в области энергетики. Постоянными комиссиями Межпарламентской ассамблеи ЕврАзЭС подготовлены предложения по проектам основ законодательств ЕврАзЭС об энергетике, которые после их доработки будут вынесены на утверждение Межгосударственного совета. Важнейшие принципы обеспечения энергетической безопасности государств-членов ЕврАзЭС включают гарантированность и надежность энергообеспечения экономики и населения стран Сообщества; диверсификацию используемых видов топлива и энергии; экологическую безопасность; энергосбережение и повышение энергоэффективности, рациональное потребление всех видов топливно-энергетических ресурсов в целом, создание экономических условий, обеспечивающих рационализацию структуры экспорта, и другое.

Принятие конкретных мер по углублению взаимодействия государств Сообщества в области энергетики важный этап формирования общего рынка энергоресурсов. В апреле 2003 года в Душанбе было принято решение о совместных действиях государств ЕврАзЭС по освоению гидроэнергетического потенциала бассейнов рек Сырдарья и Амударья. Важным практическим шагом в этом направлении должно стать завершение строительства Сангтудинской и Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинских ГЭС-1 и ГЭС-2 в Киргизии. В рамках ЕврАзЭС инициирована реализация проектов по завершению строительства Сангтудинской ГЭС-1 и Рогунской ГЭС, имеющих региональное значение. Ведется подготовительная работа по реализации аналогичных проектов в Киргизии. В эти проекты активно вовлечен российский бизнес-компания РАО «ЕЭС России». Реализация указанных проектов даст новый импульс развитию экономик государств региона, улучшению уровней жизни населения и расширению экспортных возможностей стран Центральной Азии.

Региональной интеграции с точки зрения оптимизации использования энергоресурсов посредством торговли электроэнергией, содействует строительству линии электропередачи Север-Юг в Казахстане, от Экибастузской подстанции до подстанции Агадырь. Такое же региональное значение имеет программа технической модернизации Экибастузской ГРЭС-2, финансируемая ЕАБР. В целях дальнейшего развития интеграции в энергетическом секторе главы государств Сообщества на сочинском саммите в августе 2006 года поставили задачу разработки Концепции формирования общего энергетического рынка государств-членов ЕврАзЭС. Сейчас идет экспертная проработка проекта концепции. При проработке этой концепции одновременно рассматривается возможность и определяются направления развития инфраструктуры рынка с учетом общих задач по формированию Трансазиатской энергосистемы, работа над которой ведется сейчас в рамках Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана. В этой связи в Сообществе рассматриваются коридоры поставки энергоресурсов в Афганистан, Пакистан, Китай, Индию и Иран [3 с. 4].

В целях обеспечения сбалансированности спроса и предложения внутреннего рынка топливно-энергетических ресурсов государств-членов ЕврАзЭС, расширения взаимовыгодных межгосударственных поставок этих ресурсов государствами-членами ЕврАзЭС в сентябре 2005 года принято Соглашение о совместной разработке топливно-энергетического баланса государств Сообщества. Положения указанного документа, определяют органы государственного управления сторон, обеспечивающие разработку топливно-энергетического баланса ЕврАзЭС, порядок организации и проведения работы в этом направлении, механизмы получения исходных материалов и их согласования, процедуры принятия решений по общему балансу топливно-энергетических ресурсов [4]. Соглашение создает правовую основу для организации работы по составлению такого баланса для ЕврАзЭС и координации деятельности соответствующих государственных органов сторон. Национальные топливно-энергетические балансы и совместный топливно-энергетический баланс разрабатываются по видам топливно-энергетических ресурсов. Разработка совместного топливно-энергетического баланса осуществляется на трехлетний период на основе составленных сторонами национальных топливно-энергетических балансов. Они дают возможность формировать стратегические направления развития топливно-энергетических комплексов государств-членов ЕврАзЭС и основные направления сотрудничества в этом секторе экономики.

Актуальной является проблема модернизации нефтегазотранспортной инфраструктуры. В настоящее время с участием международных финансовых институтов согласованы проектные предложения по реконструкции газопровода Узбекистан-Душанбе, проходящего по территории Таджикистана. Второй проект – это реконструкция газопровода Ташкент-Бишкек-Алма-Ата, реализация которого будет способствовать обеспечению бесперебойных поставок газа из Узбекистана в Киргизию.

Значительный интерес для сотрудничества в энергетической сфере представляет добыча урана и атомная энергетика. В рамках ЕврАзЭС прорабатывается вопрос о создании международного центра по

предоставлению услуг ядерного цикла под контролем МАГАТЭ. В 2006 году Россия и Казахстан подписали учредительные документы о создании трех совместных предприятий в этой сфере, к которым может присоединиться и Узбекистан, обладающий значительными запасами урана. Для государств-членов ЕврАзЭС, важное значение, имеют совместная разработка и создание новых энергосберегающих технологий, внедрение научно-технических достижений. Государства ЕврАзЭС заинтересованы в повышении эффективности использования энергии и вследствие этого обмене технологиями, опытом и кооперации по производству энергетического оборудования [5].

Выгоды от участия в ЕврАзЭС, энергетического сектора государств-участников заключаются прежде всего в том, что возрастает энергетическая безопасность каждого государства, поддерживается устойчивая работа национальных энергосистем, обеспечивается приток взаимных инвестиций в развитие энергетики. Стратегически важно для ЕврАзЭС также укрепить позиции на мировых нефтяных и газовых рынках и, реализуя экспортные возможности, обеспечить экономическую безопасность Сообщества при стабильном партнерстве с мировым сообществом. Объединение рынков электроэнергии, нефти и нефтепродуктов, а также природного газа позволяет инвесторам существенно снизить коммерческие и политические риски, развить эффективную специализацию национальных экономик и их кооперацию. Проведение согласованной энергетической политики и формирование общего энергетического рынка государств-членов ЕврАзЭС должно стать одним из ключевых направлений межгосударственного сотрудничества.

К числу основных направлений сотрудничества государств-членов Сообщества в области электроэнергетики, относятся совместное освоение водно-энергетических ресурсов Центральной Азии и развитие атомной энергетики. В этой связи представляется целесообразным создание международных энергетических комплексов по освоению водно-энергетических ресурсов, использованию атомной энергии.

Приоритетные направления деятельности ЕврАзЭС должны исходить из задач формирования общего энергетического рынка, предусматривающих в том числе, обеспечение свободного перемещения энергоресурсов и равных условий доступа к инфраструктуре энергетики; формирование согласованных принципов тарифной, налоговой, таможенной политики; совместную разработку государствами Сообщества механизма насыщения внутреннего рынка энергоресурсами; формирование единого информационного пространства в сфере энергетики; создание условий для привлечения инвестиций; унификация и гармонизация национальных законодательств в области энергетики; развитие сотрудничества с третьими странами и международными организациями в области энергетики.

Принципы выгодного энергетического взаимодействия содержат следующие положения: совместная разработка государствами-членами механизма насыщения внутреннего рынка энергоресурсами; формирование согласованных принципов тарифной, налоговой политики; развитие сотрудничества с третьими странами и международными организациями в области энергетики. Также совместная работа по унификации законодательства в области энергетики. Что касается формирования рынка электрической энергии, то к этому, во-первых, относится обеспечение энергетической безопасности и снижение рисков, а во-вторых, выбор наилучших механизмов развития электроэнергетического рынка. Ну и немаловажное значение имеет взаимодействие по следующим вопросам: гармонизация законодательства в сфере энергетики; внедрение экологически безопасных технологий и привлечение инвестиций. Данные принципы являются своего рода моделью формирования интеграционных процессов в сфере энергетики государств ШОС и ЕврАзЭС.

Реализация этого проекта связана с преодолением целого ряда препятствий и проблем. Согласованные решения должны быть найдены для таких конкретных проблем, как:

- унификация национальных законодательств в области электроэнергетики;
- либерализация внутренних рынков электрической энергии;
- выбор наилучших механизмов развития электроэнергетического рынка и обеспечения энергетической безопасности, снижения рисков;
- нахождение подходящих методов финансирования;
- сближение уровней реформирования электроэнергетических систем [26].

Для формирования нового типа взаимодействия на энергетических рынках представляется целесообразным поставить вопрос о формировании соответствующих институтов в рамках государств-участников ШОС. Интегрированный рынок, обслуживающий пространство ШОС, имеет все шансы быть созданным в самое ближайшее время. Особенно, если принять во внимание достаточно высокий уровень экономического развития и роста совокупного ВВП, а также то, что в нем могут быть представлены, с одной стороны, страны-производители энергосырья, а с другой – страны-потребители. Производители представлены на первом этапе такими странами, как Россия, Казахстан, Узбекистан, Иран, впоследствии, возможно, Туркменистан и

Азербайджан. Страны-потребители – Китай, Индия, Таджикистан и Кыргызстан [6]. Энергетическое взаимодействие ЕврАзЭС и ШОС открывает новые возможности для развития партнерства и сотрудничества, включающих проведение политики энергосбережения и энергоэффективности в экономике, уменьшение воздействия энергетики на окружающую среду, использование научно-технических достижений в топливно-энергетическом комплексе, подготовку перехода к энергетике будущего. На прошедшей 29 июня 2007 г. в Москве первой встрече министров стран-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), отвечающих за развитие топливно-энергетического комплекса, одобрено положение об Энергетическом клубе этой организации. Участники встречи согласились с целесообразностью повышения эффективности сотрудничества в энергетической сфере для обеспечения энергетической безопасности государств-членов ШОС и необходимостью сопоставления национальных стратегий государств-членов ШОС в целях их дальнейшей гармонизации. Основной задачей Клуба декларируется создание информационной и дискуссионной площадки для всестороннего обсуждения энергетических стратегий государств-членов ШОС с позиций их гармонизации и выработки предложений по повышению энергетической безопасности. Планируется, что в рамках Клуба будут обсуждаться вопросы взаимодействия государств-членов ШОС, а также компаний – производителей, транзитеров и потребителей энергоресурсов на международных рынках [6]. Одним из наиболее важных направлений станет осуществление информационного обмена в сфере ТЭК между государственными, деловыми и финансовыми кругами государств-членов ШОС.

Таким образом, необходимо отметить, что формирование общего рынка энергоресурсов государств-членов ЕврАзЭС, является основным, поскольку отражает главную цель обеспечения энергетической безопасности: достижение сбалансированности спроса и предложения энергоресурсов, полное покрытие потребности потребителей в них и увеличение экспорта энергоресурсов в третьи страны. Его реализация предполагает совместную разработку компетентными органами государств ЕврАзЭС общего топливно-энергетического баланса, который позволит определить оценки потребности и производства энергоресурсов, возможные объемы экспортных и транзитных поставок. Его реализация будет способствовать проведению согласованной транзитной и экспортной политики поставок энергетических ресурсов на внутренний и внешний рынки. В связи с этим на межправительственном уровне было бы целесообразным разработать и принять соответствующее Соглашение, в котором определить порядок формирования и реализации общего топливно-энергетического баланса государств ЕврАзЭС.

Также, необходимо на межправительственном уровне принять соответствующее Соглашение, где должны быть определены наиболее актуальные маршруты транспортировки энергоресурсов и конкретные меры по их развитию. В области формирования общего электроэнергетического рынка целесообразно разработать Программу электросетевого строительства, предполагающую создание ряда крупных межсистемных линий электропередачи для транспортировки электроэнергии в рамках государств-членов ЕврАзЭС и в третьи государства.

В области формирования общего нефтегазового рынка необходимо разработать Программу создания современной нефтегазотранспортной инфраструктуры государств ЕврАзЭС, предусматривающую совместное строительство новых и реконструкцию действующих нефтегазопроводов.

Реализация этих направлений имеет важное значение для государств-членов ЕврАзЭС в связи с необходимостью эффективного использования и дальнейшего развития их транзитного потенциала.

1. Интернет ресурс: http://www.isedc-u.com/index.php?option=com_content

2. Интернет ресурс: <http://www.rg.ru/.../energeticheskajastrategija.html>

3. Иванов С.А. «Сотрудничество стран ЕврАзЭС в сфере энергетики», 2007, №5 – С. 17.

4. Интернет ресурс: <http://www.eabr.org/media/rus/publications/Analytic>

5. <http://www.ng.ru/energy/2987/4748/media.html>

6. Язев В. «Развитие межгосударственной интеграции в СНГ и ЕврАзЭС».

Түйін

Мақалада ЕврАзЭС мүше-мемлекеттерінің энергетикалық интеграциясының құқықтық негіздері қарастырыла келе, осы ұйымдағы мүше-мемлекеттерінің мемлекетаралық келісімдеріне талдау беріледі.

Резюме

В статье рассматриваются правовые основы энергетической интеграции государств-членов ЕврАзЭС, а так же

дается анализ межгосударственных соглашений государств-членов ЕврАзЭС.

Summary

The article focuses on the legal framework for energy integration states - members of the Eurasian Economic Community, as well as an analysis of interstate agreements EurAsEC.

УДК 323.1:21/29 (574)

О СУЩНОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В КАЗАХСТАНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И О ПУТЯХ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

А.К. Кульбаев – *ст. преподаватель кафедры «Международные отношения», магистрант 1-го курса спец. «Религиоведение» Института магистратуры и докторантуры PhD КазНПУ им. Абая,*

М.П. Мирхамитов – *магистрант 1-го курса спец. «Религиоведение» Института магистратуры и докторантуры PhD КазНПУ им. Абая*

Поражение коммунистической идеологии, падение советской власти и развал СССР повлекли за собой огромные изменения в мире, в том числе и в Казахстане. Соответственно, в значительной степени трансформировались и наши представления о разнообразных явлениях и событиях действительности. Во многие понятия, перешедшие к нам из прошлого, нынче вкладывается иное содержание. В этой связи значительная часть понятий религиоведческой науки и других научных дисциплин, занимающихся исследованием взаимодействия религии и политики, нуждаются в переосмыслении. В частности, является очевидным необходимость уточнения таких понятий, как “религиозный фундаментализм”, “клерикализация политики”, “политизация религии”, “религиозный экстремизм” и другие. Представляется, что одной из важнейших задач в этом плане является необходимость вычленения из общей массы экстремистских проявлений, так или иначе связанных с религией, тех, которые представляют особую опасность для личности, общества и государства. Ее решению, на наш взгляд, способствует введение понятия “религиозно-политический экстремизм” [1]. Экстремизм, как известно, в самом общем виде характеризуется как приверженность к крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила. Экстремизм, проявляющийся в политической сфере общества, называется политическим экстремизмом, экстремизм же проявляющийся в религиозной сфере получил название религиозного экстремизма. В любой религии (не только в исламе) потенциально заложено явление экстремизма. Религиозный культ предписывает определенное поведение, чувство зависимости, познание обязанностей в виде заповедей. Религия дает обоснование для протеста и сопротивления всему несправедливому. Поэтому в разные эпохи человечества религиозный экстремизм вспыхивал в разных странах, в недрах разных вероисповеданий. Современный экстремизм (исламский в форме ваххабизма) поставил цель – создание государства, не признающего границ между мусульманскими странами. В мусульманских странах значительное распространение получил ваххабизм, в настоящее время, превратившись в оплот международного терроризма и экстремизма. Широкое распространение ваххабитское движение получило после второй мировой войны с ростом экономического потенциала Саудовской Аравии, Эмиратов и Кувейта. Для поддержания экстремизма в форме ваххабизма и его деятельности в мировом масштабе эти страны расходуют миллиардные суммы. Для распространения идей этого учения построены мечети, центры СМИ, оказывается материальная помощь присоединившимся к этому движению, создаются специальные отряды боевиков, агентурная сеть. Их деятельности практически охватывают весь исламский мир, а целью является установление господства над мусульманским миром, а потом над всем миром. События в Чечне – всего лишь часть стратегии плана экстремистов-ваххабитов. В организации и проведении этих событий участвуют террористические организации из Арабских стран, Африки, Турции, Афганистана. К сожалению, в юридической литературе пока не существует понятия религиозного экстремизма. Назрела необходимость уточнить понятие “религиозный экстремизм”, который понимается как нечто целое, противоправное в целом. Дифференциация понятий позволит более точно определить причины, порождающие экстремизм на религиозной основе, будет способствовать более правильному выбору средств и методов борьбы с ними, а следовательно, будет способствовать прогнозированию событий и нахождению эффективных путей предупреждения и преодоления этого рода экстремизма. События в мире показывают, что именно на современном этапе наибольшую угрозу представляет не просто экстремизм, а религиозный экстремизм. Он отличается от других видов экстремизма тем, что направлен на насильственное

изменение государственного строя и захват власти, нарушением суверенитета и территориальной целостности государства, использует религиозное учение и символы как важный фактор привлечения людей, мобилизуя их на бескомпромиссную борьбу.

В основе экстремизма лежат идеологические, часто религиозные, убеждения и прикрываемые ими политические цели и установки. Сам термин происходит от латинского *extremus* (превосходная степень от *exter* – «внешний», «наружный»), одним из значений которого было «крайний» в смысле «самый худший», «самый плохой», «опаснейший», «злейший» [2]. Экстремизм представляет собой радикальную форму отрицания отдельными лицами или группами существующих общественных норм и правил. Его причины лежат в социальной дезориентации части граждан, их недостаточном образовании, кризисном состоянии общества, в слабости институтов общественного контроля, в низкой эффективности правовой системы. Опасность экстремизма особенно велика потому, что до определенного момента, подчас в течение длительного времени, он плохо поддается мониторингу, фиксации и локализации. Другими словами, крайне сложно отследить его вызревание. Между тем, вызрев в том или ином регионе, он легко и быстро может трансформироваться в новый источник терроризма международного масштаба. В Центрально-Азиатском регионе, как и в иных регионах мира, экстремизм и терроризм во многом являются следствием ухудшения социально-экономического положения значительных групп населения, имущественного и социально-правового расслоения, роста коррупции, криминализации общества, нехватки жизненно важных ресурсов и ряда других причин.

Межрелигиозные отношения ныне переходят в разряд стратегических глобальных проблем, решение которых должно стать предметом тщательного и глубокого изучения и международного урегулирования наравне с проблемами разоружения, безопасности, прав человека, экологии и других вопросов. Самым существенным моментом в отношениях религии и политики должен стать вопрос о наиболее эффективном, с точки зрения общества, их сосуществовании; о наиболее разумном методе государственного управления населением, исповедующем различные религии. По результатам этой работы, самой разумной представляется политика доброго сожительства и равноправного развития различных конфессий и государства. Причем религиозный экстремизм ничем не лучше воинствующего атеизма, ибо они оба основаны на жесткой бескомпромиссности. Среди некоторых слоев нашего общества до сих пор широко распространено убеждение, что религия – пустая и никчемная штука, нагромождение догм и антинаучных мировоззрений. Это общественное мнение существует, как бы, «по инерции» со времен социализма, и обнаруживает тенденцию к исчезновению, пусть и не очень скорому, потому что религия в наши дни все больше выступает не в виде слепой веры и фанатизма, а в качестве своеобразного морально-нравственного регулятора, поборника социальной справедливости в ее религиозном смысле, гуманистической системы воспитания, ориентированной на традиционные ценности и фундамента обустройства на этих началах земного бытия людей. Международному сообществу принадлежит заслуга признания терроризма во всех случаях независимо от политических мотивов противозаконным действием. В Декларации о мерах по пересечению международного терроризма, принятой на 49 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1994 г., было подчеркнуто, что «никакие идеологические, расовые, этнические, религиозные или любые другие соображения не могут быть использованы для оправдания преступных действий, направленных на создание атмосферы террора среди широких слоев населения».

Особенно активизировалась международная законодательная деятельность после терактов 11 сентября 2001 г. Сразу же 12 сентября, Советом Безопасности ООН была принята резолюция 1368. 28 сентября 2001 г. Совет Безопасности принимает резолюцию 1373, фрагменты которого приводятся ниже: «Совет Безопасности, подтверждая свои резолюции 1269 (1999) от 19 октября 1999 года и 1368 (2001) от 12 сентября 2001 года, подтверждая также свое безоговорочное осуждение террористических нападений, которые были совершены 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, Вашингтоне (округ КОЛУМБИЯ) и Пенсильвании, и, заявляя о своей решимости предотвращать все подобные акты, подтверждая далее, что такие действия, как и любой акт международного терроризма и безопасности, подтверждая необходимость бороться всеми средствами, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, с угрозами для международного мира и безопасности, создаваемыми террористическими актами, действуя на основании главы 7 Устава Организации Объединенных Наций». Что касается совместных действий в борьбе с международным терроризмом стран СНГ, то в соответствии с решением совета глав государств СНГ от 25.01.2000. «О противодействии международному терроризму в свете итогов Стамбульского саммита ОБСЕ» была разработана «Программа государств-участников СНГ по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 года». Данная программа разработа-

на в целях осуществления сотрудничества в вопросах предупреждения, выявления, пересечения и расследования актов терроризма и иных проявлений экстремизма в государствах-участниках Содружества Независимых Государств. В Программе в частности говорится: Международный терроризм приобретает все более угрожающие масштабы, его проявления влекут массовые человеческие жертвы, приводят к разрушению материальных и духовных ценностей. Расширение географии терроризма осложняет отношения между социальными, национальными группами и народами. Транснациональный характер растущих угроз террористической деятельности и преступного экстремизма обязывает государства-участников СНГ консолидировать свои усилия в создании международной системы совместных мер борьбы с международным терроризмом. Не остался в стороне от процессов законотворчества в области борьбы с терроризмом и Казахстан. Казахстан подписал ряд международных договоров в сфере борьбы с терроризмом, например, «Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности Сторон» (Ташкент, 21 апреля 2000 г.). Центральноазиатские государства в этом договоре наметили ряд мер, направленных на взаимодействие в борьбе с терроризмом: «Стороны будут принимать взаимосогласованные усилия по противодействию терроризму, экстремизму, действиям, направленным на насильственное изменение конституционного строя, либо нарушение территориальной целостности, транснациональной организованной преступности, незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, оружия и боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

13 июля 1999 года в Республике Казахстан принят Закон «О борьбе с терроризмом»; 10 февраля 2000 года издан Указ Президента РК «О мерах по предупреждению и пресечению проявлений терроризма и экстремизма»; 19 февраля 2002 года принят Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам борьбы с терроризмом».

18 февраля 2005 года Президентом РК был подписан Закон «О противодействии экстремизму» («Казахстанская правда», 26 февраля 2005 года). Данный закон дает понятие экстремизма, определяет его признаки и цели, полномочия государственных органов, в частности, по профилактике, выявлению и пресечению экстремизма (в том числе в отношении деятельности средств массовой информации), порядок признания организации экстремистской, определяет ответственность за осуществление экстремизма.

19 марта 2004 года в ежегодном Послании президента народу Казахстана «К конкурентноспособному Казахстану, конкурентно-способной экономике, конкурентноспособной нации!», президент Назарбаев Н.А. затронул вопрос борьбы с терроризмом. В частности им было сказано – «Особенностью нашего времени стала активная борьба с терроризмом. Последние события в России и Испании потрясли всех и заставили задуматься о том, что, пожалуй, нет ни одного государства, защищенного от варварских действий террористов. Погибают мирные ни в чем не повинные граждане. Вот почему для нас так важна консолидация региональных и международных усилий, в частности, в борьбе с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, наркотрафиком и другими современными вызовами и угрозами человечеству». Как и на всем мусульманском Востоке, в ЦА господствующей идеологической «рамкой» экстремизма выступает религиозный фундаментализм. Конституционный строй, основанный на западных, то есть на неисламских по происхождению принципах, светские установки и нормы трактуются фундаменталистами почти так же, как бид'а – еретическое нововведение в обрядности, не находящее оправдания в Коране [3]. Когда говорят о таких важных особенностях ислама, как вмешательство религии в процесс принятия политических решений, ее определяющая роль в системе государственного управления, то обычно подразумевают только так называемый «политический ислам». Но ведь и в классическом исламе нет разделения политической и религиозной сфер [4] и данное обстоятельство используется идеологами многих радикальных религиозных группировок для оправдания своей борьбы против светских режимов. Религиозный фундаментализм в исламе, призывающий к возвращению к истокам религии, к мусульманской общине времен пророка Мухаммеда, предлагающий политическое переустройство на старых принципах, то есть через построение халифата [5] по существу, отрицающий всю предыдущую историю религии, все предыдущее развитие человечества, прямо бросает вызов национальным интересам Казахстана. Он препятствует формированию национальной гражданской идентичности, создает очаги религиозной нетерпимости в поликонфессиональном государстве, подрывает его социальную стабильность. Для Казахстана важно оставаться в русле эволюционных тенденций в исламе. Исламский фундаментализм несет в себе революционный импульс, поэтому нельзя допустить, чтобы политическое

пространство Казахстана и ЦА было заполнено радикальным исламом. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев в этой связи высказывается вполне однозначно: «Не умаляя гражданских прав верующих, все же необходимо констатировать, что конфессиональная безопасность может подвергнуться испытаниям в случае чрезмерной политизации отдельной религии или конфессионального течения. Здесь формула, которая может и должна обеспечивать светский статус государства и конфессиональное равновесие в обществе, достаточно проста: верующие, безусловно, имеют гражданские права и пользуются демократическими свободами. В свою очередь, религия как духовное начало и возможность отправления культа не имеет и не должна обладать политическими правами и возможностью влияния на политическую волю государства» [6].

Как справедливо считает казахстанский политолог Руслан Жангазы: «По объективным причинам было бы наивно полагать, что Казахстан, находясь в геополитическом центре между ареалами активного распространения религиозного экстремизма «Северный Кавказ-Иран-Афганистан-Узбекистан-СУАР КНР», не входит в орбиту интересов крупнейших террористических групп.

Другими словами, ось международного терроризма фактически «обволакивает» периметр Государственной границы Казахстана.

Как выяснилось позже, все это время *внутриполитические и религиозные процессы в Казахстане находились в зоне пристального внимания эмиссаров и проповедников* иностранных государств.

Мы видим как официальное мусульманское духовенство Казахстана не всегда способно эффективно и методично осуществлять проповедническую деятельность. А ведь, именно имамы и священники как никто другой *находятся в авангарде борьбы с идеологами религиозного экстремизма.*

На мой взгляд, настало время *возраживания национальной интеллектуальной когорты для ислама*, которая получит самое прогрессивное богословское образование в ведущих мировых центрах уровня Аль-Азхара, способна вести глубокие религиозные дискуссии и будет привержена национальным интересам Казахстана.

Механизм реализации подготовки национальных кадров-имамов может быть позаимствован у международной программы «Болашак». По сути, это будет «исламский Болашак» с тщательной системой отбора, мониторинга учебной программы, академической успеваемости, а также последующего гарантированного трудоустройства в крупных исламских образовательных и исследовательских центрах Казахстана» [7].

Далее политолог вполне уместным считает, что «сегодня как никогда критично *выработать устойчивый мировоззренческий иммунитет у населения к инородным псевдорелигиозным «инъекциям».*

Считаю системной долгосрочной мерой *организовать широкомасштабные научные междисциплинарные исследования* с участием религиоведов, политологов, социологов, культурологов и историков с целью выработки национальной Стратегии развития ислама в Казахстане, которая будет направлена на формирование основ обеспечения духовной и идеологической безопасности.

Импонирует успешный опыт ряда государств, где доминирующие традиционные религиозные общины самостоятельно, без участия государства, эффективно противодействуют различным попыткам навязывать зарубежные религиозные учения. Получается, что *на острие борьбы с религиозным экстремизмом выдвигаются институты гражданского общества»* [8].

Мы должны вести речь о необходимости мощной мировоззренческой парадигмы, куда будут органично вкраплены великий исторический опыт развития ислама, нашего казахского и всего казахстанского народа, его национальные духовные и культурные ценности и традиции.

Разумеется, требуется мобилизация всех средств государства и здоровых сил гражданского общества с учетом постоянно усиливающихся угроз массового проникновения чуждых нашему народу религиозных учений, нам следует поторопиться с принятием конкретных мер.

1. Малашенко А. Религия – дело не частное. Заметки по конфессиональному вопросу // Независимая газета. 2001. №46. – С. 8.

2. Петрученко О. Латинско-русский словарь. 11-е изд. – СПб.: Лань, 2003. – С. 212-213.

3. Ярлыкапов А.А. Кредо ваххабита // Вестник Евразии. 2000. №3 (10) – с. 119.

4. Нуриша А., Чукубаев Е. Исламский фундаментализм в свете геополитики... // www.kisi.kz

5. Уразбаев А.З. К вопросу о роли превентивных мер в общегосударственной системе противодействия терроризму в Республике Казахстан в контексте региональной безопасности // www.kisi.kz

6. Нуриша А., Чукубаев Е. Исламский фундаментализм в свете геополитики... // www.kisi.kz

7. <http://smi-antiterror.ru/experts/geopolitika-religii-ideologicheskaya-konkurenciya-saudovs-koy-aravii-i-turtsii-podryvaet-bezopasnost.htm>

8. Там же

Түйін

Бұл мақалада Қазақстандағы діни экстремизмнің көріну мағынасы мен оның кейбір шешу жолдары көрсетіліп талдауға алынды.

Резюме

В данной статье дан анализ сущности проявления религиозного экстремизма в Казахстане и показаны некоторые пути ее преодоления.

Summary

In this article the analysis of essence of manifestation of religious extremism in Kazakhstan is given and some ways of its overcoming are shown.

УДК 327: 341.43

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СТРАН СНГ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.И. Тлеужанова – к.ю.н., доцент кафедры международного права Института права и экономики, КазНПУ им. Абая

Советский Союз, задолго до создания Европейского союза (ЕС), соответствовал всем критериям регионального интеграционного объединения. В бывшем СССР существовали: зона свободной торговли; таможенный союз; единое экономическое пространство с четырьмя степенями свободы (движение товаров, капитала, услуг и рабочей силы). Кроме того, фактически был единый рынок, наднациональные органы управления, единая макроэкономическая, внешнеэкономическая, налоговая, социально-экономическая политика, единая валюта.

Но распад Советского Союза, дезинтеграция республик, входивших в его состав, совпали по времени с завершающим этапом европейской интеграции – созданием Экономического и валютного союза (ЭВС).

Подписание Маастрихтских соглашений об условиях конвергенции в Евросоюзе и подписание Беловежских соглашений о создании СНГ, что привело к юридической ликвидации Советского Союза, произошло практически в одно и то же время – в декабре 1991 г.

Сразу после распада СССР и создания СНГ в 1992-1993 гг. все 12 стран подписали между собой двусторонние соглашения о свободной торговле, которые провозгласили де-юре на этом пространстве зону свободной торговли с минимальными изъятиями. В 1993-1994 гг. были подписаны многосторонние соглашения, которые в случае их выполнения могли привести к созданию таможенного союза на территории СНГ.

Экономическое сотрудничество стран Содружества развивалось неоднозначно. На его динамику негативное влияние на первых этапах интеграции (1991-1994 гг.) оказали различия в стартовых условиях и содержания проводимых этими государствами экономических реформ. В этот период в странах СНГ преобладали национальные интересы, приведшие к существенному ослаблению внешнеэкономических связей, их значительной переориентации на страны дальнего зарубежья. В результате при сокращении суммарного ВВП стран Содружества в этот период почти в два раза товарооборот, например России с этими государствами уменьшился более чем в шесть раз, составив в 1994 г. (по данным ГТК России) 24,4 млрд. долл. [1, С. 10-21].

Предпринятые в рамках СНГ в 1995-1997 гг. меры по развитию интеграционных процессов, связанные с началом формирования более свободных режимов торговли, создания Союзного государства и таможенного союза, а также с восстановлением и развитием отдельных производственно-технологических связей, позволили обеспечить некоторую стабилизацию в экономических отношениях России со странами СНГ.

Товарооборот России с этими государствами составил 30,9 млрд. долл. в 1997 г., или вырос на 26,6% по сравнению с 1994 г.

Однако сложившаяся в 1998 г. кризисная ситуация на финансовых рынках сказалась и на развитии отношений со странами СНГ, взаимная торговля с которыми сократилась в 1999 г. до 19 млрд. долл., или на 38% к уровню 1997 г. На дальнейшее сотрудничество России со странами СНГ в 2000-2002 гг. преимущественное влияние оказала благоприятная конъюнктура мирового рынка, особенно энергетического. Последовавший в 2000 г. значительный рост товарооборота с этими государствами до 25,4 млрд. долл. (почти на 34%) сменился в дальнейшем его стабилизацией примерно на том же уровне. Товарооборот России со странами СНГ в 2004 г. составил 46,1 млрд. долл., в том числе экспорт – 29,4 млрд. долл. и импорт – 17,7 млрд. долл. Положительное сальдо России в торговле со странами СНГ достигло 11,6 млрд. долл., увеличившись в 1,6 раза по сравнению с 2001 г.

Однако, заполнив образовавшийся вакуум на постсоветском пространстве и достаточно успешно решив задачу «цивилизованного развода» бывших советских республик, СНГ не смогло стать эффективно действующим региональным интеграционным объединением. В экономической сфере дальше режима свободной торговли с изъятиями и ограничениями продвинуться не удалось. В настоящее время СНГ, несмотря на ряд попыток его реформирования, по-прежнему представляет собой виртуальное интеграционное объединение со сложной плохо управляемой бюрократической структурой.

В середине 1990-х гг. была предпринята попытка придать новый импульс интеграционным процессам на постсоветском пространстве. В 1995 г. было заключено соглашение о *Таможенном союзе России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии*. Данное интеграционное объединение просуществовало не очень долго и в 2000 г. (наряду с Таджикистаном) было преобразовано в *Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)*. При подготовке пакета документов о создании ЕврАзЭС были обозначены этапы и конечная цель – формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства. Предусматривалась возможность принятия принципиальных решений равновесным голосованием, при котором каждая страна в зависимости от экономического потенциала имела определенный процент голосов. Однако возможности создания соответствующих институциональных органов международной организации не были зафиксированы. В результате на первоначальном этапе создания таможенного союза к концу 1995 г. уровень унификации ставки таможенного тарифа достиг практически 100%, а в последние годы составляет 56-60%. Главная причина снижения уровня унификации в том, что все решения по таможенному тарифу принимаются национальными органами, а не единым наднациональным органом.

ЕврАзЭС – перспективная региональная организация, построенная с учетом основных принципов Евросоюза, имеет четкие экономические цели и действенную институциональную структуру. Именно в ЕврАзЭС создана полноценная зона свободной торговли без изъятий и ограничений. Товарооборот России с другими странами ЕврАзЭС составил 26,5 млрд. долл., увеличившись за пять лет более чем в 2,5 раза.

Уже сегодня ЕврАзЭС наполняется реальным экономическим содержанием. Реализуются многосторонние проекты, прежде всего в ключевых секторах экономики – энергетике и транспорте. В соответствии с документом «Приоритетные направления развития ЕврАзЭС на 2003-2006 и последующие годы» предстояло завершить до конца 2006 г. подготовку к формированию таможенного союза. В долгосрочной перспективе возможно образование и валютного союза.

С мая 2002 года наблюдателями являются Молдавия и Украина, а с 2003 года – Армения. В начале 2006 г. к ЕврАзЭС присоединился Узбекистан, но 12 декабря 2008 г. Межгосударственный совет ЕврАзЭС принял решение приостановить членство Узбекистана в организации по его просьбе.

Вместе с тем существуют предпосылки создания *Единого экономического пространства (ЕЭП)* как организации региональной интеграции. Цели создания ЕЭП и ЕврАзЭС во многом совпадают, как и круг основных участников. Почему объединить экономики решили именно Россия, Украина, Казахстан и Белоруссия? Ответ очевиден. На долю четверки приходится около 95% общего экономического потенциала стран СНГ. При этом доля России составляет сегодня 82% их совокупного ВВП, 78% промышленной продукции, 79% инвестиций в основной капитал. Эти страны располагают наиболее развитым научно-техническим, промышленным, финансовым и кадровым потенциалом, полная и эффективная реализация которого требует более емкого и широкого рынка. Рынок «четверки» – это 215 млн. человек плюс огромные природные ресурсы, практически полностью обеспечивающие основные потребности экономики стран-участниц. Немаловажным фактором является наличие значительной части русскоязыч-

ного населения и пока еще сохраняющиеся кооперационные связи между предприятиями, входившими ранее в единый экономический комплекс Советского Союза. Одним из мотивов создания ЕЭП была попытка привлечь к более динамичным процессам интеграции Украину, которая не является членом ЕврАзЭС.

Началом работы по формированию ЕЭП стало Заявление Президентов Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Украины от 23 февраля 2003 г. В нем выражена готовность стран начать переговоры о мерах, необходимых для формирования ЕЭП. Конечной целью было провозглашено создание Организации региональной интеграции. Для реализации договоренностей стороны учредили и утвердили мандат Группы высокого уровня (ГВУ) в составе представителей правительств государств на уровне вице-премьеров. В своей деятельности ГВУ опирается на семь рабочих групп, которые были созданы из представителей органов государственного управления стран-участниц для подготовки проектов международных договоров и иных документов ЕЭП и проведения переговоров.

В целях технического обеспечения разработки документов образована экспертно-организационная группа ЕЭП (Орггруппа ЕЭП) при Интеграционном комитете ЕврАзЭС.

В короткие сроки сторонам удалось подготовить многостороннее Соглашение о формировании Единого экономического пространства, Концепцию формирования Единого экономического пространства, которые были подписаны главами государств 19 сентября 2003 г. в Ялте [2]. К Соглашению о формировании ЕЭП Украина сделала оговорку о своем участии в его функционировании в пределах, соответствующих Конституции Украины. В апреле-мае 2004 г. указанные документы почти синхронно были ратифицированы парламентами стран-участниц ЕЭП. Соглашение и Концепция, которая является его неотъемлемой частью, – теоретически и практически выверенная модель интеграции.

В Соглашении, в частности, дано определение ЕЭП: «Под Единым экономическим пространством Стороны понимают экономическое пространство, объединяющее таможенные территории Сторон, на котором функционируют механизмы регулирования экономик, основанные на единых принципах, обеспечивающих свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, и проводится единая внешнеторговая и согласованная в мере и том объеме, в каких это необходимо для облегчения равноправной конкуренции и поддержания макроэкономической стабильности, налоговая, денежно-кредитная и валютно-финансовая политика».

В процессе формирования ЕЭП заложен принцип разноуровневой, разнотемпной интеграции. Государства-члены ЕЭП вправе самостоятельно определять скорость своего интеграционного движения, но не могут блокировать продвижение других партнеров.

В Соглашении зафиксировано, что формирование ЕЭП требует создания координирующих, т.е. наднациональных органов, которые будут организовываться по мере необходимости. Принципиальные решения в этих органах будут приниматься с учетом экономического веса государств.

В мае 2004 г. главы государств ЕЭП подписали документ «Комплекс мер по формированию ЕЭП», который состоит из 22 разделов и охватывает 116 мероприятий по унификации законодательных актов. Данный документ определяет, какие шаги и в какой последовательности нужно предпринимать для формирования ЕЭП. На базе комплекса мер был разработан Перечень из 85 основных международно-правовых документов по формированию ЕЭП и определены исполнители научно-исследовательских работ по их подготовке. В настоящее время Перечень содержит 93 наименования проектов международно-правовых и иных документов.

На саммите в Астане 15 сентября 2004 г. руководители государств-участников Соглашения утвердили перечень 29 международно-правовых и иных документов, подлежащих согласованию и подписанию в первоочередном порядке. Работа по подготовке 88 из 91 международно-правовых документов, в том числе по 29 первоочередным, была завершена к апрелю 2005 г. Представленные документы соответствуют требованиям, определенным техническими заданиями, и рекомендованы для переговорного процесса.

На саммите в Казани 27 августа 2005 г. было принято заявление глав государств, участвующих в формировании ЕЭП, об утверждении 15 соглашений, направленных на углубление интеграционных процессов по формированию ЕЭП. Их подписание в совокупности с пакетом из 29 документов, утвержденным 15 сентября 2004 г., обеспечит с учетом норм и правил ВТО формирование общего таможенного тарифа, определение единых правил конкурентной политики и субсидирования, унификацию мер нетарифного регулирования и торговых режимов по отношению к третьим странам, упрощение порядка таможенного оформления и таможенного контроля на внутренних таможенных границах с последующей

их отменой.

Главы государств поручили членам Группы высокого уровня доложить о готовности к подписанию второго пакета из 17 документов до 1 декабря 2005 г. и до 1 марта 2006 г.

Украинская сторона заявила, что она определит этапность своего участия исходя из принципа равноуровневой и разносторонней интеграции с учетом норм и правил ВТО. Указанные 17 документов были подписаны [9 декабря 2010 года](#) в трехстороннем формате, без участия Украины.

Кроме того, Группе высокого уровня было поручено подготовить проект единого кодифицированного международно-правового документа по формированию ЕЭП. [18 ноября 2011 года](#) в Москве в трехстороннем порядке подписаны документы следующего этапа интеграции:

- Декларация о Евразийской экономической интеграции;
- Договор о [Евразийской экономической комиссии](#);
- Регламент работы [Евразийской экономической комиссии](#).

К основополагающим принципам Декларации о формировании ЕЭП можно отнести следующие:

- правовая база на основе норм и правил ВТО;
- использование интеграционного опыта Европейского союза;
- поэтапная интеграция;
- разносторонней и равноуровневый подходы;
- возможность присоединения к Соглашению для других стран;
- политический союз не предусматривается.

Данное соглашение предусматривает гармонизацию макроэкономической политики в сфере налогообложения и фискальной политики, валютных курсов, процентных ставок, единых правил валютного регулирования.

Для вступления в Единое экономическое пространство страна должна ратифицировать документы [3]:

- Соглашение о согласованной макроэкономической политике;
- Соглашение об единых принципах регулирования деятельности субъектов естественных монополий;
- Соглашение об обеспечении доступа к услугам естественных монополий в сфере электроэнергетики, транспортировки газа;
- Соглашение об единых принципах и правилах технического регулирования.

Создание единого рынка предполагает полностью свободное движение товаров, капитала, рабочей силы и услуг, которое обеспечивается за счет:

- создания благоприятных равных условий для инвестиций;
- проведения единой конкурентной политики;
- общих правил регулирования деятельности естественных монополий;
- унификации практики предоставления субсидий;
- отказа от антидемпинговых и иных защитных мер;
- гармонизации технических и регулирующих стандартов и регламентов и иных нетарифных барьеров;
- упрощения трудовой миграции.

В Декларации зафиксировано важное положение о создании координирующих наднациональных органов по мере необходимости. В частности, планируется создать Секретариат глав государств, где предусматривается принятие решений на основе консенсуса. Наднациональным органом стала единая регулирующая межгосударственная независимая Комиссия по торговле и тарифам, где решения принимаются с учетом экономического веса государств.

В Декларации о Евразийской экономической интеграции заявляется о переходе с 1 января 2012 года к следующему этапу интеграционного строительства – Единому экономическому пространству, основанному на нормах и принципах ВТО и открытому на любом этапе своего формирования для присоединения других государств. Конечная цель – создание к [2015 году Евразийского экономического союза](#).

В [Концепции формирования Единого экономического пространства](#) закреплены следующие основополагающие направления сотрудничества и интеграции:

- Целью формирования ЕЭП является создание условий для стабильного и эффективного развития экономик государств-участников и повышения уровня жизни населения.
- Основными принципами функционирования ЕЭП являются обеспечение свободы перемещения товаров, услуг, финансового и человеческого капитала через границы государств-участников.
- Принцип свободного движения товаров предусматривает устранение изъятий из режима свободной

торговли и снятие ограничений во взаимной торговле на основе унификации таможенных тарифов, формирования общего таможенного тарифа, установленного на основе согласованной государствами-участниками методики, мер нетарифного регулирования, применения инструментов регулирования торговли товарами с третьими странами. Механизмы применения во взаимной торговле антидемпинговых, компенсационных, специальных и защитных мер будут заменяться едиными правилами в области конкуренции и субсидий.

– ЕЭП формируется постепенно, путем повышения уровня интеграции, через синхронизацию осуществляемых государствами-участниками преобразований в экономике, совместных мер по проведению согласованной экономической политики, гармонизацию и унификацию законодательства в сфере экономики, торговли и по другим направлениям, с учётом общепризнанных норм и принципов международного права, а также опыта и законодательства Евросоюза.

– Направления интеграции и мероприятия по их реализации определяются на основе соответствующих международных договоров и решений органов ЕЭП, предусматривающих обязательность их выполнения для каждого из государств-участников в полном объёме, а также механизм их реализации и ответственности за невыполнение согласованных решений.

– Формирование и деятельность ЕЭП осуществляется с учётом норм и правил ВТО.

– Координация процессов формирования ЕЭП осуществляется соответствующими органами, создаваемыми на основе отдельных международных договоров. Структура органов формируется с учётом уровней интеграции.

– Правовой основой формирования и деятельности ЕЭП являются международные договоры и решения органов ЕЭП, заключаемые и принимаемые с учётом интересов и законодательств государств-участников и в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права.

Отмеченные особенности формирования ЕЭП предполагают более высокий уровень экономической и торговой интеграции, чем в других сравнительно успешных региональных торговых объединениях, таких, например, как НАФТА. Очевидны и выигрыши от формирования единого экономического пространства для бизнес-сообщества. Прежде всего, это улучшение условий работы на рынках стран-участниц. Снижаются риски ведения бизнеса в силу появления международных правовых гарантий. Создаются правовые условия для процессов укрупнения деловых структур в ходе слияний и поглощений.

Важно подчеркнуть, что разработка правовой базы ЕЭП осуществляется на основе норм и правил ВТО и опыта интеграции Евросоюза, что в перспективе делает совместимым Единое экономическое пространство России, Белоруссии, Казахстана и Украины с Общим европейским экономическим пространством (ОЕЭП).

Одной из основных проблем формирования ЕЭП остается особая позиция Украины по ключевым вопросам интеграции. Новая политическая элита Украины до сих пор сомневается, совместимо ли ЕЭП с «европейским выбором» страны. Для Украины преимущества евроинтеграции очевидны. Взятый новой украинской элитой курс на форсированное вступление в европейские политические и экономические структуры вряд ли может быть принципиально скорректирован в ближайшие годы. Украина уже сегодня имеет более тесные связи с Евросоюзом, чем со странами СНГ и постсоветского пространства. Кроме объективных факторов, определяющих европейский выбор Украины, действует и ряд сильных субъективных факторов этнопсихологического характера.

При разработке документов ЕЭП изначально Украина выступала за создание только зоны свободной торговли без изъятий и ограничений, полагая, что достичь этого можно без унификации правовой базы, в том числе во внешнеэкономической сфере, регулировании инвестиций, конкурентной политике и субординировании, защите интеллектуальной собственности и др. Поэтому ряд документов, которые подписывали страны-участницы, имел оговорки с украинской стороны. Это касается, прежде всего, Соглашения о формировании ЕЭП и подписания двух пакетов документов из 15 и 29 соглашений, направленных на углубление интеграционных процессов по формированию ЕЭП.

Серьезной проблемой остается координация позиций стран ЕЭП с условиями вступления в ВТО. Переговоры о вступлении в ВТО являются приоритетными для всех стран-участниц проекта. Эти страны испытывают давление в вопросе расширенного доступа к рынкам (прежде всего энергоресурсов, сельскохозяйственной и промышленной продукции), как условия одобрения их вступления в организацию, со стороны других членов. Самостоятельное вступление одного из государств ЕЭП будет означать закрепление (связывание) режима внешней торговли. Другие государства останутся свободными от данных обязательств.

Наибольшую озабоченность также вызывала позиция Украины, которая форсировала вступление в ВТО за счет уступок, которые могут иметь непредсказуемые последствия. Правительство Украины планировала стать членом ВТО при активной поддержке США, ЕС и других стран. Однако условия вступления Украины в ВТО вынудит Белоруссию, защищать свой рынок путем введения таможенных ограничений, что ставит под вопрос идею-фикс Украины о создании в рамках ЕЭП зоны свободной торговли без изъятий и ограничений.

Примерно такая же проблема возникала в связи с присоединением России к Киотскому протоколу, вступившему в силу в феврале 2005 г. Киотский протокол означает принятие Россией серьезных обязательств в вопросах согласования сокращения выбросов углекислого газа в целях приведения их к уровню, который должен быть ниже зафиксированного в 1990 г. [4].

Таким образом, международные аспекты формирования ЕЭП могут оказать заметное влияние на ход всего переговорного процесса.

Современные тенденции в интеграционных процессах на постсоветском пространстве позволяют сделать ряд выводов:

1) Тесная экономическая интеграция со странами СНГ отвечает стратегическим интересам как России, так и Казахстана. Однако они должны иметь более активный и прагматичный характер.

При реорганизации СНГ целесообразно сохранить ее как «политическую площадку» для обсуждения вопросов взаимодействия в борьбе с терроризмом и экстремизмом, проблем безопасности, взаимодействия правоохранительных органов, гуманитарного и культурного сотрудничества.

В этой связи радикальная экономическая реформа СНГ нецелесообразна, поскольку за последние годы были созданы новые интеграционные объединения, которые в отличие от Содружества имеют четкие цели, задачи и механизмы их реализации. Речь идет о ЕврАзЭС, ЕЭП, Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Таможенном Союзе.

2) Целесообразно сосредоточить усилия на всемерном укреплении и поддержке ЕврАзЭС, где создана полноценная зона свободной торговли без изъятий и ограничений. Реализуются многосторонние проекты, прежде всего в ключевых секторах экономики – энергетике и транспорте. Создается Евразийский банк развития, который будет способствовать реализации крупных совместных проектов. В долгосрочной перспективе возможно образование и валютного союза.

Вопросы военно-политического характера полностью охватывает ОДКБ.

3) Значительный импульс интеграционным процессам в странах СНГ и активизации торгово-экономического сотрудничества может дать реализация идеи создания ЕЭП России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Для этого необходимо существенно сблизить их хозяйственное, внешнеторговое и таможенное законодательство, механизмы ценообразования и налогообложения, состыковать принципы приватизации и валютного регулирования, унифицировать стандарты производства товаров и услуг, взаимно признать сертификаты их качества.

4) Наконец, важно добиться сопоставимых уровней инфляции и бюджетного дефицита, внешнего долга и ставок рефинансирования, а также сходной социальной политики.

5) Если в рамках формирования ЕЭП приступить к реализации механизмов, обеспечивающих свободу передвижения товаров, капитала, услуг и рабочей силы, то это позволит многократно увеличить объем наших торгово-экономических отношений и создать условия для более эффективного использования инвестиций в экономику стран-участниц.

6) Создание ЕЭП не противоречит, а, наоборот, наполняет реальным содержанием политику России по отношению к Евросоюзу. Россия четко обозначила европейский вектор своей политики в направлении формирования с Евросоюзом «четыре общих пространств», в том числе и экономического.

В соответствии с концепцией, одобренной на римском саммите Россия-ЕС в 2003 г., 25 ноября 2010 года Россия предложила ЕС экономический альянс, представляющий собой *Единое экономическое пространство* расположенное на территории от Владивостока до Лиссабона. В частности одной из причин активизации развития партнерства между Россией и ЕС, итогом которого должно стать создание экономического альянса, является экономическое освоение Сибирских и Дальневосточных территорий России.

Общее европейское экономическое пространство (ОЕЭП) России и Евросоюза призвано содействовать:

- сближению правовых и экономических систем;
- углублению инвестиционного взаимодействия;
- дальнейшему продвижению энергодиалога;

- решению вопросов сопряженности транспортных сетей;
- реализации крупных проектов, имеющих общеевропейское значение;
- развитию сотрудничества в инновационной и научно-технической областях.

В таком же формате могла бы двигаться в Евросоюз и Украина. При этом она может извлекать из членства в ЕЭП двойную выгоду. Во-первых, пользоваться доступом к рынкам партнеров по ЕЭП и одновременно готовить экономику и институциональную базу для предстоящего вхождения в Евросоюз. Но проект ЕЭП оказался для Украины чрезмерно политизированным. Однако шансы на принятие прагматичного решения в пользу ее участия в ЕЭП остаются. Вероятен и другой сценарий. Украина отказывается продолжать работу по формированию ЕЭП или соглашается лишь на участие в свободной торговле в рамках ЕЭП и начинает ускоренную подготовку к вступлению в Евросоюз. В этом случае вступает в силу сценарий разноскоростной интеграции. ЕЭП может реализовываться в формате трех стран с последующим возможным соединением с ЕврАзЭС на правовой базе ЕЭП.

7) Осуществление проекта ЕЭП потребует большого объема работы по решению правовых, институциональных, технических, организационных и процедурных вопросов в целом ряде взаимосвязанных отраслей. В этом плане ключевое значение имеет правильная последовательность шагов, особенно с учетом предлагаемых сжатых временных рамок.

В обеспечении прочности и устойчивости создаваемой интеграционной конструкции на Казахстан и Россию ложится не только значительная доля ответственности, но и неизбежные дополнительные расходы.

При этом следует иметь в виду, что интеграция – это, прежде всего процесс оптимизации существующей экономической инфраструктуры объединяющихся государств и значительное расширение емкости рынка товаров и услуг, что повышает устойчивость и динамизм общей экономической системы.

1. *Заинтересованность в участии в ЕЭП высказывают Киргизия, Абхазия, Армения и Вьетнам.*

2. Андрианов В.Д. *Современные проблемы и перспективы формирования Единого экономического пространства стран СНГ // Материалы международной научно-практической конференции «Формирование интеграционных объединений стран СНГ: финансовые, валютные, банковские аспекты», – М.: Финансы и статистика, 2009. – С. 10-21.*

3. *Новостная статья на «Лента.Ру»: «Путин предложил Европе экономический альянс от Владивостока до Лиссабона» – 25.11.2010.*

4. *После длительных переговоров и выполнения условий и требований Украина 16 мая 2008 года стала 152-м членом ВТО, а 16 декабря 2011 года Россия была принята в ВТО 156-м государством.*

Түйін

Бұл мақалада ТМД мемлекеттерінің Біртұтас экономикалық кеңістік қалыптастыруының өзекті мәселелері мен даму бағыттары, сондай-ақ Қазақстанның посткеңестік мемлекеттер қаржылық-экономикалық ынтымақтастығындағы ролі сараланған.

Резюме

В данной статье проанализированы проблемы и перспективы формирования Единого экономического пространства стран СНГ и роль Казахстана в дальнейшей финансово-экономической интеграции постсоветских стран.

Resume

In this article analyzed problems and prospects of formation of Uniform economic space of CIS countries and a role of Kazakhstan in further financial and economic integration of the Post-Soviet countries.

УДК 327: 341.43

ЭТНИКАЛЫҚ АЗШЫЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІНІҢ САЯСИ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚЫРЛАРЫ

Т.Е. Жабелова – саяси.ғ.к., «Халықаралық құқық»
кафедрасының аға оқытушысы, Абай атындағы ҚазҰПУ

Этникалықтың саясатқа ықпал етуі мен негізгі түрлері этникааралық қатынастарды реттеуге арналған

арнайы мемлекеттік саясаттан, арнайы ережелік базаның, оның ішінде, халықаралық деңгейде жасалуынан, мемлекеттегі этникалық үрдістердің ерекшелігін ескеретін саяси тәртіптің орнатылуынан көрініс табады. Бұл, әсіресе, өзге саяси үрдістерден этникалық басым тұратын полиэтикалық мемлекеттерге тән құбылыс. Өлемдік тәжірибеде этникалық азшылық мәселелеріне ерекше мән беріледі, өйткені олар әртүрлі саяси акциялардың бел ортасында жүретін белсенді топ болып табылады.

Ғылыми, саяси және құқықтық әдебиеттерде этникалық топтардың әртүрлі санатына түсінік беру мақсатында, «ұлттық азшылық» термині де қолданылады. Алайда, қазіргі кезде «ұлттық азшылық» терминінің көпшілік мойындаған ортақ анықтамасы жоқ.

Халықаралық тәжірибеде, әртүрлі нұсқалары ұсынылады. Анағұрлым сәтті шыққан әрі кеңінен қолданылатын БҰҰ кемсітушіліктің алдын алу мен ұлттық азшылықтарды қолдау комиссиясының мүшесі Ф.Капоторти ұсынған нұсқа болып табылады: «ұлттық азшылық – мемлекет халқының өзге бөлігімен салыстырғанда, саны аз, үстемдік құрмайтын топ, олар осы мемлекеттің азаматтары болып табылады, этникалық, діни және тілдік тұрғыдан алғанда, халықтың өзге бөлігінен ерекшеленетін әрі осы ерекшелікті, мәдениетті, салт-дәстүр, дін мен тілді сақтап қалуда бірлік танытатын топ» деген пікір білдіреді.

Ф.Капоторти азшылықтардың мынадай негізгі объективті және субъективті белгілерін атап көрсетеді. Объективті: 1) өзіндік этникалық мінездемелер; 2) азшылықтың саны; 3) үсем болмауы; 4) өмір сүріп жатқан мемлекетінің азаматы болуы. Субъективті белгілері – өзіне тән белгілерді сақтап қалуға тырысуы.

Азшылық – (*minority*) – 1930 жылдардан бастап бұл термин нәсілдік, этностық, биологиялық немесе басқа сипаттарына қарай қаналатын немесе стигмалы әлеуметтік топтар жөнінде қолданылып келген. Мәселен, Луис Вирт азшылық тобына «Өздері өмір сүретін қоғамда тәндік немесе мәдениеттік сипаты салдарынан бөлектеніп, қорлап қарау нәтижесінде басқалардан ерекшеленіп тұратын, өздерін ұжымдық кемсіту нысаны санайтын адамдар тобы» деген анықтама берген. Ал осындай тұрғыдан қаралатын азшылық тобы іс жүзінде қоғамдағы көпшілікті құрауы мүмкін. Мысалы: Африкадағы қара нәсілділер. Кейінгі он жылдық ағымындағы ең басты зерттеулердің бірі болған «азшылық» әлеуметтану, демография, статистика, саясат, құқық ғылымдарында белгілі бір орындарды иеленеді. Саяси тұрғыда тарихи дәлелдер мен белгілі бір топтың географиялық кеңістік немесе саяси жүйеге құқықтық арақатынасында көрсетіледі. Сонымен қатар саяси-әлеуметтік тұрғыда билікті бөлу мен материалдық игілікті бөлу жүйесіндегі үстемділік немесе бағыныштылық, дискриминациялық қатынаста анықталады.

ЕҚЫҰ Адам өлшемінің 2001 жылы наурыз айында өткен Ой-пікір білдіру бостандығына арналған қосымша кездесуінде бірқатар ЕҚЫҰ-на мүше мемлекеттер бұқаралық ақпарат құралдары мен аз ұлттар төңірегіндегі мәселелерге аса мүдделілігін танытты. Сол айдың аяғына таман Тұрақты Кеңес отырысында кейбір делегациялар АҰЖУ мен ЕҚЫҰ-ның БАҚ бостандығы мәселелерімен айналысатын өкілдеріне осы мәселе жөнінде бір-бірімен ынтымақтаса жұмыс істеуді ұсынды.

Аталмыш мәселелердің шешімін іздеу барысында АҰЖУ тілді электронды БАҚ-та байланыс құралы ретінде қолдану туралы қатарлас жүретін әрі бірін-бірі толықтыратын екі шара атқаруды жөн көрді. Біріншісі, ЕҚЫҰ аймағындағы әр елде электронды БАҚ-та аз ұлттар тілдерінің қолданылуын реттейтін шаралар туралы шолу жүргізу болды. Бұл шолуды Жоғарғы Уәкілдің өтінішімен Оксфорд университеті Улфсон колледжі жанындағы Әлеумет және Заң мәселелерін зерттеу орталығының Салыстырмалы ақпарат құралдары заңы және аясаты бағдарламасы мен Амстердам университеті жанындағы Ақпарат саласындағы заң институтының қызметкерлері жүргізді. Өз алдына бөлек, бірақ осымен тығыз байланысты келесі шараны жүргізгенде АҰЖУ тікелей жауапты халықаралық ұйымдармен бірлесе отырып, тиісті халықаралық заңдардың жеке бір мәселеге қатысты нормаларының мазмұнына талдау жасады.

Ұлыбритания көпұлтты мемлекет, алайда аумақтық құрылымы жағынан – унитарлы мемлекет. Көптеген ғасырлар бойы елде тілдік, мәдени салаларда ассимиляциялау шаралары жүргізілді. Шотландия мен Уэльс соңғы жылдарда едәуір автономияға қол жеткізді. 1967 ж. валлий тілінің құқын ағылшын тілімен теңестіруге бағытталған арнайы заң қабылданды. Шотландия ағылшын сот жүйесінен анағұрлым ерекшеленетін өзіндік сот жүйесін қалыптастырды. Британ үкіметі қазіргі Ирландияға тән дербес мәртебе беру жолдарын қарастыруда. Ұлыбританияда ағылшын тілі мемлекеттік тіл болып табылады, алайда Норманд аралдарында және Уэльсте екі ресми тіл қолданылады, ағылшын және француз, ағылшын және валлий тілдері.

1982 ж. Канада құрамына құқықтар мен еркіндіктер Хартиясы кіретін өз Конституциясын қабылдады.

АҚШ-та да ұлттық мәселелерді шешу мәдени плюрализм саясатының аспектісінде жүзеге асырылады. Ол әртүрлі этностардың өкілдеріне қатысты мемлекеттің толеранттылығынан, олардың этномәдени ортасын сақтау және дамыту, сондай-ақ этникалық топтарға американдық қоғамда өз мәртебелерін

көтеруге көмек беру қарастырылған. Этникалық топтардың әлеуметтік-мәдени қажеттіліктерін қанағаттандыру ұлтаралық қатынастардағы ширығушылықты төмендетеді. Американдықтар өзге тілді мәдениеттердің дамуына қолайлы жағдай туғызуға талпынады.

Швецияда ұлттық саясат көпмәдениеттілік тұжырымына негізделеді. Иммигранттардың швед қоғамына кірігуін жеңілдетуге қатысты Швеция саясаты үш негізгі қағидаға сүйенеді: 1) иммигранттар мен шведтер арасындағы теңдік; 2) иммигранттардың мәдени дамуын еркін таңдау құқы; 3) байырғы халық пен әртүрлі этникалық топтар арасында ынтымақтастық пен әріптестік. Осыған орай, Швецияда 50-ге жуық иммигранттық ұйымдар құрылып, қызмет етуде. Швед тілін үйрету мақсатында 700-сағатқа лайықталған курстар ұйымдастырылады. 80-жылдарда жұмыста және қоғамдық өмірдің басқа салаларында этникалық дискриминацияға қарсы заң қабылданды [1].

120 елден келгендер тұратын Австралиялық Одақта барлық ұлттық мәдениеттердің дамуына қолдау көрсететін арнайы мемлекеттік бағдарлама қабылданды. 200 жылдан астам тарихында Австралия бүкіл адамзатқа тән нәсілдік және этникалық мәселелерден тыс қала алған жоқ. Көпэтносты австралия қоғамында барлық ұлттың өкілдері тең мүмкіндіктерге ие болуы керектігі жөнінде арнайы принцип бекітілген. Тұрғындарының 93%-і Австралияны мультимәдениетті қоғам деп таниды. Бүгінгі таңда австралиялықтардың 40%-і мұхит асып келгендер не олардың балалары. Бастапқыда жаңадан келген иммигранттарға қатысты жүргізілген ассимиляцияландыру саясаты австралиядағы өмірге жылдам әрі оңай бейімделу үшін біріккен иммигранттардың этникалық қауымдастықтардың нығаюына әкеп соқтырды. Ұлттық қауымдастықтар Жалпыавстралиялық Федерацияға біріккен. Олардың өз мектептері, клубтары, шіркеулері, мәдени-орталықтары бар. Этникалық қауымдастықтардың қызметін Кеңестер үйлестіреді. Қауымдастықтар – елдің саяси өміріне, әсіресе, сайлау кезінде елеулі ықпал ететін ұйымдар. Мемлекет оларға қолдау көрсетіп, жыл сайынғы фестивальдерге, «телефон арқылы аударма қызметіне» арнайы қаржы бөлуді жоспарлаған, тұтастай федералды үкімет қаржыландырады. 30-дан астам тілде австралиялық газеттер, 60-тілдерде радио, ал Эи-Би-Си теледидар станциясының жұмысы ағылшын субтитрлерімен әртүрлі тілдерде беріледі.

Венгрияның Мемлекеттік жиналысы 1993 жылдың 7 шілдесінде «Ұлттық және этникалық азшылықтардың құқтары туралы» заң қабылдады. Бұл заңның кіріспе бөлімінде «ұлттық және этникалық өзіндік бірегейлік құқы адам құқтарының ажырамас бөлігі» ретінде қарастырылады және ұлттық және этникалық азшылықтардың құқтары «заң күші бар әрі Венгрия Республикасында сақталатын негізгі демократиялық құқықтарға жатқызылады».

Ұлттық азшылықтардың өкілдеріне барлық азаматтардың екі саладағы құқықтарының қорғалуы аса маңызды: 1) азаматтық еркіндіктер, тілді қолданудағы еркіндік, ойын, пікірін еркін білдіру, бірлесу еркіндігі, баспасөз, діни бостандық; 2) дискриминацияға жол бермеу, яғни барлық азаматтардың заң алдында теңдігі.

Қазіргі Германияда ұлттық азшылықтар құқы да өз деңгейінде қорғалған. Мысалы, елдегі дат азшылығы – федералдық деңгейдегі конституциялық құқықтық ережелермен қатар – 1955 ж. Копенгагенде қабылданған Герман-Дат мәлімдемесімен қорғалған. Онда екі жақ өзара өз тараптарынан ұлттық азшылықтарына – немістер даттарға, олар өз кезегінде немістерге – мәдениеттерін дамытуына қолдау көрсетуді міндеттенген. Фриз ұлттық азшылықтарының құқтарының қорғалуы Шлезвиг-Гольштейн жерлеріндегі конституциямен кепілденген. Фриз ұлттық азшылығы Солтүстік теңіз жағалауларында, Гельмланд аралында, көптеген Солтүстік-Фриз аралдарында және Шлезвиг-Гольштейннің батыс бөлігінде тұрады. Германияның шығысында қоныстанған кішігірім славяндық топ – лужандар да Конституциялық құқықпен қорғалған. Азшылық ұлт ретінде сығандар ХІІІ ғасырдан бері жалпы неміс тілін қолданғандарымен, өте бытыраңқы тұрады.

Полиэтникалы мемлекет ішінде этностар арасындағы қарым-қатынастардың үйлесімділігін қалыптастыруда мәдениеттің орны зор. Ұлттық және мәдени қатынастар тіл арқылы айқын көрініс табады. Қоғам дамуының белгілі бір кезеңінде тіл ұлттық өзіндіктің, ұлтаралық қатынастардың өлшеуіші қызметін атқарады. Ұлттық сана-сезімнің көптеген өсу-өрбу үдерістері, міне, осы тіл мәселелерінен бастау алғаны белгілі.

Тіл мен мектеп бірегейленудің аса маңызды салаларының бірі болып табылады. Германиядағы дат азшылығының 53 оқу орны (мектептен гимназияға дейін), 63 балалар бақшасы, 1 мектеп-интернаты бар. Фриздер мемлекеттік мектептер мен балалар бақшасында өз тілдерін үйренеді. Лужандарда да оқыту ана тілдерінде жүргізіледі. Ұлттық сана-сезімді сақтаудың аса маңызды салаларының бірі – мәдениет. Арнайы театрлық топтар, халық шығармашылығының топтары, мәдени орталықтар, театр, газеттер, радио,

теледидар бар. Барлық этникалық азшылықтар өз діни салт-дәстүрлерін өз ана тілдерінде жүргізе алады.

Ал, Франция, Түркия сияқты елдер басқа көптеген елдермен салыстырғанда, көпшіліктің мүдделері маңызды деп есептеп, ұлттық азшылықтарды мойындамайды. Францияның Конституциясына сәйкес біртұтас, мызғымас шекарасы бар республиканың аумағында біртұтас халықтың өмір сүретіндігін мойындау «Адам және азамат құқтары мен бостандықтарының Декларациясы» жарияланған XVIII ғ. аяғындағы тарихи дәстүрге негізделген. Ұлы француз төңкерісіне дейін кейбір азшылықтар, мысалы, еврейлер және протестанттар, оларды көпшілікпен салыстырғанда теңсіз жағдайдағы ерекше мәртебені иеленді. Франция этникалық азшылықтар жалпы француздық құндылықтарды қабылдап, ең бастысы француз болуын талап ететін ассимиляторлық саясат жүргізеді. Сөйте тұрып, әрбір жеке тұлғаның өзіндік индивидуалдылығын көрсететін (мәдени, діни, этникалық) ерекшеліктерін топтық деңгейге емес, тұлғалық деңгейде көрсете алады. Азшылықтың құқтарын, оның ішінде бөліну құқын мойындамау, мемлекетті олардың алдындағы ауыр міндеттен, ұлттық тұтастыққа төнетін қауіптен сақтайды. Алайда, 1982 ж. бастап Францияда этникалық азшылықтардың тілдері мен мәдениеттері ресми мойындалды. 1985 ж. Ұлт істері және мәдениет жөнінде Мемлекеттік кеңес құрылды. Елдің заңнамасында (тек Конституцияда емес) азшылықтар іс-әрекеттеріне еркіндік беретін пункттер кездеседі. Францияның мектептерінде корсикандық, каталондық, баскілік, бретондық, фламандық, эльзастық тілдердің диалектілері оқытылады. Корсикада мәдениет және радио хабарларын тарату салаларына автономия берген.

Этносаралық қатынастарды реттеу әдістерін ұсынуда, жағдайды шынайы бағалауда мемлекеттің ролі аса маңызды. Халықтың арасындағы жекелеген этноәлеуметтік топтардың арасындағы тепе-теңдікті қолдап тұру үшін оларды қоғамның ортақ істерін шешуге араластыруға тарту, нақтылы мемлекеттік-құқықтық механизмдер ойластыруды талап етеді.

Көптеген демократиялық елдердің конституцияларында заң алдындағы теңдік қана сөз етіліп қоймай, сонымен қатар, тұлғаның жеке теңдік жағдайына әсер етпеуі тиіс тұстары атап көрсетіледі: нәсілдік ерекшелігі, жынысы, діні, ұлты, шығу тегі. Егер тұлға осы аталған белгілердің бірі бойынша қудалауға түссе, онда «тікелей кемсітушілік» [2] орын алады.

XX ғ. 60-жылдарында «тікелей кемсіту» тұжырымдамасының негізгі ережелері сынға ұшырады. Ол бойынша, адамдар әуел бастан тең емес, тең құқылы деп мойындалды. Құқық адамдарға білім алуға, жұмысқа тұруға тең мүмкіндіктер береді, алайда адам әлеуметтік сатыда өз қабілетімен көтеріледі. Бұл тұжырымды сынға алушылар мемлекет әлеуметтік тұрғыда халі төмен этникалық азшылықтарға қолайлы жағдай туғызу арқылы әлеуметтік теңсіздік мәселесін шешуі керек [3] деген пікір ұстанды. Бұндай тәсіл «жағымды кемсіту» деген атқа ие болды.

Тарихи тұрғыдан алғанда, этникалық қашан да этникалық қауымдастықтың өмір салтын қалыптастыратын және әлеумет өмірінің әртүрлі қырларын біртұтастандыратын ерекше күш. Сондықтан да, этникалық адамзат тарихының басынан өзіндік ерекшелікке ие және ол қасиетін күні бүгінге дейін сақтап отыр. Бірлесіп өмір сүру және өздерін өзгеге қарсы қою нәтижесінде этникалық идентификация этносты біріктірді, оны жасампаздық тұрғысынан да ықтимал жойқын күш ретінде тануға болатынын ұғындырды. Саяси экстремизм неғұрлым ұлттық сезімдерді өз мақсатына қолдануда жетістікке жеткен сайын, этникалық соғұрлым жауыққан шовинизмге айналады.

1. Колосов Ю.М. *Действующее международное право.* – М., 1997.
2. *Государство, право и межнациональные отношения в странах западной демократии* - М., 1993. – С. 124-134.
3. *Lustgarthen L. Legal control of Racial Discrimination.* – L. 1980. – P. 35.

Түйін

Мақалада этникалық азшылық мәселелерінің саяси және халықаралық-құқықтық қырлары қарастырылады.

Резюме

В статье рассматриваются политические и международно-правовые аспекты проблемы этнических меньшинств.

Summary

The article deals with the political and international legal aspects of the problem of ethnic minorities.

УДК 94 (574)

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А.Т. Байгурбаева – к.п.н., ст. преп. кафедры МО КазНПУ им. Абая

Главной особенностью международных отношений является отсутствие в них единого центрального ядра власти и управления. Они строятся на принципе полицентризма и полииерархии. Поэтому в международных отношениях большую роль играют стихийные процессы и субъективные факторы.

Международные отношения – это совокупность экономических, политических, правовых, идеологических, дипломатических, военных, культурных и других связей и взаимоотношений между субъектами, действующими на мировой арене.

Независимые государства не развиваются в вакууме, они взаимодействуют друг с другом и выступают субъектами политики более высокого уровня – мировой политики. То есть государства действуют в сфере международных отношений.

Международные отношения выступают тем пространством, на котором сталкиваются и взаимодействуют на разном уровне (глобальном, региональном, многостороннем и двустороннем) различные силы: государственные, военные, экономические, политические, общественные и интеллектуальные.

Все международные отношения можно подразделить на два основных типа: отношения соперничества и отношения сотрудничества.

Международная или мировая политика является ядром международных отношений.

Мировой политикой называют процессы выработки, принятия и реализации решений, затрагивающих жизнь мирового сообщества. В современной мировой политике действует огромное количество различных участников. Но до сих пор преобладающим остается взгляд, что основными субъектами мировой политики являются государства и группы (союзы) государств.

Однако сегодня обозначилась объективная тенденция расширения участников международных отношений. Все более важными субъектами в международных отношениях становятся международные организации. Они обычно разделяются на межгосударственные или межправительственные и неправительственные организации.

Межгосударственные организации являются стабильными объединениями государств, основанными на договорах, обладают определенной согласованной компетенцией и постоянными органами.

Сложность межгосударственных отношений в политической сфере, потребность регулировать международную жизнь привели к созданию неправительственных организаций. Неправительственные организации имеют более сложную структуру, чем межгосударственные. Они могут быть и чисто неправительственными, а могут иметь смешанный характер, то есть включать и правительственные структуры, и общественные организации, и даже индивидуальных членов.

Как субъекты международных отношений международные организации могут вступать в межгосударственные отношения от своего собственного имени и в то же время от имени всех государств, входящих в них. Число международных организаций постоянно растет.

Международные организации охватывают самые разные аспекты международных отношений. Они создаются в экономической, политической, культурной, национальной областях, имеют определенные особенности и специфику.

Самую значительную роль в системе международных отношений играет Организация Объединенных Наций (ООН). Она стала практически первым в истории механизмом широкого многогранного взаимодействия различных государств в целях поддержания мира и безопасности, содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов.

Созданная в 1945 г., ООН превратилась в неотъемлемую часть международной структуры. Ее членами

являются 185 государств, что свидетельствует о том, что она достигла практически полной универсальности. Ни одно крупное событие в мире не остается вне поля зрения Организации Объединенных Наций.

В рамках ООН сложился целый ряд организаций, которые органически вошли в систему международных отношений и как структуры ООН, и как самостоятельные организации. К ним относятся: ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения); МОТ (Международная Организация Труда); МВФ (Международный Валютный Фонд); ЮНЕСКО (Организация, занимающаяся вопросами культуры и науки); МОГАТЭ (Международное Агентство по Атомной Энергии); ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию); Международный суд.

2 марта 1992 года Казахстан был принят (без голосования) в ООН. До конца 1992 года республику признали 106 государств мира, дипломатические отношения были установлены с 61 государством. Казахстан стал членом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), Мирового банка реконструкции и развития (МБРР), Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка (ВБ) и других авторитетных международных организаций.

С обретением суверенитета республика столкнулась с необходимостью выработки и проведения собственной внешней политики. Главной задачей государства во внешней политике стало определение внешнеполитических приоритетов и системы национальной безопасности, своих национальных интересов и, исходя из них, стратегию внешней политики, обороны и военную доктрину.

В 1995-1999 годах, с принятием закона "О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров Республики Казахстан", Положения о МИДе РК и Консульского Устава РК, была создана законодательная база внешнеполитической деятельности.

С 1992 года Казахстан выступил с рядом внешнеполитических инициатив. На 47 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1992 года Н.Назарбаев впервые выступил с трибуны ООН в качестве главы независимого государства с инициативой, высказанной им в виде формулы "1+1". Предложение Президента РК предусматривало ежегодное сокращение военных бюджетов государств на один процент в пользу формирования фонда ООН на установление, поддержание и укрепление мира. Н.Назарбаев предложил сделать все возможное для эффективного разрешения "формулы мирового неравенства", согласно которой 20% самых богатых людей в мире (в странах севера и Запада) потребляет 83% мирового валового продукта, а 20% самых бедных (в странах Юга и Востока) – только 14. Также предложил созвать специальную сессию или конференцию ООН для обсуждения проблем посттоталитарной, постконфронтационной эпохи.

За годы независимости Казахстан ратифицировал такие международные акты, как: Женевские конвенции о защите жертв войны от 1949 года и дополнительные протоколы к ним I и II от 1977 года; Конвенцию о правах ребенка от 1989 года; Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания от 1984 года; Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 1979 года; Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 1966 года; Конвенцию о статусе беженцев 1951 года и Протокол, касающийся статуса беженцев от 1967 года; Конвенцию о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания; Конвенцию 1958 года о дискриминации в области труда и занятий; Конвенцию о политических правах женщин от 1953 года; Конвенцию 1948 года о свободе ассоциаций и защите права на организацию.

Важным направлением внешнеполитической деятельности нашей страны в области международной безопасности стало налаживание сотрудничества с международными организациями по безопасности, в первую очередь, с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В январе 1992 года Казахстан был принят в ОБСЕ, в стране было создано и функционирует представительство ОБСЕ.

В декабре 1991 года НАТО создала Совет Североатлантического сотрудничества (ССАС) для развития связей со странами бывшего Варшавского Договора. В марте 1992 года Казахстан присоединился к ССАС. В 1994 году НАТО было создана программа "Партнерство ради мира" (ПРМ), к которой Казахстан также присоединился. В 2002 году Казахстан присоединился к программе НАТО "Процесс планирования и обзора" (ПАРП).

Вторым направлением внешнеполитической деятельности в области международной безопасности стало участие Казахстана в региональных структурах международной безопасности.

В 1992 году, на 47 сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н. Назарбаев предложил план поэтапного создания Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) по типу ОБСЕ.

В рамках работы по созданию СВМДА из более чем 40 азиатских государств членами этой организации стали 16 государств – Казахстан, Азербайджан, Афганистан, Египет, Индия, Иран, Израиль, Китай, Кыргызстан, Монголия, Палестина, Пакистан, Россия, Таджикистан, Турция и Узбекистан. В качестве наблюдателей в процессе принимают участие США, Австралия, Таиланд, Индонезия, Вьетнам, Ливан, Япония, Южная Корея, Малайзия и Украина, а также 4 международные организации – ООН, ОБСЕ, Лига арабских государств и Межгосударственный совет Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

В 1999 году на встрече в Алматы была принята Декларация о принципах, регулирующих взаимоотношения между государствами-членами СВМДА. Она включает в себя: уважение суверенитета и прав государств-участников; сохранение территориальной целостности: невмешательство во внутренние дела друг друга; мирное урегулирование споров; отказ от применения силы; разоружение и контроль над вооружениями; сотрудничество в социальной, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах; уважение основных прав человека в соответствии с принципами ООН и международного права.

В июне 2002 года в Алматы состоялся первый саммит глав государств - членов СВМДА. На саммите были приняты "Декларация СВМДА об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями" и "Алматинский Акт", в соответствии с которым участники договорились о том, что основная цель и направление деятельности СВМДА заключается в укреплении сотрудничества путем выработки многосторонних подходов к обеспечению мира, безопасности и стабильности в Азии.

Для выполнения этой цели страны-участники договорились о таких мерах доверия, как: приложение усилий к мирному разрешению территориальных споров всех государств региона; готовность предпринять шаги для безопасности безъядерных государств в форме обязательного для исполнения международно-правового документа; подготовка на основе взаимного согласия "Каталога мер доверия СВМДА" и постепенное его осуществление.

К политическим средствам относится, в первую очередь, дипломатия. Дипломатия – это официальная деятельность государства в лице специальных институтов и при помощи специальных мероприятий, приемов, методов, допустимых с позиций международного права и имеющих конституционно-правовой статус. Дипломатия осуществляется в виде переговоров, визитов, специальных конференций и совещаний, встреч, подготовки и заключения двухсторонних и многосторонних соглашений, дипломатической переписки, участия в работе международных организаций.

Экономические средства внешней политики подразумевают использование экономического потенциала данной страны для достижения внешних политических целей. Государство, обладающее сильной экономикой, финансовой мощью, занимает и прочное положение на международной арене. Даже небольшие по территории государства, небогатые материальными и людскими ресурсами, могут играть видную роль на мировой арене, если у них сильная экономика, которая базируется на передовых технологиях и способная распространять свои достижения далеко за свои пределы. Действенными экономическими средствами являются эмбарго, или наоборот, режим наибольшего благоприятствования в торговле, предоставление инвестиций, кредитов и займов, другой экономической помощи или отказ в ее предоставлении.

Түйін

Мақалада халықаралық қатынастардың негізін құрайтын әлемдік саясат талдауға алынды.

Резюме

Статья посвящена мировой политике, которая является ядром международных отношений.

Resume

The article is devoted to world politics which is a kernel of the international relations.

УДК 327 (574)

ARAL SEA DISASTER IS A GLOBAL PROBLEM

T.Tolegenov – Senior Teacher of International Relations chair,

N.Zakiyeva – First year student of Nazarbayev University

The Aral Sea, which was formerly one of the biggest brackish lakes, has been almost disappearing from the Earth's surface for the last 50 years (Björklund, 1998, p. 42). As Wilson (2002, p. 29) mentions, it has been famous for its rich natural resources and an inhabitable environment for fauna and flora. However, in one generation the Sea has been rapidly shrunk due to the fact that countries near the Aral Sea have increasingly diverted the water flow of the deltas for the massive expansion of cotton irrigation, which was the main reason for the Aral Sea disaster (Kiessling, 1998, p. 7). As a result, the volume of the Sea has decreased and the salt content of the water has sharply increased (ibid.). According to Rapp (1998, p. 21), the shrinkage of the Aral Sea had critical impacts for the local population, as ecological, economic and human health problems have arisen. Furthermore, its significant negative effects for the whole world have been recently found by scientists (UNESCO, 2000, p. 13). Therefore, the disaster in the Aral Sea is considered to have a global significance that needs the quick effective measure to be solved. The goal of this paper is to evaluate two appropriate solutions that might help to mitigate this environmental problem by determining the main cause of the environmental condition of the Aral Sea and its consequences. Next, the two solutions will be analyzed and compared which are improving the quality of irrigation canals and transferring water from other rivers, Caspian Sea or Siberian rivers, to the Aral Sea. In conclusion, the essay will be summarized with recommendations.

The Aral Sea, which took once the fourth place in size in the world covering the surface area of about 68,000 km², has resulted from anthropogenic factors (Akaeva, 1998, p. 18). The Sea that is situated in the desert between two Asian countries, Kazakhstan and Uzbekistan, is mainly fed by two large rivers, the Syrdariya and the Amudariya. As Wilson (2002, p. 31) mentions, in 1956s Soviet Union decided to develop agriculture, in particular cotton and rice production, near the Aral Sea by extending irrigation. Since that time the demand for irrigation water has dramatically increased (ibid.). The main plan-makers did not completely understand the role of the river water for the Sea and whether there would be a severe environmental disaster in the area after a couple of decades because of that inefficient project (Bedford, 2009, p. 14). According to study, by the end of the twentieth century 90% of the river's flow was redirected for the crops, therefore, solely 5-10 km³ of water could reach the Sea (Björklund, 1998, p. 45). Furthermore, hundreds of kilometers of irrigation canals were poorly constructed, built without any sufficient drainage in the desert causing much waste (ibid.). According to calculations, the plants actually received only 30-40% of water diverted from the rivers (ibid., p. 46). As a result of inaccurate irrigation and diversion, to date the original area of the Sea reduced by 54% and capacity of the basin decreased to about 20% of the former (Wilson, 2002, p. 29). Furthermore, Björklund (1998, p. 44) suggests that due to the rapid evaporation and lack of water in the Sea the salt content in the water has increased 3 times, from 10g/l (grams per liter) to 30g/l. For the last 50 years the Aral Sea, that was once an oasis in the desert that supported local people with rich fishing industry and adequate livelihood, has sharply shrunk and turned into a dying sea with receded shoreline by 80-100 km (Rapp, 1998, p. 23). Situation in Aral Sea has been known as one of the most serious man-made environmental disasters in the 20th century (ibid.). And historical aspects that are related to reasons for the catastrophe should not be ignored in order to find an effective solution to solve the disaster in the Aral Sea.

Critical state of the Aral basin has led to several consequences: it has threatened not only environmental side of the area, but also the residents' physical and economic well-being (Ataniyazova, 2003, p1). Wilson (2002, p. 31) points out that a shortage of drinking water, high saltiness of soil has effected on wildlife and ecological balance in the Aral Sea region. As Micklin (1988, p. 34) states, there was a dramatic reduction of fish species from about 20-24 to only 4 by the 1980s. The weather has become more continental: the winters are colder and the summers are hotter (ibid.). Furthermore, in order to increase a productivity of agriculture large quantities of pesticides were applied (Björklund, 1998, p. 46). As a result, according to Ataniyazova (2003, p1), annually 40000 square kilometers saline soil contaminated with high level of toxic chemicals has been transported by wind to thousands of miles. The salty dust of the Aral Sea region is found today even on the top of Himalayan mountains, in Alaska and Arctic areas, which can be considered as one of the factors causing to melt the biggest ices of the world (Precoda, 1991 cited in Gapparov & Latchininsky, 2000, p.41). As Wilson (2002, p. 31) claims, the pollution of the local nature with salinity has also affected the deficiency of drinking water, which has caused many severe risks for health of the resident people. Impure drinking water has led to an expansion of typhoid, hepatitis A and diarrhea diseases (ibid., p. 30). Near the Aral Sea there are also a high rate of dangerous illnesses, such as tuberculosis and some types of cancer (ibid.). At the same time, morbidity and mortality have also dramatically increasing (Ataniyazova, 2003, p3). High levels of Dioxins, polychlorinated biphenyls (PCBs) and organochlorine pesticides have been even present in the contents of breast milk (Wilson, 2002, p. 30). Therefore, as Akaeva (1998, p. 19) states, women are banned by doctors to breastfeed their children, which is the most miserable thing for a mother. Another serious consequence of the Aral Sea disaster is an economic impact of the area

(Ataniyazova, 2003, p1). Schuijt (n.d., p. 3) investigates that the shrinkage of the lake has led to a significant decrease by 50% of the former general employment, particularly related to fishing and agriculture production. In the 1960s fishermen caught about 43,430 tons of fish, but during only one decade this number has dropped to 17,460 tons and in the 1980s it equated to zero (Glantz, 1999 cited in Wilson, 2002, p. 30). As a result, according to Ataniyazova (2003, p. 1), the fishing industries, which have overall about 40000-60000 employees, have closed. Similarly, the precipitous change of the climate has also influenced the fall of agricultural productivity (ibid.). Generally, about 3 million local people relied on agriculture and fishing for financial support have suffered from the economic disaster near the Aral Sea (Schuijt, n.d., p. 3). The disaster has forced people to move from Aral Sea's surrounding land, but those people who cannot abandon the place have had to stay and bear the damaged environmental condition (ibid.). Although the main cause of the Aral Sea disaster has been identified and consequences have been qualified, effective practical solution to restore the reducing Sea has not been found yet (Dukhovny & Sokolov, 2003, p. 11).

One of the possible theoretical ways that have been offered by scientists to save the Aral Sea is a sustainable water management (Schuijt, n.d., p. 4). Taking into account that, Björklund (1998, p. 45) identifies the cotton irrigation as the one of the main reasons for the drying-out of the Aral Sea, and the water management method is based on careful use of the river water for agriculture, this way seems to be a presumable solution. According to an estimation of scientists, annually 73 km³ amount of water must flow into the Sea's basin in order to restore to formerly size in 20 years (ibid., p. 49). And according to Schuijt (n.d., p. 4), this result can be reached through making main notably efforts to reduce water wastes from the rivers and canals, by reforming and using effective methods in irrigation system by capable professionals and by rebuilding the existing canals more accurately without any damages, as the Israelis have done, in order to avoid from water losses. Because, as it has been told above, during the USSR the canals were poorly built directly on sand (Peachey, 2004, p. 7). For example, Karakum canal, the largest one currently diverts 30% of the total river flow, was inaccurately built over sandy soil (Björklund, 1998, p. 45). Similarly, the diverted water must be accurately used and the non-used part must be sent straight to the Aral Sea (ibid., p. 49). In addition, more efficient measures must be held to decrease use of the fertilizers, herbicides and pesticides (ibid.). And it is necessary for the countries to have a priority by special policies to keep those activities under control in the entire region (ibid., p. 50). Otherwise, it is impossible to achieve a successful result in the Aral Sea Basin without the duty (ibid.). Likewise, Peachey (2004, p. 16) offered a number of actions that can be taken place by co-operation of local population for economy on water and avoid waste. It is important to give an exact price for water which will lead people willingly to limit water wastage and conserve as much more water as possible (ibid.). As Björklund (1998, p. 48) maintains, to accomplish sustainable development in the Aral Sea region, the measures should be held at national level, all the riparian states must take part in the efforts together to manage the water use for the irrigation. For example, one of these co-operations, an agreement of 26 March 1993 for management the Sea's water resource established in Almaty by the prime-ministers of three Central Asian countries, Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan, has been remained ineffective due to its indefiniteness as well as different responses of the governments (UNESCO, 2000, p. 5). Without co-operative work between republics any measures related to the common crisis of a water resource cannot be implemented (Björklund, 1998, p. 48). Another possible beneficial way to succeed in a sustainable water strategy might be the use of a "Polluter-pays"-principle as a governmental application that is supposed to reduce the pollution of the local nature with chemical pesticides (ibid., p. 50). It has been calculated that, for the general sustainable water management system must be invested with about US\$299 million, which can be financed with taxing rate as Central Asian Republics cannot afford to bear such high cost (Cai, McKinney & Rosegranti, 2003, p. 25). Kjellén (1998, p. 134) mentions that the former Soviet Union Republics are in a period of transition, therefore, financial condition is difficult in these Republics. Thus, external financial help is required (ibid.).

Another offered possible method to restore the reduction in Aral Sea basin is to redirect water from other rivers to the Aral Sea. According to Schuijt (n.d., p. 5), two large nearby water sources, that have been particularly considered by governments, are the Caspian Sea and Siberian Rivers. In 1985 an elaborate plan has been draft to transfer water from the Siberian rivers, Ob and Irtysh, to the Central Asian area, which supposed to be started in 1989 (UNESCO, 2000, p. 77). However, in 1986 the Soviet Union have certainly decided to fully refuse the project of the huge canal (200m wide, 15 m deep and 1500 km long) and never come to fruition due to its some predictable negative impacts (ibid.). Badescu and Cathcart (2011, p. 144) claim that it might threaten the ecosystem of the Siberian area, quality of the River water, although only 7% water of the total Ob river's flow would be diverted. In addition, this project has been assessed at US\$41 billion, which is very expensive cost. Thus, to carry out the water from Caspian Sea seems to be more plausible solution than from the Siberian Rivers

(UNESCO, 2000, p. 77). The Caspian Sea is the largest lake on the Earth, which is bordered with 5 countries. Every year the Sea's level naturally fluctuates, in spring it rises and in autumn it falls (Haghayeghi, 2003, p. 32). As Elpiner (1996, p. 34) explains, while the Aral Sea's level has been sharply fallen for the last 40 years, according to estimations, it has been found that, the Caspian Sea has risen by 220 cm. Each year during the fluctuation the infrastructures, villages as well as cities that located 40km far from the Sea's cost are greatly damaged from the flood. (Stolberg, Borysova, Mitrofanova, Barannik & Eghtesadi, 2006, p. 27). And Badescu and Cathcart (2011, p. 145) point out that if the height of extra water is multiplied to the general surface area (380000 km²) of the Caspian Sea, there will be found the volume of 800 km³, which is the same size with the total amount of water that the Aral Sea needs. The building a canal with the height of 15 m between the Caspian Sea and the Aral Sea would be helpful for both seas' bordering countries: the basin of the Aral Sea can be gradually filled up by utilization the unnecessary water volume of the Caspian Sea (UNESCO, 2000, p. 77). Taking into account the location of the Caspian Sea, 27 m below world-ocean's mean level and about 74 m below the Aral Sea's surface (Figure 1), it has been found that the Caspian water can be taken out by pumping with the power about 18 billion Kilowatt per year (Badescu & Cathcart, 2011, p. 150).

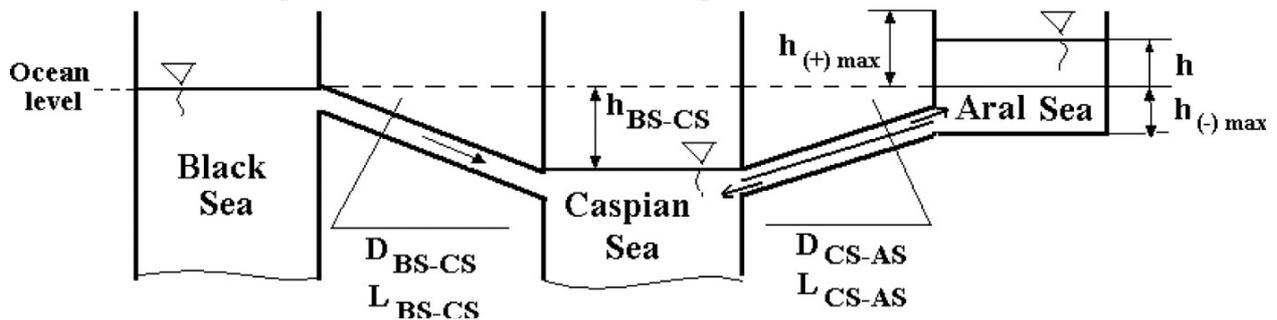

Figure 1 Aral Sea, Caspian Sea and Black Sea (ibid.).

$h_{BC-CS}=27$ m the current surface of the Caspian Sea concerning average ocean's level,

$h_{(-)max}=16$ m is the distance between the planetary ocean's level and the bottom of the Aral Sea,

$h_{(+)max}=58$ m the maximum altitude of the Aral Sea.

One more a small pipeline must be constructed to control the salinity of both seas by carrying the saltier Aral Sea's water to the Caspian Sea (ibid., p. 149). The Figure 2 envisages the routes of the two pipelines between the two Seas (ibid., p. 151). Whereas the small canal B directs from the Aral Sea to the Caspian Sea, the canal A shows the route of proposed macro-project for storing the Aral Sea (ibid.). The total complex scheme of the pipeline's construction would cost at about US\$300million (ibid., p. 146).

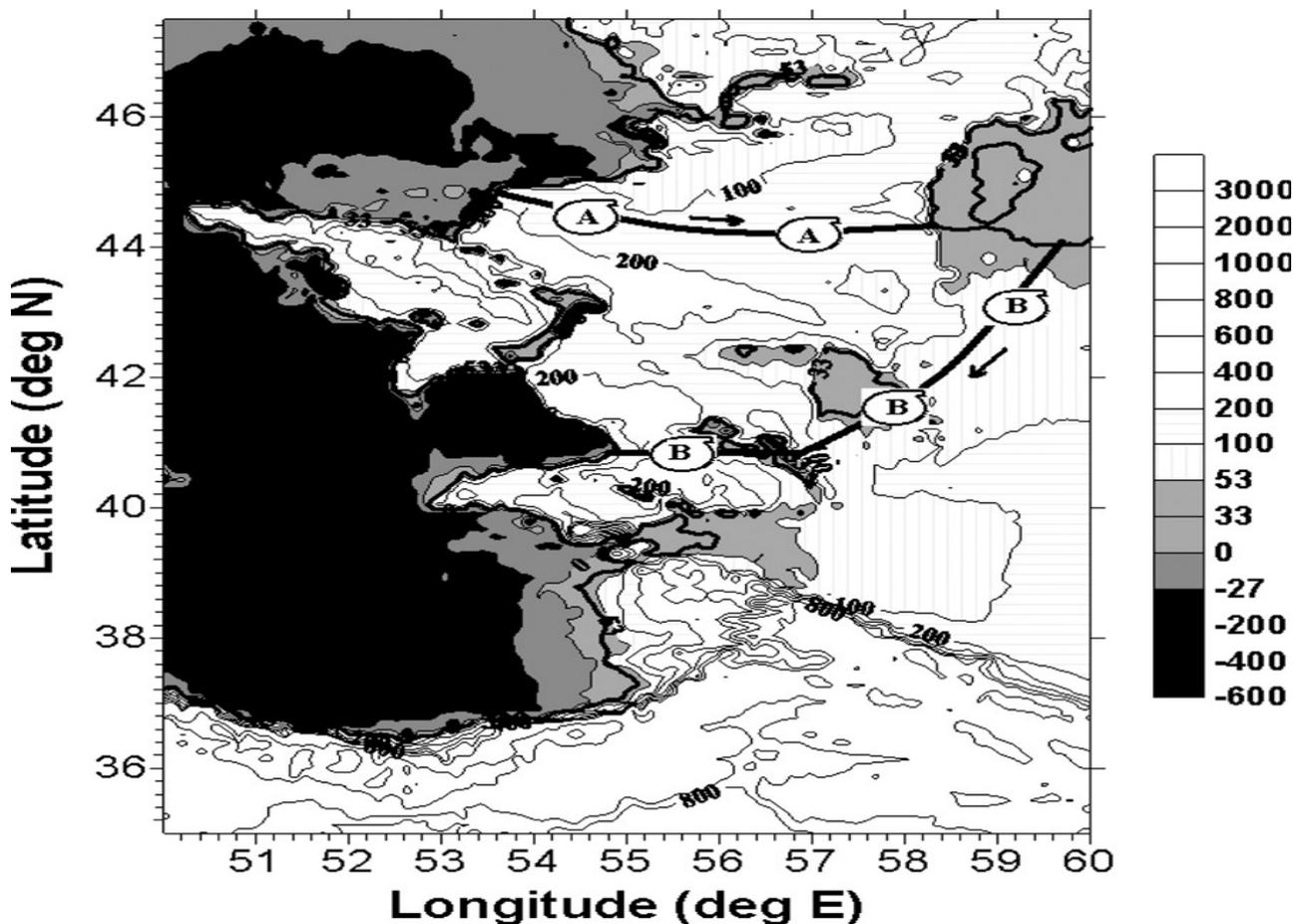

Figure 2. The routes of the Caspian-Aral macro project (ibid.).

The both of the above described methods are not ideal or available to be used at the present moment (UNESCO, 2000, p. 77). Firstly, to minimize the water for cotton irrigation is plausible, but in order to reach this goal, it would definitely demand a political will and hard work (ibid.). Because, as Abdullaev, Fraiture, Giordano, Yakubov and Rasulov (2009, p. 47) claim, the economy of the countries near the Aral Sea mainly depends on the agricultural production. For example, one-third of annual GDP in Uzbekistan is provided by cotton irrigation, whereas 60% of the people work on the agriculture here (ibid.). The cotton crop is the backbone export production of the Uzbekistan's agricultural sector and to refuse the irrigation project would be difficult for the government (ibid.). Therefore, it is not easy to reach the effective agreement between the countries, as the Republic of Uzbekistan, even it relates the global disaster as in the Aral Sea. Next to that, taking into account the proposed simple technical and economical methods of macro-project to redirect the water from the Caspian Sea is also possible way (UNESCO, 2000, p. 78). However, as Badescu and Cathcart (2011, p. 161) argue, it must be considered that the reported assessment of the macro-project might be very rough and in practical case to pump the water from the Caspian Sea can be cost significantly higher. Furthermore, it might have unpredictable ecological consequences to the environment of the Caspian Sea (ibid.). On the other hand, according to UNESCO (2000, p. 77), the project presented for the canal between the Caspian Sea and the Aral Sea seems to be more acceptable than the other mentioned methods. Therefore, in order to restore the level of the Aral Sea, the possible solutions must be well organized and the main measures must be enforced.

In conclusion, this essay has shown that the gradual reducing of the Aral Sea has been an enormous ecological disaster and its consequences have caused multiple environmental, health and ecological problems in the local population (Ataniyazova, 2003, p1). It has been suggested that the disaster is the result of irresponsible of the riparian countries to control the rivers' flow water to use for the extension of the irrigation (UNESCO, 2000, p. 33). In the essay the two different potential methods to save the Aral Sea have been analyzed. The first of them is to change the system of the irrigation and allow the deltas to feed the Aral Sea. As the waste of water use for irrigation is the major reason for the disaster, to reform the irrigation strategy might be plausible solution. The management of the river's water would be held by repairing the existing irrigation canals and reducing the amount of diverted water for the cotton irrigation. There is strong evidence that this way requires a great attention and financial support as well as an exact agreement between the governments that relied on the irrigation agriculture in the area of the Aral Sea. The second method is to redirect the water from the Caspian Sea to the Aral Sea. Records show that this method is supposed to use the Caspian extra water, which is occurred during the increase of the level in the basin, to fill up the Aral Sea. However, transferring the water to the Aral Sea firstly demands an agreement between the Caspian bordering countries to connect the two Seas by the macro canal. To summarize, it is possible to reach the recommendation that the main necessary thing in finding an efficient solution to solve the Aral Sea problem is the negotiation between the related countries. It means the measures must be convenient in order to be taken by each country to restore the threatened Aral Sea and to save the resident population from the injury ecological problem.

1. Abdullaeva I., Fraiture Ch., Giordano M., Yakubov M. and Rasulov A. (2009). *Agricultural Water Use and Trade in Uzbekistan: Situation and Potential Impacts of Market Liberalization*. *Water Resources Development*, 25(1). Retrieved March 5, 2012, from http://www.zef.de/module/register/media/5d18_Abdullaev_revise.pdf

2. Akaeva M. (1998). *Conference on the Aral Sea-Women, Children, Health and Environment: The Sinister Breath of the Aral Sea*. Stockholm, Swedish UNIFEM Committee Publishers. Retrieved February 11, 2012, from <http://www.aralsjon.nu/readmore/AralsjonBlaBoken.pdf>

3. Ataniyazova O. (2003). *Environmental Issues in the Aral Sea Basin conference: Health and Ecological Consequences of the Aral Sea Crisis*. Uzbekistan Publishers. Retrieved February 14, 2012, from http://www.adb.org/Documents/Presentations/RC_Shared_Water/Ataniyazova.pdf

4. Badescu V. and Cathcart R.B. (2011). *Aral Sea partial restoration. I. A Caspian water Importation macro project*. *Environment and Waste Management*, 7(1/2). Retrieved March 1, 2012, from <http://inderscience.metapress.com/content/j876g65r67864630/>

5. Bedford D. (2009). *The Great Salt Lake is America's Aral Sea?* ENVIRONMENT. 51(5). Retrieved April 19, 2012, from <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.3200/ENVT.51.5.8-21>
6. Björklund G. (1998). *Conference on the Aral Sea–Women, Children, Health and Environment: The Aral Sea – Water Resources, Use and Misuse*. Stockholm, Swedish UNIFEM Committee Publishers. Retrieved February 11, 2012, from <http://www.aralsjon.nu/readmore/AralsjonBlaBoken.pdf>
7. Cai X., McKinney D.C. and Rosegranti M.W. (2003). *Sustainability Analysis for Irrigation Water Management in the Aral Sea Region*. *Agricultural Systems*, 76(3). Retrieved February 28, 2012, from <http://ideas.repec.org/a/eee/agisys/v76y2003i3p1043-1066.html>
8. Dukhovny V. and Sokolov V. (2003). *LESSONS ON COOPERATION BUILDING TO MANAGE WATER CONFLICTS IN THE ARAL SEA BASIN*. Retrieved January 20, 2012, from <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001332/133291e.pdf>
9. Gapparov F., Latchinsky A (2000). *What are the consequences of the Ecosystem Distribution on Acridid Diversity and Abundance?* *Journal of Orthoptera Research*, 10(2). Retrieved February 15, 2012, from [http://www.bioone.org/doi/abs/10.1665/1082-6467\(2001\)010%5B0171:ECALCP%5D2.0.CO%3B2](http://www.bioone.org/doi/abs/10.1665/1082-6467(2001)010%5B0171:ECALCP%5D2.0.CO%3B2)
10. Kjellén B. (1998). *Conference on the Aral Sea–Women, Children, Health and Environment: The Panel Summing Up*. Stockholm, Swedish UNIFEM Committee Publishers. Retrieved February 11, 2012, from <http://www.aralsjon.nu/readmore/AralsjonBlaBoken.pdf>
11. Kiessling K.L. (1998). *Conference on the Aral Sea–Women, Children, Health and Environment: Alleviating the Consequences of an Ecological Catastrophe*. Stockholm, Swedish UNIFEM Committee Publishers. Retrieved February 11, 2012, from <http://www.aralsjon.nu/readmore/AralsjonBlaBoken.pdf>
12. Haghayeghi M. (2003). *The Coming of Conflict to the Caspian Sea. Problems of Post-Communism*, 50(3). Retrieved April 18, 2012, from http://www.mtholyoke.edu/courses/sfjones/242s/restricted/conflict_caspian.pdf
13. Elpiner L.I. (1996). *North American Water and Environment Congress & Destructive Water conference: The Caspian Sea Transgression (Environmental Medical Aspect)*. American publishers. Retrieved February 10, 2012, from <http://cedb.asce.org/cgi/WWWdisplay.cgi?100212>
14. Micklin P.P. (1988). *Dessication of the Aral Sea: A water management disaster in the Soviet Union*. *Science*, 241. Retrieved March 1, 2012, from <http://www.ciesin.org/docs/006-238/006-238.html>
15. Peachey J.E. (2004). *THE ARAL SEA BASIN CRISIS AND SUSTAINABLE WATER RESOURCE MANAGEMENT IN CENTRAL ASIA*. *Journal of Public and International Affairs*, 15. Retrieved February 2, 2012, from <https://www.princeton.edu/jpia/past-issues-1/2004/1.pdf>
16. Rapp, A. (1998). *Conference on the Aral Sea–Women, Children, Health and Environment: The Environmental Disaster – the Emergence of the Crisis*. Stockholm, Swedish UNIFEM Committee Publishers. Retrieved February 11, 2012, from <http://www.aralsjon.nu/readmore/AralsjonBlaBoken.pdf>
17. Schuijt M. (n.d.). *Special Political and Decolonization Committee: Environmental solutions to the Aral Sea disaster*. Retrieved April 5, 2012, from <http://www.bonamun.org/issues/GA4%20Aral%20Sea.doc>
18. Stolberg F., Borysova O., Mitrofanova I., Barannik V. and Egtesadi P. (2006). *Caspian Sea Regional assessments. Global International Waters Assessment. Kirjastusaktiaselts MATS, Tallinn publisher*. Retrieved March 20, 2012, from http://www.unep.org/dewa/giwa/areas/reports/r23/giwa_regional_assessment_23.pdf
19. UNESCO. (2000). *DIVISION OF WATER SCIENCES: Water-related vision for the Aral sea basin for the year 2025*. France publishers. Retrieved March 25, 2012, from <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001262/126259mo.pdf>
20. Wilson, Ph. Wh. (2002). *The Aral Sea environmental health crisis*. *Journal of Rural and Remote Environmental Health*, 1(2). Retrieved February 12, 2012, from <http://www.jcu.edu.au/jrtp/vol/v01whish.pdf>

Түйін

Арал теңізі 1960 жылдардан бастап өзінің деңгейінен күрт азаюда. Мақалада жаһандық проблемаға айналған теңіз мәселесінің шешілу жолдары талданады.

Резюме

Уровень воды в Аральском море с 1960 года идет на убывание. В статье анализируются проблемы решения Аральского моря, ставшей одной из глобальных проблем нашего времени.

Summary

The size of Aral Sea has been dramatically reducing since the 1960s. The article analyses the effective solutions to solve this global problem.

УДК 327: 341.43

РЕШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОСМОСА И ИХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

К.А. Сабитов – студент 1 курса IT-University,
Научный руководитель: **К.С. Мауленов** – д.ю.н., проф.

Не секрет, что люди издавна мечтали приблизиться к звездам, стремились понять, раскрыть для себя тайны Вселенной. Пятьдесят лет назад 12 апреля на космическом корабле «Восток» легендарный старший лейтенант Юрий Гагарин стартовал с казахстанского «Байконура»... Полет, продлившийся 108 минут, стал фундаментальным прорывом в освоении космоса и открыл эпоху пилотируемой космонавтики. Это величайшее событие мирового масштаба и по сей день записано в истории цивилизации как День космонавтики. Этот день помнят все люди, все страны и все континенты. И сегодня это общий праздник, потому что это общий прорыв в развитии всего человечества. И мы, безусловно, гордимся, что Казахстан имеет прямое отношение к этому достижению. Без космической деятельности мировое сообщество уже не в состоянии представить свою жизнь и дальнейшее развитие высокотехнологичных отраслей производства, которые так или иначе связаны с космонавтикой.

Космическое пространство и сегодня остается тем горизонтом, движение к которому связано с научными открытиями, с прогрессом, с использованием неразведанных ранее возможностей. Сейчас нет необходимости кого-либо убеждать в огромной пользе космонавтики – с каждым годом все больше стран стремятся войти в клуб космических стран мира. И при этом движущим фактором здесь выступают не столько политические амбиции, сколько практическая необходимость и потребность в возможностях, открывающихся благодаря космической деятельности.

На сегодняшний день свыше 130 государств так или иначе причастны к различным космическим программам, более 40 из них имеют собственные космические аппараты, в том числе и Казахстан. Всего восемь стран мира в полной мере обладают инфраструктурой для космической деятельности, а именно Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Французская Республика, Япония, Китай, Индия, государство Израиль и Украинская Республика. В ближайшие годы этот список могут пополнить Южная Корея и Бразилия. Следует отметить, что космическая деятельность напрямую связана не только с созданием, производством, запуском и эксплуатацией космической техники и технологий, но и необходимо учитывать наличие широкого спектра сопутствующих качественно новых космических услуг.

В своей книге «Казахстанский путь» Глава государства Нурсултан Назарбаев отметил, что «...за последнее время в мировой космической индустрии произошли большие изменения, связанные с увеличением масштабов международного сотрудничества в области освоения и использования космического пространства, стремительной глобализацией и коммерциализацией космической деятельности. Многие государства, в том числе и Казахстан, пришли к пониманию важности геополитических интересов в космосе, вследствие чего освоение и использование космического пространства стало сегодня одним из приоритетов национальной политики» [1]. Эти слова как нельзя более точно характеризуют текущий момент в космической сфере.

К концу XX века резко увеличились масштабы международного сотрудничества в области освоения космоса, началась стремительная коммерциализация космической деятельности. Возрастающий вклад частного сектора был отмечен Третьей конференцией ООН по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях (ЮНИСПЕЙС – III), Вена. В Докладе Конференции о космической деятельности, в частности, отмечается повышение уровня коммерциализации некоторых прикладных разработок и возникновение процесса приватизации [2].

Следует отметить, что договоры ООН по космосу и другие источники международного космического права были приняты в то время, когда единственными субъектами космической деятельности были государства и когда такая деятельность проводилась преимущественно в стратегических и научных целях. Однако из сферы применения договоров ООН по космосу не исключались и неправительственные юридические лица. В соответствии со ст. VI Договора по космосу 1967 г., деятельность неправительственных юридических лиц в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела (далее – «космическое пространство»), должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства-участника Договора. В этой же статье устанавливается, что государства несут международную ответственность за всю национальную деятельность в космосе.

Ни Договоры ООН по космосу, ни соответствующее национальное законодательство, естественно, не содержат всех необходимых норм для регулирования частно-правовых аспектов коммерческой космической деятельности. Множество вопросов остаются открытыми, а в будущем с развитием космических технологий и с появлением новых направлений соответствующей деятельности, количество таких вопросов только возрастет.

В соответствии со ст. VI Договора по космосу, государства несут международную ответственность за всю национальную деятельность в космическом пространстве, независимо от того, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами. Причем такая деятельность неправительственных юридических лиц должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства-участника Договора. Поэтому для регулирования национальной деятельности в космическом пространстве государства принимают национальные законодательные акты, регламентирующие, в первую очередь, вопросы лицензирования такой деятельности.

В резолюции ГА ООН 59/115 «Применение концепции «запускающее государство» государствам рекомендуется «рассмотреть вопрос о принятии и выполнении национальных законов, предусматривающих выдачу разрешений на деятельность неправительственных юридических лиц, находящихся под их юрисдикцией, в космическом пространстве и осуществлять постоянный надзор за этой деятельностью» [3].

Таким образом, лицензирование является естественной и необходимой мерой для регулирования и осуществления надзора за космической деятельностью неправительственных участников.

Определенно новым аспектом в изучении основ правового регулирования космического развития, можно выделить такой аспект как космическое страхование в качестве самостоятельного объясняется новизной риска, сложностью определения вероятности его «материализации», потенциально огромным размером убытков, зависимостью страховщика от страхователя в отношении доступа к информации о всех существенных обстоятельствах.

В данной области страхование имущества принято выделять в предпусковой период (prelaunch insurance), страхование запуска (launch insurance) и страхование спутника на орбите (in-orbit insurance). Объектом страхования являются имущественные интересы страхователя, связанные с владением, пользованием и распоряжением космической техникой. Страховым случаем – происшествие, приведшее к полной гибели, полной конструктивной гибели, частичной гибели или повреждению застрахованного имущества и повлекшее обязательство страховщика выплатить страховое возмещение [4].

Одним из основных условий страхования у зарубежных государств является наличие у страхователя или выгодоприобретателя страхового интереса. Наличие страхового интереса необходимо связывать не с правом собственности на объект страхования, а с тем, несет ли соответствующее лицо бремя риска за данный объект.

Когда в отношениях по страхованию присутствует «иностранный элемент», порядок и условия страхования, как правило, регулируются законодательством страховщика. Особый интерес представляет страхование ответственности. В процессе осуществления космической деятельности ущерб может быть причинен не только имуществу участников такой деятельности, но и имуществу и/или здоровью третьих лиц. В такой ситуации возникает вопрос об ответственности и ее финансовом обеспечении – страховании.

Страхование ответственности также обычно осуществляется в предпусковой период, на этапе запуска и в период функционирования на орбите. Соответствующие риски обычно размещаются на рынке страхования не космических, а авиационных рисков [5].

Объектом страхования в данном случае являются имущественные интересы страхователя, связанные с его обязательством в порядке, установленном законом, возместить вред, причиненный при осуществлении космической деятельности жизни, здоровью и/или имуществу третьих лиц. Страховым случаем – возникновение обязательства страхователя по возмещению вреда жизни, здоровью и/или имуществу третьих

лиц, причиненного вследствие осуществления космической деятельности, указанной в договоре страхования, если в соответствии с условиями договора такой вред подлежит возмещению страховщиком.

Ни Договор по космосу, ни Конвенция об ответственности не содержат требования о страховании ответственности за ущерб. Данный вопрос регулируется национальным законодательством. В законодательстве ряда государств в качестве одного из условий для предоставления лицензии на космическую деятельность предусмотрено осуществление обязательного страхования ответственности за ущерб, который может быть причинен третьим лицам такой деятельностью (как, например, в Законе США о коммерческих космических запусках 1984 г. (с поправками 1988 г.).

В ст. II Договора по космосу устанавливается, что «космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами». В применении данного положения к государствам-участникам Договора по космосу никаких трудностей и разночтений в толковании не возникает. Проблемы появляются в контексте распространения (или нераспространения) данного положения на государства, не участвующие в Договоре по космосу, в качестве норм международного обычного права, а также на неправительственных юридических лиц. Представляется, что положения Договора по космосу, по крайней мере, его основные принципы, приняли форму обычных норм, поскольку до сих пор ни одно государство не заявляло никаких протестов против принципов им установленных, в частности, статьей II. Ситуация с неправительственными юридическими лицами обстоит несколько сложнее.

В международном космическом праве признаются два вида ответственности: политическая и материальная (статьи VI и VII Договора по космосу, соответственно). Для более полного понимания термина «международная ответственность» рассмотрены положения Проекта статей об «Ответственности государств за международно-противоправные деяния», подготовленного Комиссией международного права и принятого резолюцией 56/83 Генеральной Ассамблеи ООН 12 декабря 2001 г.

В п. а) ст. I Конвенции об ответственности «ущерб» определяется как «лишение жизни, телесное повреждение или иное повреждение здоровья, либо уничтожение или повреждение имущества государств, либо физических или юридических лиц, или имущества международных межправительственных организаций». Проводится различие между ущербом, причиненным на поверхности Земли или воздушному судну в полете (ст. II Конвенции), и ущербом, причиненным в любом месте помимо поверхности Земли (ст. III Конвенции). В первом случае ответственность запускающего государства абсолютная, во втором – только на основании вины запускающего государства или лиц, за которых оно отвечает. В п. с) ст. I Конвенции раскрывается понятие «запускающее государство», оно означает: государство, которое осуществляет или организует запуск космического объекта, а также государство, с территории или установок которого осуществляется запуск космического объекта (термин «запуск» включает попытку запуска).

Система возмещения ущерба, установленная Конвенцией об ответственности, в большей степени защищает права потерпевшей стороны в случае нанесения ущерба на поверхности Земли или воздушному судну в полете [6].

Этому способствуют, в частности, абсолютная ответственность, отсутствие верхнего предела выплачиваемой компенсации. При наличии нескольких запускающих государств, право выбора того государства, которому будет предъявлена претензия о компенсации ущерба, также является своего рода преимуществом для государства-истца. Потенциальные государства-ответчики – участники международных космических проектов, заключают между собой соглашения, упомянутые в п. 2 ст. V Конвенции об ответственности. В таких соглашениях распределяется не сама ответственность, а финансовые обязательства, по которым участники совместного запуска несут солидарную ответственность.

Рассмотрены широко применяемые в настоящее время оговорки о взаимном отказе от требований об ответственности. Каждый участник проекта соглашается нести ответственность за свои собственные убытки и отказаться от всех претензий в отношении других участников проекта. Такие оговорки действуют, в частности, в рамках, «Старсем» и Международной космической станции. Взаимный отказ от ответственности подпадает под ряд ограничений. Оговорки о взаимном отказе от ответственности могут действовать в отношении участников запуска являющихся сторонами соглашения о предоставлении услуг по запуску, но не могут применяться к их подрядчикам и субподрядчикам, кроме случаев, когда такое намерение прямо выражено участниками проекта.

Особый интерес представляет проблема ответственности неправительственных участников космиче-

ской деятельности. Данный вопрос никак не урегулирован на международном уровне. По этой причине возникает угроза того, что возможные и естественные различия в национальном законодательстве государств могут помешать единому толкованию и единому подходу к применению положений Конвенции об ответственности. Если государство выплатило компенсацию за ущерб, причиненный космическим объектом, принадлежащим частной компании, оно имеет право требовать от соответствующей компании возмещения понесенных расходов. В национальном законодательстве чаще всего используются два механизма возмещения: 1) устанавливается обязательство возместить государству понесенные расходы в связи с выплатой компенсации (в частности, в России, Великобритании, Швеции, Франции); 2) в соответствии с Законом о коммерческих космических запусках США, суммы, необходимые для компенсации максимального возможного ущерба, определяются применительно к каждой лицензии, и их верхний предел составляет 500 млн. долл. США (100 млн. долл. США по требованиям Правительства США) или равен максимальной сумме страхового покрытия ответственности на мировых рынках [7].

Любые требования, превышающие установленные суммы, оплачиваются Правительством США от имени лицензиата до установленного законом предела, который составляет 1,5 млрд. долл. США (плюс любые дополнительные суммы, необходимые для отображения инфляции, имеющей место после 1 января 1989 г.) (статья 70113 Кодекса США (United States Code)). Представляется, что второй механизм в большей степени защищает права частных компаний, поскольку: определенный «потолок» выплат облегчает общее финансирование проекта; снижается сумма страховой премии при большей степени определенности рисков. Данный механизм защищает и права потерпевшей стороны, для которой предъявление иска в национальные судебные инстанции становится более эффективным, и отпадает необходимость использования длительной процедуры по Конвенции об ответственности.

В последнее время космическая деятельность все чаще характеризуется наличием в ней в той или иной форме «иностранный элемента». В связи с тем, что многие космические товары и технологии могут быть использованы как в гражданских, так и военных целях («товары и технологии двойного назначения»), подобная деятельность проводится с разрешения уполномоченных в области экспортного контроля национальных органов власти.

Современная система экспортного контроля США основывается на разветвленной законодательной базе. Государственный департамент США (US Department of State) разработал Правила и нормы международной торговли оружием (International Traffic in Arms Regulations (ITAR), основанные на Законе о контроле над экспортом вооружения 1976 г. (Arms Export Control Act of 1976). Ответственным органом за исполнение Правил и норм является комитет Государственного департамента – Директорат по контролю оборонной торговли (Directorate of Defense Trade Controls (DDTC)). Порядок вывоза регламентируется Списком военного снаряжения (Munitions List). В рамках данной системы контролируется экспорт товаров, технологий и услуг оборонного значения.

Экспортный контроль товаров и технологий двойного назначения в США, определенный Правилами экспортного контроля (Export Administration Regulations (EAR), осуществляется в рамках компетенции Министерства торговли (Department of Commerce (DoC) через Бюро промышленности и безопасности (Bureau of Industry and Security (BIS)). Перечень товаров и технологий двойного назначения установлен Списком торгового контроля (Commercial Control List). Однако экспортный контроль над всеми товарами и технологиями, связанными с космической деятельностью в 1999 г. был окончательно передан в компетенцию Директората по контролю оборонной торговли.

Развитие космической деятельности является для Казахстана мощным фактором формирования в стране инновационной экономики и высокотехнологичной индустрии. При этом важнейшим фактором развития космической деятельности является международное сотрудничество. Для формирования полноценной космической отрасли и привлечения в нее передовых технологий мирового уровня устанавливается взаимовыгодное сотрудничество с ведущими зарубежными странами и международными организациями.

Казахстан выходит на качественно новый уровень сотрудничества с Россией, а также развивает сотрудничество с Францией, другими зарубежными странами путем реализации совместных проектов по созданию космической техники, технологий, объектов космической инфраструктуры в кооперации с ведущими мировыми производителями.

В настоящее время Казахстаном в сфере космической деятельности установлены партнерские отношения и подписаны международные договоры о сотрудничестве по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях с Россией, Украиной, Китаем, Индией, Израилем, Францией, Японией, Германией. Одним из основных направлений сотрудничества с Россией является сотрудниче-

ство по комплексу «Байконур». Очень важно, что президентами Республики Казахстан и Российской Федерации достигнута договоренность о дальнейшем развитии равноправного взаимовыгодного сотрудничества на «Байконуре», предусматривающая расширение участия Республики Казахстан в выполнении космических программ на «Байконуре», проведение модернизации инфраструктуры космодрома с учетом обеспечения экологической безопасности космической деятельности. Это закреплено в подписанном Соглашении между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса «Байконур» 9 января 2004 года, где также предусматривается продление срока аренды комплекса «Байконур» до 2050 года. Сотрудничество с Российской Федерацией реализуется и в ряде совместных космических проектов.

Космическая отрасль является самой высокотехнологичной и наукоемкой, и вполне естественно, что мощным научным базисом Национального центра космических исследований и технологий являются научно-исследовательские институты нашей республики, внесшие огромный вклад в развитие отечественной космической науки: Астрофизический институт имени В.Фесенкова, Институт ионосферы, Институт космических исследований имени академика У.Султангазина, Институт космической техники и технологий. Ученые этих институтов ведут обширные исследования в областях: астрономии и астрофизики, физики солнечно-земных связей, космического мониторинга природных ресурсов, чрезвычайных ситуаций, работают над созданием космической техники и технологий. Эти исследования не оторваны от жизни, их результаты уже сегодня находят свое применение в экономике Казахстана.

В 1997 году Казахстан присоединился к пяти основным многосторонним договорам в рамках ООН по исследованию и использованию космического пространства: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 года; Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство от 22 апреля 1968 года; Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 года; Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 14 января 1975 года; Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 года. Казахстан является участником Протокола совещания представителей органов исполнительной власти государств-участников СНГ по вопросам сотрудничества в космической сфере (г. Алматы, 8 июня 2012 года). Принят Закон РК «О космической деятельности» от 6 января 2012 года №528-IV.

Исторически так сложилось, что страна, на территории которой расположен крупнейший в мире и уникальный космодром, не обладает научно-технической базой для создания ракетно-космической техники и не имеет развитого космического сегмента. Поэтому была избрана линия участия в проектах совместно с ведущими космическими державами. Вся колоссальная сложность освоения космонавтики для нашей страны заключается в том, что республике приходится одновременно налаживать международные контакты в космической сфере, создавать ракету-носитель, запускать свои спутники, строить наземную инфраструктуру и готовить собственные кадры, и при этом постоянно «держат руку на пульсе» современных достижений, чтобы не отставать от международных тенденций.

Сегодняшнюю экономику высокоразвитых современных государств невозможно представить без применения космических технологий, в том числе в области исследований Земли из космоса. Здесь у нас есть несомненные заделы и успехи. Создана наземная инфраструктура Национальной системы космического мониторинга Республики Казахстан. В ее состав входят два крупнейших в Средней Азии, сертифицированных на международном уровне центра приема, обработки и архивации данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) в Астане и Алматы, обеспечивающих регулярное покрытие территории Республики Казахстан и прилегающих государств оптико-электронными и радиолокационными космическими снимками.

В экономику Казахстана уже внедрены технологии космического мониторинга чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, сельскохозяйственного производства, а также мониторинг территорий с повышенными антропогенными нагрузками, в частности Семипалатинского испытательного полигона, Аральского и Прикаспийского регионов. Так, уже разработано программно-математическое обеспечение и экспериментальный образец оборудования для решения задач высокоточной навигации, программно-математическое обеспечение и модели служебных подсистем и научной полезной нагрузки космического аппарата. Разрабатывается проект создания казахстанской космической системы научно-технологического назначения, реализация которого позволит создать собственное опытно-экспериментальное производство по сборке и испытаниям некоторых компонентов космических аппаратов. Все эти

программы неразрывно связаны с создаваемой в стране наукоемкой, очень сложной в технологическом отношении космической отраслью.

Очень важно подчеркнуть, что объем исследований за последние пять лет увеличился в 2 раза, стал шире круг международных связей – выполнены семь проектов по грантам международных фондов и компаний, наши молодые ученые проходят научную стажировку в ведущих научно-исследовательских центрах и университетах Японии, Германии, Франции, России, Китая и Индии [8].

Деятельность Республики Казахстан в области исследования и использования космического пространства за 20 лет ее независимости можно разделить на три периода.

Первый период охватывает 1991-2004 годы, когда проводились лишь научные работы по исследованию космического пространства в области астрофизики, ионосферы Земли, дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) в рамках программ фундаментальных научных исследований, а также были реализованы четыре научных программы космических исследований и экспериментов во время полетов в космос Т.Аубакирова (1991 г.) и Т.Мусабаева (1994 г., 1998 г., 2001 г.). В первый период космическая деятельность Казахстана сводилась лишь к решению научных задач по исследованию космического пространства и не была связана с использованием космического пространства, т.е. с работами по созданию космической техники и разработке космических технологий.

Второй период космической деятельности независимого Казахстана охватывает 2005-2007 годы, когда была принята и осуществлялась первая государственная программа «Развитие космической деятельности в Республике Казахстан на 2005-2007 годы». Был реализован проект создания и запуска спутника связи «Казсат-1», было организовано специальное конструкторско-технологическое бюро космической техники (СКТБ КТ), авиационного ракетно-космического комплекса «Ишим», космического ракетного комплекса (КРК) «Байтерек», командно-измерительного комплекса на базе оптических и радиотехнических средств полигона «Сары-Шаган».

Третий период космической деятельности независимого Казахстана охватывает 2007-2012 годы и связан с деятельностью Национального космического агентства (Казкосмос), образованного в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 27 марта 2007 года. Глава государства Н.А. Назарбаев поставил цель создать в Казахстане современную и самодостаточную космическую отрасль и с учетом неудовлетворительных результатов космической деятельности за 16 лет независимости государства принял решение образовать Казкосмос как самостоятельный государственный орган управления в области космической деятельности.

Создан, запущен и введен в эксплуатацию спутник связи «Казсат-2», находится на стадии завершения строительство резервного наземного комплекса управления спутниками связи серии «Казсат», полным ходом идет создание спутника связи «Казсат-3» по контракту с российской компанией «Информационные спутниковые системы», создание сборочно-испытательного комплекса космических аппаратов (СБИК КА) и космической системы дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) по контракту с французской компанией EADS Astrium, строительство зданий СКТБ КТ и СБИК КА на территории СЭЗ «Астана-Жанакала».

Организован и успешно функционирует Национальный центр космических исследований и технологий (НЦКИТ), объединяющий четыре научных института, в которых работают известные в мире ученые, профессора, академики. Наряду с дальнейшим развитием традиционных направлений научных исследований в области астрофизики, ионосферы Земли, ДЗЗ институты ведут успешные прикладные научные исследования по новым направлениям – создание национальной системы космического мониторинга и системы космического геодезического мониторинга, разработка отечественных образцов космической техники и технологий. Организован и успешно функционирует Научно-исследовательский центр «Гарыш-экология», который укомплектован специалистами высокой квалификации, учеными мирового уровня, оснащен современным лабораторным оборудованием. Центром разработаны система экологического мониторинга пусков ракет-носителей с космодрома Байконур и система мониторинга здоровья населения, проживающего в районах влияния деятельности космодрома Байконур. Кроме стационарных лабораторий в городах Алматы, Байконур и Жезказган введены в действие две передвижные лаборатории.

На сегодняшний день в космосе собственные спутники среди стран СНГ имеют лишь Россия и Казахстан. Российские спутники связи покрывают весь земной шар, кроме единственного небольшого участка, – в центре США. Всего в космическом пространстве функционировало 849 спутников различного назначения, причем 425 из них, или 50,6%, – американского производства. Китаю на мировых орбитах принадлежит 31 спутник, Японии – 31 аппарат. Далее по списку идет Франция – 18 спутников и Индия –

14 аппаратов различного назначения. Великобритания владеет 11 спутниками, 7 аппаратов на балансе Германии, 5 – Италии. Все другие страны мира обходятся группировкой в 89 космических аппаратов. Международные коммерческие операторы связи имеют на орбитах 103 спутника. В общей сложности сегодня более 120 государств мира имеют собственные спутники на орбите Земли. Южная Корея, Малайзия и Тайвань уже давно производят спутники для собственных нужд [9].

18 июня 2006 года Республика Казахстан стала космической державой. В этот исторический день с космодрома Байконур был осуществлен запуск первого казахстанского спутника «KazSat». Произошло это благодаря тесному и активному сотрудничеству двух государств: России и Казахстана.

Таким образом, внедрение новейших технологий, основанных на применении космических данных, даст огромный эффект для деятельности сельского хозяйства, чрезвычайных служб, охраны окружающей среды, обороны и национальной безопасности, геодезии и картографии, экономики Республики Казахстан.

Большое значение космическая система имеет и для предупреждения ЧС (чрезвычайных ситуаций). Например, через спутник можно обнаружить опасности наступления чрезвычайных ситуаций на ранней стадии, что поможет определить зоны бедствия, оценить ущерб, нанесенный природными и техногенными катастрофами. Позволяет контролировать сроки формирования и схода снежного покрова, распознавать зоны затопления в период паводков, очаги природных пожаров, определять потенциальные зоны сейсмической активности, оползнеопасные районы Казахстана. Также поможет определить перспективность нефтегазоносных углеводородного сырья, контролировать состояние инфраструктуры нефтегазодобывающей отрасли, добычу и транспортировку, а также состояние объектов недропользования.

Для Казахстана с его необозримыми просторами, сильной дифференциацией в распределении природных ресурсов и уровне развития регионов особую актуальность представляют технологии космического мониторинга, услуги, которых направлены на решение задач устойчивого развития и рационального использования природных ресурсов территорий.

Актуальным вопросом для Казахстана на сегодняшний день остается вопрос участия в украинско-российском коммерческом проекте «Наземный старт» с использованием РН «Зенит». В целях расширения коммерческого использования РН «Зенит» с 2003 года начата реализация проекта «Наземный старт» по запускам спутников с космодрома «Байконур». Оператором проекта «Наземный старт» является российско-украинская компания «Международные космические услуги» частной формы собственности. По имеющимся техническим проработкам, РН «Зенит» имеет хорошую перспективу модернизации в части повышения веса полезной нагрузки и, соответственно, конкурентоспособности на рынке коммерческих запусков. В этой связи вопрос об участии Казахстана в проекте «Наземный старт» приобрел особую остроту и актуальность.

Таким образом, для развития освоения космоса, в том числе решения экономических проблем в использовании космоса основой всего этого является законодательная база.

Сегодня Казахстан молодое, динамично развивающееся государство. В целях установления взаимовыгодного международного сотрудничества было организовано взаимодействие с международными организациями, космическими агентствами и компаниями Франции, России, Израиля, Германии, Китая, Японии, Южной Кореи, Индии, Украины, Организации Исламской Конференции, с Режимом контроля за ракетными технологиями и др. Вот почему необходимо Казахстану присоединиться к ряду межправительственных соглашений о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях с правительствами России, Франции, Израиля; соглашение с правительством Франции об условиях создания и использования космической системы ДЗЗ и СБИК; с правительством России о порядке посещения комплекса «Байконур». Заключен Меморандум между Казкосмосом и Индийской организацией космических исследований по развитию сотрудничества в области космической деятельности. Аналогичные документы подписаны с Японией, Германией и Южной Кореей.

Очевидно, что долгосрочное развитие отрасли требует выверенного, системного и профессионального подхода. Уже сегодня нужно четко представлять, какими будут потребности в результатах космической деятельности через 20-30 лет и в каком направлении необходимо двигаться. И к этому уже сейчас необходимо готовить людей – грамотных и ответственных профессионалов. Ведь экономика, производство, технологии и развитие – это, прежде всего, люди и их каждодневный труд, творческий поиск и достижения. Ракеты-носители, космические аппараты и спутники, центры управления полетами и наземная инфраструктура – вся эта сложнейшая и наукоемкая техника создается, управляется и используется людьми. Поэтому одним из важнейших приоритетов отрасли, наряду с развитием инфраструктуры и

технологий, остается подготовка молодых, компетентных и грамотных кадров в космической области – ученых, конструкторов, инженерно-технических работников, испытателей, менеджеров и стратегов. И эти люди будут надежной опорой для раскрытия и развития внутреннего потенциала страны.

Качество человеческих ресурсов в новой, инновационной экономической системе выступает главным фактором, обеспечивающим эффективность и рост наукоемких отраслей экономики, какой, несомненно, является космонавтика. Развитие человеческих ресурсов, подготовка кадрового потенциала – это надежные инвестиции в будущее, в конкурентоспособность страны и нации в целом.

Для Казахстана важно поднимать престиж и привлекательность космических профессий, всемерно содействовать привлечению молодежи к техническим наукам, связанным с аэрокосмическими специальностями. Сегодня необходимо системно подходить к подготовке специалистов, которые будут способны не только работать с новейшими технологиями и продумывать их внедрение в экономику страны, но и создавать новые образцы, вносить свой вклад в мировую инженерную мысль и технологическое развитие нашего государства. Прорыв в долгосрочном развитии космонавтики, да и в целом в экономике возможен только при наличии профессионалов, которых необходимо растить сегодня.

В этом высока роль и ответственность системы образования, ведущих университетов нашего государства, среди которых можно со всей ответственностью отметить: Назарбаев-Университет, Международный Университет информационных технологий, ректором которого является известный ученый, доктор экономических наук, профессор Шыныбеков Д.А., самый старейший ВУЗ нашего государства – КазНПУ им. Абая и многие др.

Таким образом, развитие космической деятельности является для нашей страны вопросом глобальной конкурентоспособности.

1. Назарбаев Н.А. *Казахстанский путь*. – К., 2006 г.
2. Доклад Конференции о космической деятельности/Космос на рубеже тысячелетий. ЮНИСПЕЙС-III: документы и материалы // Отв. редактор – Яковенко А.В. «Международные отношения», – М., 2000, – С. 46-48.
3. Документ ООН A/RES/59/115. – С. 2.
4. Юзбабян М.Р. К вопросу о формировании международного космического частного права: статья // Московский журнал международного права. 2008. - №2. - 0,6 п.л.
5. McDougal P.R. *Space Insurance /McDougal P.R.// Proceedings of United Nations/International Institute of Air and Space Law Workshop on Capacity Building in Space Law. – United Nations, – New York, 2003. – PP. 345-346.*
6. Юзбабян М.Р. *Некоторые тенденции развития международного космического права: учебное пособие в соавторстве / Под редакцией Колосова Ю.М., Штудиной И.Ю. – М.: МГИМО, 2006. – 4 п.л./1,9 п.л.*
7. Kerrest A. *Liability Convention and National Licensing Systems /Kerrest A.// Proceedings of the United Nations/Korean Workshop on Space Law: United Nations Treaties on Outer Space: Actions at the National Level. – United Nations – New York – 2003. – P. 238.*
8. Документ ООН A/AC.105/C.2/L.224. – С. 18.
9. Лекция Председателя Национального космического агентства Республики Казахстан. Мусабаева Т.А. в Евразийском Национальном Университете им. Л.Н. Гумилева. О перспективах освоения космического пространства для профессорско-преподавательского состава и студентов, г. Астана 10.04.2011 г.

Түйін

Мақалада ғарышты игерудегі экономикалық мәселелерін шешу мәселелерімен оның халықаралық-құқықтық негіздері қарастырылады, тағы да бұл үрдіске талдау жасалды.

Резюме

В статье рассматриваются вопросы решения экономических проблем использования космоса и их международно-правовые основы, а так же дается анализ этому процессу.

Summary

The questions address the economic use of space and the international legal framework, as well as an analysis of the process.

УДК 327 (574)

ENERGETICALLY STRATEGY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

А.Бастаубаева – магистрант 2-го курса, Институт Магистратуры и PhD докторантуры, кафедра политологии и социально-философских дисциплин, специальность «Международные отношения», КазНПУ им. Абая

One of the important issues today is energy policy of the Republic of Kazakhstan. Energy issue important not only in the Republic of Kazakhstan, but all over the world attentively watches the prices of energy types, counting exhaustible reserves of energy and want to set control in oil-producing countries. But from year to year there are new ways of using alternative ways of energy. And what about situation in Kazakhstan?

There are several types of energy which use the Republic of Kazakhstan for example, coal, oil, gas, uranium and alternative energy sources, we are among ten biggest in the world. Kazakhstan owns large reserves of energy resources, and therefore the energy policy of Kazakhstan has influence over the world's overall energy supply. Although Kazakhstan has not described itself as an energy superpower, Kazakhstan's president Nursultan Nazarbayev has claimed Kazakhstan will become a factor of energy security in Asia and Europe [1]. Kazakhstan has a strategic geographical location to control oil and gas flows from Central Asia to East (China) and West (Russia, global market). Kazakhstan is a partner country of the EU INOGATE energy programme, which has four key topics: enhancing energy security, convergence of member state energy markets on the basis of EU internal energy market principles, supporting sustainable energy development, and attracting investment for energy projects of common and regional interest [2].

Electrical power is the basic economic sector in Kazakhstan. A reliable and effective functioning of the industry, a continuous supply of electrical power and heat consumers is the basis of the country's economic development and an intrinsic factor of ensuring civilised living conditions for people. The economic growth, which began in 2000, helped to produce 63.7 billion kWh of electrical power in 2003 – a 34% growth within 4 years. It also helped to increase consumption up to 62.1 billion kWh – a 23% growth within 4 years. As a result, Kazakhstan became a net exporter of electrical power.

Electrical power in Kazakhstan was made from:			
	gas	coal	
	10,6%	70%	
Industry is the core consumer of electrical power			
	The service sector	Transport	
	8%	5.6%	

In Kazakhstan the rated capacity of electrical power production is 18,331 MW			
Hydroelectric power stations	Condensation power plants provide half of the rated capacity	Heating plants	Gas turbine electric power plants
12,3%	48,9%	36,6%	2,3%

Most power is produced by 37 heating plants operating on coals mined in:

- 1) Ekibastuz
- 2) Maikuben
- 3) Turgai
- 4) Karaganda.

Three big hydroelectric power stations are being used

Bukhtarminskaya

Ust-Kamenogorskaya (Irtys River) they provide 10% country's needs

Карчагайская (Ili River);

nuclear power station near Aktau (formerly known as Shevchenko)

Kazakhstan possesses 5 operational hydroelectric plants which provide roughly 12% of the electricity generation. The majority of the facilities are located on the Irtys River. Other renewable are largely undeveloped although Kazakhstan has potential in renewable energy resources. Renewable energy sources could be particularly attractive in isolated rural areas.

One of the non – traditional renewable sources is - wind power. Geographically, Kazakhstan is within the wind zone of the northern hemisphere. Therefore, strong air currents occur in numerous areas of the country, mostly in the northeast and southwest directions. In some areas of Kazakhstan, the annual average wind speed is 6 metres per second or higher, which makes those areas more attractive for the wind power industry development. In this respect, Kazakhstan is viewed as one of the most suitable countries in the world for wind power use. According to experts, the wind power potential of Kazakhstan is estimated to be 1,820 billion kWh of electrical power per year. There are good wind areas in the central part of Kazakhstan, the Caspian region, and a number of places in the south, southeast and southwest of the country.

Studies of the wind power potential in some areas of Kazakhstan, carried out under a UNDP wind power project, demonstrate a good wind environment and conditions for construction of a wind power station. Those areas can be viewed as places for construction of a wind power station by 2015. Availability of a free space in the wind areas allows bringing the capacity of the wind power station up to thousands of megawatts. Studies of the power sector future capacities in Kazakhstan based on computerised models showed that with the growing prices for power resources, investment in upgrades and renovation of generating facilities, the wind power demand in the electrical power market will be about 300 MW by 2015 and 2,000 MW by 2024.

The demand for wind power in southern and western Kazakhstan will appear as soon as by 2015 due to gas price growth. Importantly, use of renewable energy sources in electrical power production reduces greenhouse gas emissions and discharges of hazardous substances by the power industry. However, today the wind power resources of Kazakhstan are hardly used in the electrical power market – like other kinds of renewable energy sources. The main reason for this is low competitiveness of the wind power in the coal-based market, when the cost of electrical power produced by coal-operated power stations does not reflect long-term costs for reproduction or costs associated with the environmental impact of the coal industry.

The cost of energy produced by wind power stations depends on many factors, including the wind potential value, wind power station capacity, construction costs, and financing expenses. For places with good wind conditions, the cost of electrical power produced by wind power stations may be 5-7 eurocents per kWh during the investment payback period. As the cost of equipment goes down, electrical power produced by wind power stations will get cheaper, too – down to 4-6 eurocents per kWh, which is comparable to the cost of electrical power produced by new power stations [3].

Use of renewable energy sources in electrical power production in the regulated market is based on legal mechanisms of providing support for renewable energy sources. Kazakhstan has good opportunities to use wind power – especially near the Dzhungarian Gates and the Chilik Corridor, where the average wind speed varies between 5 and 9 metres per second. Availability of transmission lines and a good wind season ratio promise a significant contribution from this resource to the total consumption of primary energy resources.

Use of solar power could also contribute to the development of non-traditional resources as the daylight length is 2,200-3,000 hours per year, and the estimated capacity of solar radiation is 1,300-1,800 kW per 1 sq. m a year. Use of solar power is especially important for remote and secluded areas [4].

To date, the share of renewable energy resources remains minimal – not more than 0.2% of the total electrical power output.

Kazakhstan has significant renewable energy resources: water power, solar power, wind power, and biomass. However, with the exception of water power, these resources are not widely used until now. The main fuel consumer in Kazakhstan is electrical power and heat production industry. This sector consumes about 30 million equivalent fuel tons per year. In 2007, the Government of Kazakhstan approved the Plan on Development of the Electrical Power Industry in Kazakhstan until 2015. This Plan includes commissioning of new facilities (5,598 MW) by 2015, including 4,250 MW of coal-operated facilities [5].

Legal Mechanisms of Providing Support for Renewable Energy Sources includes: An analysis of legal mechanisms for renewable energy sources showed that the following types of support are used in the world: the

feed-in tariff. This legal mechanism binds power suppliers to purchase electrical power produced from renewable energy sources at a fixed price which ensures economic independence of renewable energy sources. Examples of such legislation on renewable energy sources include Germany, Spain, Denmark and China. In Germany, the electrical power tariff for wind power stations is about 7 eurocents per kWh. Advantages of this regulation include simplicity, transparency, guarantees for investors. Downsides of this kind of regulation include: additional charge for renewable energy is to be made by power consumers who receive electricity from the network connected to renewable energy sources – this may result in an unbalanced distribution of additional charges between consumers and lack of a market-based approach to the regulation of renewable energy sources [6].

Another mechanism for regulation of renewable energy sources includes quota obligations for renewable energy, or renewable energy certificates. This kind of regulation is used to set up a minimum level of power production or consumption from renewable energy sources. The obligation covers either consumption of electrical power (via suppliers and sellers) or production (power producers). To help meet the obligations, renewable energy certificates are offered, with appropriate conditions for their purchase and sales. The certificates prove power supply to the network from renewable energy sources and allow setting up a renewable energy accounting system and making sure that the obligations are followed. Renewable energy sources get an opportunity to sell power and renewable energy certificates in the market, which ensures their profitability. The market price of the certificate depends on demand and supply in the certificate market. The cost of the certificate may be comparable to that of electrical power in the market – or even be higher. The performing party has an opportunity to execute its obligations by purchasing the certificates from renewable energy sources.

The obligation and certificate mechanism encourages projects with a low cost of electrical power because they gain a market advantage and have an opportunity to control the general cost of introducing renewable energy sources to the market. Under such regulation, the additional cost of renewable electrical power is distributed to all power consumers. Quota obligations and the certificates are a well-proven system which enhances the renewable energy market development. Still, this system is more difficult to manage, and renewable energy projects may incur certain risks in the certificate market. Quota obligations for renewable energy and the certificates are used in England, Sweden, Poland, and the United States.

In conclusion, the national power policy aims to: ensure continuous supply of electrical and heating power to the people, improve effective use of power resources and provide appropriate conditions for transition of the national economy to the energy-saving development track, ensure a continuous market-based development of the electrical power complex and improve its economic efficiency, increase the export potential of electrical power.

1. *«Kazakhstan becoming pillar of energy security in Asia and Europe»*. Alexander's Gas & Oil Connections. 13 September 2006. Retrieved 2007-06-10.

2. <http://www.inogate.org/>

3. <http://www.kazenergy.com/>

4. <http://www.solar.kz/>

5. <http://worldbank.org/kz>

6. <http://kegoc.kz/eng>

Түйін

Берілген мақалада автор Қазақстан Республикасындағы қазіргі таңдағы энергетикалық стратегиясын сипаттайды. Сарқылатын энергия көздері, балама энергия көздері және мемлекеттің қолданатын механизмдері туралы баяндалған.

Резюме

В данной статье автор рассматривает современную структуру энергетики в Республики Казахстан. Сообщает о исчерпаемых видах энергии, альтернативных типов энергии и механизмах используемой государством.

Resume

In given article, author write about current state of energy in the Republic of Kazakhstan. State about exhaustible reserves of energy, alternative types of energy and mechanisms providing by government.

УДК 327: 341.43

АРАБСКИЙ МИР И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Д.Ергалиев – магистрант 2 курса, специальность: *Международные Отношения, КазНПУ им. Абая*

Человек всегда и везде боролся за свои права, но разными способами и по-разному их понимая. Нередко люди добивались своих прав, в том числе – в обществах отнюдь не передовых, даже находясь в самом низу социальной лестницы. Но как юридически оформленный общественный институт права человека возникают лишь в современном гражданском обществе, каковым нельзя было назвать еще общество раннего и даже развитого капитализма. В этой связи можно вспомнить длительную борьбу за права женщин в Англии в XIX-XX вв. (движение суфражисток), преследования коммунаров, дело Дрейфуса и режим Петэна во Франции, фашизм в Италии, Германии, Венгрии, Португалии и Румынии, диктатуру Метаксаса, а через десятилетия – власть «черных полковников» в Греции, франкизм в Испании. Со всем этим Европа покончила (будем надеяться – навсегда!) только во второй половине 70-х годов XX в. Так что даже здесь (как и в США, где примерно тогда же отменили расовую сегрегацию) гражданское общество – еще очень молодое. Тем не менее, страны Запада, явно ностальгируя по эпохе «бремени белого человека» и его «цивилизаторской миссии», берутся учить народы Третьего мира (а заодно и Восточной Европы!) свободе, демократии и уважению прав человека.

Было бы явной ошибкой считать, что эти понятия чужды арабам. Они пока что еще не стали общепризнанными ценностями лишь в очень медленно модернизирующихся патриархальных обществах традиционных аравийских монархий, в которых преобладают племенной патриотизм («асабийя») и культ наследственных правителей-теократов. Но в остальных арабских странах процессы обновления несомненны. И весь вопрос заключается в том, кто их возьмет под контроль. Социально-политическая и идеологическая борьба начинает все сильнее раздирать арабское общество на рубеже веков. Эту ситуацию обостряет, причем – решающим образом, вмешательство извне в сложную сеть конфликтов, противоречий и противостояний различных сил арабского мира.

Конец 2010 г. – начало 2011 г. ознаменовались взлетом общественного недовольства почти во всех арабских странах, кроме Саудовской Аравии и «нефтедобывающих», т.е. богатых, государств Персидского залива. Последние, как и давно раздираемый межэтническими войнами и, наконец, развалившийся надвое (а, может быть, и натрое) Судан, остались вне общеарабского подъема, названного в прессе «арабской политической весной». Данный подъем – безусловно новый и важный этап в исторической эволюции арабских стран, обусловленный прежде всего внутренними социально-экономическими и политико-культурными сдвигами в жизни арабов, которые в середине XX в. реально обрели политическую независимость, до этого на деле остававшуюся фикцией.

Национально-освободительные революции 1952 г. в Египте, 1954-1962 гг. в Алжире, 1958 г. в Ираке и 1962 г. в Йемене, как и более поздние революции 1969 г. в Ливии и Судане, открыли этим странам как и другим, сумевшим воспользоваться ситуацией (например, Марокко, Тунису и Сирии), путь к прогрессивным реформам и серьезным преобразованиям в экономике и политике. Они, несомненно, дали определенный стимул позитивным переменам в развитии народного хозяйства, аграрного и промышленного производства, индустриализации (пусть и ограниченной) экономики, привели к распространению грамотности, количественному и качественному росту интеллигенции, средних слоев, особенно – студенчества, офицерства, государственных служащих, квалифицированных специалистов. Однако все эти перемены все же не могли радикально решить главные проблемы молодых государств. Не успев порадоваться обретению политической самостоятельности, они столкнулись с фактической невозможностью провести масштабную модернизацию ввиду отсталости инфраструктуры, отсутствия новейших технологий и

необходимых капиталов, острой нехватки подготовленных кадров (несмотря на ускоренное и поэтому не всегда безупречное их обучение). Это вынуждало их идти на поклон к тем самым державам Запада, давно вожделенной независимости от которых они только что добились [1].

Более того, в последние десятилетия XX в. ускорились и усилились процессы глобализации, самым жестким образом втягивавшие арабские страны в орбиту всестороннего воздействия на них западных держав по линиям международной торговли, регулирования к выгоде Запада механизмов экспорта-импорта, навязывания западных стандартов во всем – от принципов морали до формы одежды, в сфере науки, техники, культуры, искусства, художественных вкусов. «Мондиализация», т.е. всемирность экономических, технологических, культурных и прочих связей, опутывающих «глобализируемый» социум, переживается им крайне болезненно, так как ведет к ломке его структур, перестройке (подчас – коренной и грубо, без учета местной специфики, осуществляемой) общественных механизмов и связей между людьми и практически всюду на Востоке, на Арабском – в первую очередь, к росту обнищания не успевающих приспособиться к «накату» глобализации традиционных докапиталистических производителей города и деревни, ускорению темпов их разорения и превращения в социальных маргиналов. Более половины из них навсегда остаются в этом качестве, образуя постоянно растущий и социально взрывоопасный компонент общества. В некоторых странах его доля равна примерно 35-40% самостоятельного населения [2].

В то же время попытки преодолеть трудности хозяйственного и социополитического развития привычными для Востока авторитарными методами множили военно-бюрократические и диктаторские режимы в арабском мире. Они опирались на офицерство, чиновничество, полицию, буржуазию (обычно – не предпринимательскую, а бюрократическую, спекулятивную, компрадорскую, т.е. не производительную, а паразитическую в значительной степени). Все эти социальные группы нередко сливались в единый эксплуататорский слой, присваивавший себе свыше 80-90% национального дохода. В монархических государствах Востока в него прочно вросла прослойка «феодально-бюрократического капитала» (ФБК), т.е. сотен семейств знати, одновременно контролирующих через своих выдвинутых верхние эшелоны власти, наиболее доходные сферы бизнеса, элиту армии и духовенства [3]. Сплоченные в средневековые кланы, чей авторитет освящен древними обычаями и традициями, они нередко демонстрируют свое финансовое, военное и прочее влияние и за пределами своих стран, что можно наблюдать на примере Саудовской Аравии, Марокко, Иордании, Катара и соседних с ним эмиратов. Еще Макс Вебер предупреждал, что подобные кланы, неизбежно соединяя религиозные и политические функции с преимуществами происхождения, всегда претендуют на «неограниченную личную власть» [4]. События 2011 г. в Ливии и Сирии и неожиданно активная роль в них ряда аравийских монархий напомнили об этом.

Конечно, арабское общество всегда отличалось весьма контрастной поляризацией и ярко выраженными формами социального неравенства. И практически во все исторические эпохи это вызывало бунты, восстания, острые конфликты и столкновения привилегированных групп с широкими массами эксплуатируемых и неимущих бедняков. При этом социальная и политическая борьба была тесно связана с религией, обосновывалась ею, осмыслялась в рамках религии. В исламе всегда считалось справедливой борьба против правящих «плохих мусульман», т.е. нарушающих предписания Корана и шариата (найти такие нарушения было всегда не трудно). На этом основании ученые считают, что «корни политизации ислама теряются «во тьме времен», отталкиваясь от возникшего в IX в. противостояния традиционализма и рационализма, ликвидировать которое пытаются с XVIII в. ваххабиты, ведущие «проповедь социальной гармонии, братства и единства всех мусульман», а всех отступивших от строгого соблюдения норм ислама признающие «людьми хуже язычников» [5].

Однако арабский мир никогда не варился в собственном соку. Наоборот, он интенсивно общался, особенно в регионе Средиземноморья, со своими соседями в Африке и Европе, активно влияя на них в эпоху арабских завоеваний и расцвета арабо-исламской культуры в VII-X вв. и столь же интенсивно отбиваясь от них во времена крестовых походов XI-XIII вв. и зарождения европейского колониализма в XV-XVII вв. Последующие успехи этого колониализма в XVIII-XIX вв. породили ответную реакцию мусульман в виде исламского фундаментализма. Из многих определений фундаментализма наиболее адекватным представляется данное всемирно известным египетским социополитологом Анваром Абд аль-Маликом, согласно которому это – «постоянная черта всех зрелых цивилизаций, культур и наций... в момент вызова, создаваемого конфронтацией, отречением, глубоко ощутимой угрозой, так же как и тупиковой ситуацией, прерыванием господствовавших до настоящего времени темпов прогресса, роста, экспансии, дестабилизацией “нормального состояния” мощными силами извне».[6]

Исламский фундаментализм наших дней – прямой наследник панисламизма XIX в., пытавшегося (неудачно) ответить на культурно-идеологический и военно-политический вызов европейской экспансии, а также – национализма и мусульманского социализма, более успешно справившихся с этой задачей в XX в. При этом ислам всегда оставался важным компонентом всех течений национализма, а мусульманский социализм имел задачей, базируясь на принципах Корана и шариата, не допустить распространения светских форм социализма, как чуждых и враждебных миру ислама [7].

Однако, ни националисты, ни мусульманские социалисты не могли справиться с «глубоко ощутимой угрозой» и давлением «мощных сил извне», порожденных глобализацией. Именно поэтому, считает В.А. Исаев, «на Ближнем Востоке существует мощная оппозиция глобализации» и многие там «рассматривают глобализацию как продолжение империалистической и колониальной политики иными средствами» [8]. Данное обстоятельство приводит к слиянию разных течений социального недовольства в арабских странах – внутренних, рожденных сверхобогащением всех причастных к власти и маргинализацией все более растущей части народа, и внешних, определяемых политикой Запада. Особенно часто эти направления сливаются в одно там, где, по выражению арабского политолога Хашима Джавада, «мусульмане не имеют законных средств для выражения своего недовольства экономической политикой и дипломатией Запада, воспринятой их деспотическими правительствами». Именно в этом случае возникает база для формирования «конфронтационного и агрессивного» исламо-экстремизма, ставшего за последнее время серьезным фактором и внутривосточной и международной жизни государств ислама [9].

Тем не менее, западные державы продолжают и даже совершенствуют политику глобализации в арабском мире, используя все имеющиеся в их распоряжении рычаги воздействия на экономику и общество арабов, но также на их духовную жизнь, психологию и менталитет, в том числе – с помощью новейших технологий. При этом арсенал применяемых ими средств существенно расширился, так как им необходимо учитывать возросшую чувствительность арабов к проблемам социального неравенства и социальной несправедливости ввиду роста уровня их грамотности (следовательно, и уровня гражданского самосознания и политической просвещенности), уменьшения, особенно в городах, различий в уровне культуры мужчины и женщины, повышения степени информированности населения вследствие умножения и модернизации СМИ [10].

Это – объективный фактор, свидетельствующий о внутренних социокультурных сдвигах в арабском мире и заставляющий всех, кто имеет отношения с арабами, в том числе – западные державы, менять свою тактику на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Но есть и субъективный фактор – все возрастающая роль исламизма или исламо-экстремизма, причем – не только на мусульманском Востоке, но и во всем мире. Практически в каждой стране ислама для этой идеологии есть почва: достаточно взглянуть на долю маргиналов, составляющих от трети до четверти работоспособного населения Арабского региона [11]. И все они, как это установлено многими авторами в наши дни, давно уже ищут причины своих несчастий и их объяснение в трудах и выступлениях идеологов исламского фундаментализма, по мнению которых все беды мусульман исчезнут, когда всюду в мире возникнут исламские государства, конституцией в которых будет Коран [12].

Волны исламизма захлестывают ныне и страны Запада, где трудовыми мигрантами (а также – экономическими и политическими беженцами, учащимися, многочисленными бизнесменами всех калибров) из стран ислама образованы гигантские диаспоры – от 3040 тыс. чел. в Германии до чуть ли не 15 млн. чел. в США [13]. Их численность постоянно увеличивается и варьируется, так как официальные данные статистики не совпадают с реальными цифрами, охватывающими также нелегальных тайных эмигрантов, приезжающих с фальшивыми визами под видом родственников, «временных» рабочих или лже-студентов, а то и «просачивающихся» на Запад криминальными путями, давно проложенными различными мафиями контрабандистов, наркоторговцев, сутенеров и коррупционеров всех видов. Ввиду этого иногда один и тот же автор, например, называет разные цифры мусульман в Европе – то 24 млн чел., то 40 млн. чел. Тунисско-американский исследователь М.Тлили считает, что в регионе Средиземноморья проживают 425 млн чел. – 272 млн европейцев, включая 20 млн «европейских мусульман», 6 млн израильтян и «почти 200 млн арабов». Неясно только, почему общий итог не сходится и куда он дел турок? А также включает ли он в свои подсчеты примерно 6 млн. мусульман Великобритании, Бельгии и Нидерландов, к Средиземноморью не относящихся. Но, в конце концов, дело не в численности, а в социополитическом потенциале этой гигантской массы, активно влияющей на общественный климат стран-реципиентов, в которых уже высказываются опасения по поводу возможной их «исламизации» и поглощения афро-азиатами. Среди последних исламисты также пользуются влиянием, поскольку их идеология ныне обычно доминирует во

всех мусульманских социумах. Более того, можно предположить, что исламизм, базирующийся на исламском фундаментализме и давно уже питающий собою исламо-экстремизм, ведущий фактически войну против Запада, да и против стран СНГ, представляет собой как бы определенную стадию развития мира ислама. Во всяком случае, несомненно, что исламизм сегодня – это новая массовая идеология, главный фактор духовного, социокультурного и политического бытия мусульман. И Запад, судя по всему, накопивший это обстоятельство, решил использовать эту неподвластную ему и пока что им непобежденную силу в своих интересах. На наш взгляд, в пользу этой версии говорят несколько неожиданные и даже парадоксальные повороты в развитии событий 2010-2011 гг. в арабском мире.

Как известно, эти события начались с массовых демонстраций под социальными и политическими требованиями сугубо светского характера. Вопреки ожиданиям, исламисты не возглавили эти демонстрации и, как казалось поначалу, если и участвовали в них, то больше всего старались остаться в тени, хотя в СМИ народные выступления называли именно их «акциями» и даже «революциями». Они вышли на авансцену, победив на парламентских выборах в конце 2011 г. в Тунисе, Египте, Марокко (где, хотя этот результат и стал неожиданным, но все же мало что значит, ибо вся полнота власти в Марокко – в руках короля). Тем не менее, ситуация остается сложной. Правящая элита Египта и Туниса, избавившись от одиозных правителей и их ближайшего окружения, вряд ли расположена проводить курс на формально провозглашенную демократизацию и на реальный демонтаж прежней системы. Не только военные и тесно связанная с ними бюрократия этих (как и других) арабских стран, но и всюду поднявшие голову исламисты вряд ли допустят столь радикальный сдвиг в политической жизни. Все они жаждут не демократии и свободы, не обеспечения прав человека и создания гражданского общества, а власти и богатства, каковые на Востоке связаны теснейшим образом.

О каких «правах» и «свободах» может идти речь в подобных условиях? Тем более, если принять во внимание высказываемый рядом экспертов по Ближнему Востоку тезис о «ключевой роли» в арабской политической весне «ваххабитского тандема» Саудовской Аравии и Катара, чьи деньги, действия, агентства и даже вооруженные силы весьма заметны в событиях, развернувшихся в 2010-2011 гг. от Марокко до Йемена и Бахрейна. Теократические монархии Аравийского полуострова, традиционно пользующиеся поддержкой США, в ходе «арабской весны» решали и решают свои задачи. Им важно избавиться, наконец, от нависавшей над ними более полувека угрозы со стороны светских и республиканских режимов арабского мира. Но в этом же заинтересованы США и их западные союзники, стремящиеся подавить антиимпериализм, национализм и стремление к независимости этих режимов.

В результате и монархии, и США, и Запад в целом откровенно поддержали исламистов, в том числе – исламо-экстремистов, надеясь их руками изменить ситуацию в арабском мире в свою пользу. Так что не совсем верно считать аравийских монархов «хвостом», который «вертит натовской собакой», как это считают некоторые весьма квалифицированные специалисты по Ближнему Востоку. Все участники этого монархо-империалистического альянса одинаково заинтересованы в крахе светского национализма и антиимпериализма в Арабском регионе, а кто уж кем вертит, не так важно. Думается, все же, что «натовская собака» со своим «хвостом» вполне справляется, ибо чем станет этот «хвост» без западных технологий, научно-технической помощи, поставок новейшего вооружения, организации финансовых потоков, подготовки квалифицированных кадров и военно-политической, дипломатической и прочей поддержки? Как отметил еще в сентябре 2011 г. Е.Я. Сатановский, любой племенной вождь в арабских странах «ныне называет себя борцом за демократию. В зависимости от того, где это происходит... борьба принимает разные формы. От канибализма до работорговли, пиратства... Демократических революций там нет. Обычные заговоры. В Тунисе, Египте часть элит избавилась от семейных кланов Бен Али и Мубарака. В Ливии обычный сепаратистский мятеж, усилиями НАТО перешедший в гражданскую войну».

Нельзя не согласиться с этими лапидарными, но весьма содержательными формулировками. К тому же, они подкрепляются и впечатлениями от происходящего у соседей арабов – Сомали, Конго, Южного Судана, и от бесчеловечной расправы с Муаммаром Каддафи, 42 года возглавлявшего Ливию, а затем свергнутого в результате беспрецедентной агрессии НАТО, в ходе которой, помимо помощи разношерстным и часто полукриминальным повстанцам со стороны спецназа Англии, Франции, Катара и ОАЭ, самолеты этих стран, а также Бельгии, Греции, Дании, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Норвегии, США и даже не состоящих в НАТО Швеции и Иордании совершили более 26 тыс. боевых вылетов и поразили 6 тыс. целей. Западные СМИ в конце 2011 г. уверяли, что жертвами этих бомбежек стали «всего» 70 мирных жителей, но власти Ливии еще в июле этого года заявили о 1108 жертвах. В обстановке беспредела и кровавой вакханалии, возникшей в ходе захвата не столько повстанцами, сколько интер-

вентами Триполи, Сирта и других городов страны, подсчитать реальное количество погибших невозможно. Но совершенно ясно, что в Ливии, потерявшей тысячи (а может быть и десятки тысяч) своих граждан, произошла гуманитарная катастрофа, «предотвратить» которую формально должна была, согласно резолюции Совета Безопасности ООН, операция, на которую только США потратили около 1 млрд долларов, а Англия – около 500 млн долларов. «По сравнению с десятками миллиардов долларов, которые могут быть получены из Ливии в виде нефти – «смешные деньги» [14]. Ясно, что ни о каких правах и свободах ливийцев речь при этом не идет.

Примерно то же самое Запад в лице блока НАТО хотел бы устроить и в Сирии, где весь 2011-2012 г. шла ожесточенная борьба исламистов с режимом партии Баас, реально правящей в стране почти полвека. Как и в случае с Ливией, пропаганда западных СМИ представляла эту борьбу сначала как противостояние «демократии» и «диктатуры», а потом – как религиозный конфликт. Даже в российской прессе происходящее в Сирии изображалось как «схватка двух конфессиональных общин – правящего алавитского меньшинства и недовольного своим положением суннитского большинства». Однако, есть и иная точка зрения: «Катар и Саудовская Аравия в необъявленной войне с Ираном стремятся уничтожить сирийский режим... как союзника Тегерана». Обе точки зрения заслуживают внимания, но, в общем-то, раскрывают не всю ситуацию в Сирии, а ее отдельные, хотя и важные, аспекты.

Прежде всего, Сирия за все время правления Баас рассматривается на Западе, в первую очередь в США, крайне негативно ввиду защиты ею опасной для неокOLONIALИСТОВ идеи арабского единства, ее сильного влияния в Ливане и поддержки ею в этой стране мусульман и друзей, сопровождавшегося «существенным ограничением властной роли маронитов», всегда бывших верной опорой Запада. В борьбе с Баас и ее лидером Башаром Асадом США и их союзники, прежде всего Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ, использовали абсолютно все – подкуп, коррупцию, исламистское подполье, протестные настроения друзей, враждебных алавитам, шантаж семей полицейских и военнослужащих, бандитский террор против них и ухищрения лживой пропаганды, приписывавшей властям Сирии якобы «нежелание проводить реформы» и вести переговоры с оппозицией, разрушение мечетей, убийства мирных демонстрантов и т.п. [23]. С этой же целью проводились «слушания» по ситуации в Сирии в конгрессе США, Европарламенте, руководящих органах ЕС и НАТО, организовывались провокационные поездки по разным странам главы самозванного Совета национального спасения Сирии, окопавшегося в Стамбуле [14].

Демократические свободы и права человека могут существовать и развиваться только в современном социуме, субъекты которого взаимосвязаны, взаимозависимы и просто вынуждены уважать интересы друг друга. Этого нет и не может быть там, где они не обладают равными возможностями, а общество строится по иерархическому принципу, руководствуясь древними традициями, родовыми обычаями и племенными канонами. Все это старинное наследие до наших дней сохранилось в арабийских монархиях и до сих пор не утратило своих позиций окончательно и в прочих арабских странах. Современное арабское общество – это симбиоз (а кое-где и синтез) вполне современных капиталистических, госкапиталистических и полукапиталистических укладов с элементами патриархальной общины и кланового бытия, кровно-родственных связей, иерархий феодального или полуфеодального, а иногда – даже рабовладельческого характера, а также – еще не изжитых многообразных форм хозяйственной эксплуатации и социального подчинения, которых Запад и не знал никогда.

1. *Восточный социум и религия.* - М., 2009, - с. 7-8; *The Middle East viewed from the North.* Bergen, 1992, – pp. 73-84.
2. *Ближний Восток и современность.* – М., 2002, №14, – с. 193.
3. *В потоке научного творчества. К 80-летию академика В.С. Мясникова.* – М., 2011, – с. 125-126; Проханов А. «Братья-мусульмане». *Каир – Завтра*, 2012, №2, (947).
4. Weber M. *The Theory of Social and Economic Organization.* – London, 1947, – p. 37, 318.
5. *В потоке научного творчества...*, – с. 127; Видясова М.В., Орлов В.В. *Политический ислам в странах Северной Африки.* – М., 2008, – с. 9.
6. Abdel-Malek A. *Foundations – and Fundamentalism (Народы Азии и Африки.* 1990, №2, – с. 18).
7. *Подробнее см. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги.* – М., 2005, – с. 55-56.
8. *Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Выпуск 6.* – М., 2007, – с. 60.
9. *Arabs and the West.* – Amman, 1999, – p. 29.
10. *В потоке научного творчества...*, – с. 124.
11. *Ближний Восток и современность.* – М., 2002, №14, – с. 193; там же, 2003, №18, – с. 161-193; *Intifada: Facts*

- Абай атындағы ҚазҰПУ-нің Хабаршысы, «Халықаралық өмір және саясат» сериясы, №3 (30), 2012 ж and Figures. – Tunis, 1989, – pp. 10-12.*
12. Кепель Ж. *Джихад: экспансия и закат исламизма. – М., 2004, – с. 154-164.*
- 13 *Независимая газета, 29.09.2001. Эти цифры 10-летней давности явно устарели. К тому же, среди мусульман США большинство составляют не приезжие мигранты, а местные афро-американцы, принявшие ислам.*
14. *Азия и Африка сегодня, 1994, №11, – с. 33; Ближний Восток и современность, 2002, №16, – с. 340.*